

ВСЕ СВЯТЫЕ ЗАМОЛКАЮТ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

1

18+

HeLa

Hela

**Все святые замолкают
перед рассветом**

«Автор»

2026

Hela

Все святые замолкают перед рассветом / Hela — «Автор», 2026

Лайт возвращается в Таиланд по просьбе отца Мартина, который восемь лет назад отправил его в Канаду к своему другу-священнику. За годы в Торонто юноша окончил католический университет и стал ярким открытием в мире искусства. Броский и холодный, он необычен с рождения: на дух не переносит церковные атрибуты и терзается навязчивыми мыслями. Помимо художественного таланта в нем скрыта пугающая сила - отрицаемая церковью, но желанная для ее теневого брата, Совета. Во главе идей Совета стоит Эдриан Кроу, одержимый пророчеством о создании нового мессии. Он годами экспериментирует, чтобы создать нового Бога. Главной его удачей стал собственный сын Элайджа, воспитанный, чтобы занять религиозный трон, чего сам юноша не хочет. Появление Лайта все изменило. Кроу увидел в нем идеального кандидата: циничного, расчетливого и непреклонного. Он послал за ним сына, предложив взамен полную свободу и невмешательство, но все вышло из-под контроля...

© Hela, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	69
Глава 13	75
Глава 14	82
Глава 15	88
Глава 16	96
Глава 17	107
Глава 18	112

Hela

Все святые замолкают перед рассветом

Глава 1

*Особая благодарность актеру Милку
Натчанону
Суправоравонгу, чей образ
и талант вдохнули душу в моего
Лайта. Эта роль всегда
будет принадлежать ему.*

Hela

Сканируйте QR-код, чтобы слушать OST
на **SoundCloud**, написанные для этой истории

Ночь была темнее обычного. Она окутывала и поглощала спящий город. В ушах стоял жуткий гул. Столбы огня вырывались из земли и плотной, дышащей стеной преграждали дорогу. В огне можно было разглядеть мужскую фигуру. Высокий темноволосый парень стоял неподвижно с застывшей, неестественной улыбкой. Его тяжелый взгляд был прикован к Лайту. Казалось, языки пламени не причиняли ему вреда, а были чем-то привычным, частью его самого.

— Кто ты, черт возьми, такой? — прокричал Лайт. Голос его сорвался, пытаясь пробиться сквозь нарастающий гул. — Что тебе от меня нужно?

Незнакомец двинулся навстречу. Он вел за собой огонь, как собаку на привязи. Пламя жадно охватывало машины и дома, раскаляя камень и металл докрасна.

Остановился. Не отводя пристального взгляда, медленно расстегнул рубашку.

Лайт оцепенел. Его бил озноб, и подкатывала тошнота.

Еще мгновение — незнакомец вонзил руку себе в грудь и протянул ему бьющееся сердце.

Ужас застыл в глазах Лайта. Гул в ушах усилился и он отшатнулся назад. Тело стало тяжелым и каждый вдох давался с трудом. Взгляд скользнул вниз, и он запаниковал — в его груди была глубокая дыра. А сердце в руках незнакомца продолжало биться.

Лайт открыл глаза. Изза резкого света мир показался слепящебелым и беззвучным. Он щурился и с трудом фокусировал взгляд. Убедившись, что лежит в кровати, выдохнул с облегчением. Такие сны давно стали для него нормой, но в последнее время они обрели особую четкость и навязчивость. А таинственный незнакомец впервые подошел так близко. Он провел ладонью по груди, ощутив под рубашкой стук сердца — сейчас он показался ему самым приятным звуком на свете.

Солнце давно встало и ярко освещало просторную комнату. Через распахнутое окно доносился шум дневного Бангкока. Лайт сел на край кровати и понял, что уснул, не раздеваясь. Его помятая рубашка прилипла к спине, а брюки перекрутились вокруг ног. У входной двери осталась стоять еда из круглосуточного: он заскочил туда перед заселением в отель. Вчерашний перелет сильно его измотал, и, захав в номер, он рухнул в кровать и мгновенно провалился в сон.

Раздался настойчивый стук. Лайт потянулся к телефону на полу. Экран мигнул: он проспал почти четырнадцать часов, но все еще чувствовал себя разбитым. Стук в дверь стал настойчивее.

— Кху-у-ун Лайт! Отец Мартин просил доставить тебя в целости и сохранности! — послышался за дверью молодой, слегка взволнованный голос. — И лучше бы это сделать как можно скорее. Или опять придется подметать дорожки после службы... — тут же пробурчал он себе под нос.

Лайт встал и открыл дверь.

— Давно не слышал такого обращения.

Гостем оказался невысокий парнишка: черные как уголь глаза, вздернутый нос в веснушках и кучерявые темные волосы — вид беззаботного подростка. Он несколько раз бегло осмотрел Лайта и замер с открытым ртом.

— Кхун?.. Я... То есть ты... Я! Хм... Как бы это сказать... — заикаясь, начал он, нервно перебирая край футболки.

Лайт облокотился на косяк и по лицу поползла медленная, ленивая улыбка. Реакция была ему знакома:

— Я очень изменился, я знаю.

— Даааааа... — энергично закивал гость. — Очень! И, кстати, меня зовут Ют, я буду твоим нонгом. Если можно, конечно.

Лайт наклонился, чтобы сравняться с ним ростом, и дружелюбно похлопал по плечу.

— Ну конечно можно! Проходи и подожди меня. Я быстро приму душ.

Ют засмутился, как школьник, получивший одобрение учителя. Быстро проскользнул в номер и встал посреди комнаты.

Лайт зашел следом.

— Думаю, ты видел мое старое фото, — сказал он, прихватив воду со стола. — Оно было сделано перед моим отъездом из Бангкока. — Он щелкнул крышкой бутылки и сделал долгий глоток. — Там я выгляжу немного иначе, но это действительно я.

Лайт повернулся и посмотрел на Юта. Его взгляд на мгновение стал тяжелым и пронзительным:

— Ошибки быть не может.

Ют и правда ориентировался на то фото. В его воображении уже был готовый портрет: скромный, нескладный, худощавый парнишка. Белые от природы волосы, похожие на пух одуванчика. Яркие синие глаза, как небо в солнечную погоду.

В новой версии Лайта не было и следа той наивной хрупкости. Перед ним стоял высокий, статный юноша двадцати трех лет. Больше похожий на топмодель, чем на воспитанника детского приюта. Его глаза стали ярче и пронзительнее. Длинные белые волосы обрамляли лицо с утонченными чертами. Только теперь это не выглядело невинно и беззаботно. Наоборот — гипнотизировало и вызывало необъяснимый трепет.

Ют, почувствовав внезапную слабость в ногах и присел на край кровати.

— Да, я буду ждать сколько потребуется, — произнес тихо.

— Отлично!

Лайт стянул футболку и бросил на чемодан посреди комнаты. Пока он не скрылся за матовым стеклом ванной, Ют заметил на его груди серебристую цепочку с двумя кольцами. Они вызвали интерес. Несмотря на то, что комната была залита солнцем, кольца не сверкали. Они будто поглощали свет, приобретая собственное, неестественное свечение — жили вне законов физики.

Ют решил, что просто перегрелся, и глубоко вдохнув, принялся с интересом разглядывать номер. Комната была изысканной и минималистичной: стильная мебель и приглушенные цвета погружали в атмосферу уюта и спокойствия. Он пробежался взглядом по стенам. На одной — слегка выцветшая картина с изображением старого города. На другой — массивное зеркало в позолоченной раме. В нем он казался совсем маленьким на фоне просторной номера. В углу стояло широкое мягкое кресло, над которым нависал высокий торшер.

В какой-то момент его взгляд зацепился за толстый глянцевый журнал о современном искусстве. Он лежал на столе у открытого окна. Не столько журнал привлек его внимание, сколько пестрая закладка между страниц.

Ют осторожно подошел к двери ванной. Убедился, что слышит шум воды, и крадущейся походкой направился к столу. Пальцы слегка дрожали, когда он потянул за закладку и открыл журнал.

— Ого! — вырвалось непроизвольно.

Он тут же прикрыл рот ладонью и оглянулся на дверь ванной — вода все еще шумела. Постоял так немного и снова уткнулся в журнал. На развороте было фото Лайта в окружении людей из какого-то элитарного общества. Фотография дышала неприкрытой роскошью: смокинги, драгоценности, искрящееся шампанское. Мир, который Ют видел только в фильмах.

Ниже тянулась длинная статья на английском. Он с трудом преодолевал языковой барьер и в потоке незнакомых слов сумел выхватить лишь обрывки фраз: «Выпускник», «Галерея», «Покоряет талантом и красотой». Смысл остальных предложений так и не сложился в общую картину.

Тишину взорвал звонок. Ют дернулся, как от удара током. Он молниеносно шлепнул журнал на стол и в пару прыжков вернулся на место. Сердце бешено колотилось.

Лишь секунду спустя до него дошло: звонит его собственный телефон. Со всей присущей ему неуклюжестью он вытащил его из кармана. Покрутил в пальцах, уронил на пол, но быстро поднял и поднес к уху:

— Да... Мы скоро будем! Кхун Лайт принимает душ. Не волнуйтесь.

Ют сбросил звонок и задумчиво уставился на дверь ванной: вода больше не шумела.

Так вот оно что... Выпускник... Галерея... Талант... Обрывки фраз из статьи крутились у него в голове. *Сирота из церковного приюта, познавший жестокость мира? Или знаменитость со страниц журналов, чью улыбку продают в киосках? Кто он такой и почему важен?* Кем бы ни был этот человек, сейчас он находился за стеной и вытирался полотенцем. Дверь ванной бесшумно открылась, выпустив клубящееся облако пара. Запахло гелем с нотками

кедра и мяты. Лайт вышел, вытирая волосы. Он подошел к открытому чемодану, выхватил первую попавшуюся футболку и натянул на себя.

— Мы можем ехать.— Повернулся он к Юту.

Тот только кивнул и молча последовал за ним к выходу. Его взгляд скользил по спине Лайта: по влажным прядям, по четкой линии плеч. В голове снова и снова всплывал образ из журнала — смокинг, улыбка, бокал в руке. И зачем ему об этом думать...

Глава 2

Лето в Бангкоке выдалось аномально жарким. Дождей не было пару месяцев, и город напоминал гигантскую пароварку. Люди, изнывая от духоты, искали убежище в тени редких деревьев вдоль узких улочек. Жаркий воздух, плотный и неподвижный, был пропитан ароматами пряностей, еды и благовоний, исходящими от рынка Чатучак¹.

Несмотря на палящее солнце, в городе пульсировала жизнь. Люди, тук-туки, такси и мотоциклы сливались в едином хаотичном потоке — Бангкок жил, дышал и бурлил. В этом бесконечном движении чувствовалась особая гармония и красота.

Возле отеля стоял старый пикап. Синяя краска покрылась царапинами и местами выцвела до серого оттенка. Автомобиль уже не выглядел презентабельно, но был на ходу и не утратил выносливости. При виде машины Лайта охватила такая внезапная ностальгия, что перехватило дыхание. Он мысленно вернулся в те времена, когда этот потрепанный салон был всем его миром.

В памяти всплыли песни на повторе и субботние поездки за продуктами, которые превращались в настоящие экспедиции. Отец Мартин любил рассказывать о своих приключениях: как три часа в пробке обсуждал черепах с таксистом или чуть не уехал в Мьянму, свернув не на ту заправку. Они частенько оказывались на пыльной обочине, когда священник увлекался очередным анекдотом, начинал жестикулировать и отпускал руль. Мог вдруг подхватить песню и, закрыв глаза, петь во весь голос, не обращая внимания на дорогу. Тогда это пугало. Теперь — виделось самым ценным и теплым, что у него было.

Нужно признаться, — подумал он с теплой улыбкой, — *водитель из него ужасный.*

Глядя на машину, Лайт скучал по тому чувству абсолютного, безоговорочного дома, которое жило внутри этого выцветшего металла.

— Эта жара убивает, — пробормотал Ют.

Он вытер пот со лба и лихо запрыгнул на просевшее водительское сиденье. С легким скрипом отворил пассажирскую дверь и широким жестом пригласил спутника внутрь.

— А ты водить-то умеешь? — Лайт медленно обошел капот, наблюдая за его порывистостью.

— Вообще-то, Кхун², мне уже двадцать! — фыркнул Ют. — И права я с первого раза получил. Меня даже хвалили и ставили в пример. Почему все задают мне этот вопрос? Да что не так-то? — Слова полились быстрым потоком, выдавая его уязвимость.

Лайт искренне рассмеялся:

— А я смотрю, ты любишь поворчать. Не принимай близко к сердцу. Я не имел в виду ничего такого.

Ют с досадой надул щеки и стал похож на сердитого котенка, готового выпустить когти при малейшей опасности. Переигрывая с драматизмом, он лишь сдержанно вздохнул и снова кивнул на пассажирское сиденье.

— Горячий нрав, но мягкое сердце, — протянул Лайт, усаживаясь в салон. — Мне это по душе. Мы определенно подружимся.

Неожиданная похвала польстила. Ют невольно заулыбался и отвернулся к окну, скрывая смущение. Сделал вид, что заинтересован птицей на столбе, но спустя мгновение расплылся в добродушной улыбке.

А когда пикап лениво выкатился на оживленную улицу, снова заговорил:

¹ Знаменитый рынок в Бангкоке, один из крупнейших в мире.

² Универсальное вежливое обращение к человеку, аналогичное обращению по имени с уважительной формой.

— Кстати, я хотел спросить. Откуда ты так хорошо знаешь тайский? Звучишь безупречно.

— Потому что я таец.

— Таец? — Ют удивленно вскинул брови, рассматривая профиль собеседника. Фарфоровая кожа, светлые волосы, синие глаза — и все это таец? — Но... ты не выглядишь как местный.

— Я родился и вырос в Таиланде. — Голос Лайта оставался спокойным. — Тайский — мой родной язык. Хотя признаю: внешность у меня специфическая для этих мест. Рад бы что-то рассказать, но это все, что я знаю.

— И ты никогда не хотел узнать? — Любопытство Юта пересилило такт. — У тебя наверняка должны быть родственники. Человек не может появиться из ниоткуда.

Лайт пожал плечами, не отрывая задумчивого взгляда от дороги. Солнце начало клониться к горизонту, окрашивая небо в пастельные тона. Позади остался шум города, а перед ними раскинулись бескрайние рисовые поля, залитые мягким предзакатным светом.

— А надо ли? — продолжил он. — Я люблю эту страну, культуру, людей... Здесь мой дом. — В его голосе звучала глубокая привязанность. — И это все, что мне нужно знать.

Он неожиданно повернулся к Юту, и тот замер от его странной отрешенности:

— Не во все двери стоит ломиться.

Для любого тайца, с молоком матери впитавшего уважение к корням, такая неопределенность казалась странной. Ют этого не понимал, но настаивать не стал. Он вспомнил, как на любые расспросы о нем священник отвечал ледяным молчанием. Это всегда выглядело подозрительно и наводило на противоречивые мысли. Особенно в последнее время: все сводилось к напускной таинственности из-за возвращения Лайта.

На Юта накатила неловкость за свою прямоту, и он суетливо выпалил:

— Извини, Кхун. Просто это... необычно. Но, знаешь, какая разница? Ты — это ты. Неважно, откуда ты родом. Важно, какой ты человек.

— Хм, мудрые слова, — Лайт улыбнулся и потрепал его по волосам.

После он откинулся на спинку, прикрыл глаза и глубоко вдохнул воздух — в нем уже чувствовались сладкие ноты цветущей плюмерии. Он отвык от этого тепла и запахов, но подставил лицо солнцу, понимая, что, скорее всего, обгорит. Просто наслаждался.

Ют расслабленно расправил плечи и прибавил скорость. Старый пикап уверенно заурчал, набирая ход. Оставшаяся часть пути прошла в комфортном молчании.

Вскоре они въехали в небольшую деревню, где вдоль дорог теснились простые деревянные дома, изрядно почерневшие от времени. Пальмовые листья, устилающие крыши, шуршали от легкого бриза и терялись в нависающих кронах. На улицах шумно играли дети и приветливо махали проезжающим мимо, а вдоль дороги лениво бродили пестрые куры и вялые собаки.

За линией манговых деревьев открывался вид на побережье Сиамского залива. За последние пять лет это место стало популярным для отдыха, но так и не обросло бездушными высотками. На воде умиротворенно покачивались лодки, а рыбаки неспешно перебирали снасти перед ночным промыслом. Здесь, в отличие от душного мегаполиса, воздух казался влажным, густо пропитанным солью, а сама жизнь текла неторопливо и размеренно.

Пикап свернул на узкую дорогу, ведущую вглубь деревни. Это был единственный путь к церкви, скрытой от посторонних глаз. Большинство местных жителей исповедовали буддизм, но к отцу Мартину относились с искренним почтением: всячески поддерживали его дело, особенно когда работал приют. Но находились и те, кто смотрел на священника с подозрением — перешептывались по углам и сочиняли жуткие истории. Особенно когда в деревню зачастили незнакомцы.

Асфальт сменился каменистой грунтовкой, по обе стороны которой, плотно прижавшись друг к другу, высились пальмы и баньяны. Этот природный туннель почти не пропускал свет, и

только вдали, в просвете зелени, проступало очертание католического креста. Лайт прекрасно помнил эту дорогу, но сейчас она показалась непривычно долгой и мрачной.

Он насторожился.

Прислушался.

— Останови... Только медленно.

Ют напрягся. Его пальцы побелели — с такой силой он вцепился в руль.

— Зачем? — Глаза забегали, а по спине прошелся холодок. — Кхун?

— Что-то здесь не так... — уверенно прошептал Лайт. От этого стало еще больше не по себе.

— Что значит «не так»?

— Мы не движемся!

Ют в полном замешательстве повернул голову, но послушно начал сбавлять скорость. Лайт молчал и сосредоточенно смотрел то вперед, то в зеркало заднего вида. В отличие от младшего, он сохранял ледяное хладнокровие.

Все замерло.

Окончательно.

Будто кто-то выдернул штепсель из розетки. Деревню окутала гнетущая тишина — та, что повисает перед раскатом грома. Но грома не последовало, только оглушительное ничто.

Исчезли птицы, шелест листьев, стрекот цикад. Даже воздух застыл — стал тяжелым и неподвижным. Слышались лишь мерный гул мотора и шуршание шин. Машина продолжала ехать, но пейзаж за окном был статичен, как фотография, а расстояние до церкви не сокращалось.

Небо затянулось слоем черных туч, и темнота куполом нависла над ними. Ют до упора выжал тормоз и втиснулся в сиденье.

— Оставайся в машине, — твердо произнес Лайт. — Я проверю.

— Не-а. Даже не проси, — нонг бросил быстрый взгляд в темноту и тут же закопошился, отстегивая ремень.

Дрожащими пальцами он откинул крышку бардачка — оттуда с глухим стуком вывалился массивный деревянный крест. Ют схватил его и в отчаянии ткнул в лицо Лайту, едва не задев висок.

— Вот!

Тот отшатнулся и аккуратно отодвинул от себя крест.

— Даже так? Впечатляет, — иронично бросил Лайт. — Ладно, бери свое чудо-оружие и пошли. Но обещай, что не будешь размахивать им как сумасшедший.

Ют сдвинул брови и, покрутив крест в руках, вопросительно посмотрел на старшего.

Они вышли из машины. Тишина давила на уши, а рассмотреть что-либо дальше двух метров было невозможно. Прислушиваясь к каждому шороху, они аккуратно двинулись вперед. Лайт достал телефон и включил фонарик.

— Слышишь? — прошептал он. — Вот. Снова. — Он обернулся к пикапу, освещая пространство.

Ют крепче сжал крест двумя руками.

— Я ничего не слышу, — ответил он, прячась за спиной старшего. — Может, стоит вернуться в машину и...

— Пошли! — Лайт сорвался с места и бросился в глубь густых зарослей.

Ют опешил, но инстинктивно рванул следом, а в голове пульсировала мысль: *Что происходит?* Он спотыкался о корни, ломал кусты, царапал руки о колючие ветки — пытался не отставать, но постоянно терял Лайта из вида. А когда силы почти иссякли, тот неожиданно остановился на полянке, окруженной кольцом леса. Ют подбежал и вцепился в плечо старшего, пытаясь отдышаться.

— Что... что там? — с трудом выговорил он.

— Ты давно видел светлячков?

— Светлячков? Да о чем ты вообще? — выпалил младший.

Жадно хватая воздух, как выброшенная на берег рыба, Ют уперся рукой в бок, пытаясь унять спазм. Послышался нарастающий гул, и он тут же поднял взгляд на деревья. Яркие красные огни загорались один за другим. Кроны вспыхивали, как рождественские елки, заливая поляну резким светом. Огни двигались и множились. С каждой секундой их танец становился все быстрее и хаотичнее, пока не стал резким и угловатым.

— Это... это светлячки? — прошептал Ют, зачарованный и испуганный. — Почему они красные?

— Хороший вопрос. Но я не готов на него ответить, — так же тихо отозвался Лайт. Он не сводил глаз с неба, сохраняя видимое спокойствие. — Давай без резких движений, на всякий случай.

— Какие еще резкие движения... — выдавил Ют. — Я чуть дышу.

К этому времени огни собрались в плотное облако прямо над их головами. И вдруг — сорвались с места и бросились на парней, как рой разъяренных пчел. Лайт среагировал мгновенно и оттолкнул Юта. В тот же миг светлячки окружили его самого плотным кольцом.

Младший не просто отлетел в сторону — его швырнули как куклу. Он с глухим хрипом рухнул на землю и быстро заморгал, пытаясь остановить карусель из деревьев и темного неба.

Немного придя в себя, Ют принялся искать крест, судорожно ощупывая траву вокруг. Он растерянно поглядывал на Лайта, а все происходящее казалось сном: странным, нелепым и пугающим. Он очень хотел, чтобы так и было, но реальность была по чувствам запахом земли и болью в содранных локтях.

Наконец получилось нащупать крест. Ют вскочил и был готов броситься на помощь, но Лайт жестом остановил его. Парень застыл на месте и смотрел, как рой становился более организованным, то расширялся, то сжимался — словно дышал. Они не трогали Лайта, а будто изучали.

Всматривались.

Оценивали.

Старший же пристально смотрел на Юта, и от этого взгляда становилось жутко. Время тянулось бесконечно.

Вдруг светлячки замерли.

Все разом.

Лайт, не медля ни секунды, протянул к ним руку — хотел рассмотреть поближе. Но стоило их коснуться, как рой рассыпался на сотни мелких частиц и осел на землю.

Тишина дрогнула и пришла в движение. Сквозь темные тучи проступили лучи закатного солнца, освещая поляну. Лес снова наполнился привычными птичьими трелями и стрекотом цикад. Ют продолжал стоять как вкопанный и отчаянно пытался найти логичное объяснение увиденному. Лайт же присел на корточки и внимательно рассматривал место, где только что роились светлячки. Но кроме примятой травы и едва заметного мерцающего следа ничего не осталось.

— Думаю, хватит на сегодня приключений, — поднял он голову. — Пошли обратно. Я поведу.

Ют выглядел потерянным — кивнул и поплелся следом. Ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Лайт не торопился с объяснениями, но уже мысленно перебирал ответы на будущие вопросы — у него их было не меньше. Быть может, отец Мартин сможет что-то прояснить...

Глава 3

Отец Мартин медленно прохаживался между рядами скамеек. Время от времени останавливался и касался шершавых спинок пальцами, прислушиваясь к потрескиванию свечей и эху шагов под высокими сводами.

Обычно спокойный, сегодня он заметно нервничал и часто поглядывал на часы.

Ему было за пятьдесят. Время одарило его россыпью мелких морщин и блестящей седой волос, аккуратно собранных в низкий хвост. Статный, задумчивый, с мягким взглядом и приятным тембром голоса — если бы не сутана, его можно было спутать с уличным музыкантом.

Прошло тридцать лет с того момента, как он — молодой и полный идеализма — приехал в деревню восстанавливать ветхую церковь. Днями напролет мужчина трудился бок о бок с волонтерами и рабочими.

Здесь не осталось ни единого сантиметра, к которому священник не приложил бы руку: от расписных стен и резных скамей до ярких витражных окон. Даже цветы у алтаря были из его собственного сада.

Позже, на пожертвования и личные накопления, он открыл приют, что стало для чужака сложнейшим испытанием. И пусть приют просуществовал недолго, для многих детей он успел стать единственным настоящим домом — особенно для Лайта, попавшего сюда в первые дни своей жизни.

Все, что происходило здесь в последние годы, было связано исключительно с этим мальчиком: желание дать ему защиту, скрыть от чужих глаз и научить не бояться самого себя.

Священник часто тонул в мыслях: что, если бы он тогда принял иное решение? Что, если бы в тот роковой день его не оказалось в церкви? Миллионы бесконечных «если».

Сколько бы он ни склонялся в молитвах, умоляя указать верный путь, — ответа не приходило. И он смиренно это принял. Впервые в его решениях не было Бога. Словно Творец не видел происходящего или намеренно не смотрел.

Затянувшееся ожидание нарушил знакомый рокот мотора. После — скрип тормозов и два резких, почти одновременных хлопка дверей.

Отец Мартин уловил тени на кирпичной кладке, сделал глубокий вдох и повернулся к выходу.

В дверях стоял Лайт, крепко сжимая запястье бледного и испуганного Юта.

— Мальчик мой, ты дома! — Лицо священника озарила широкая улыбка, и он поспешил обнять гостя.

Тот отпустил руку младшего и с искренней теплотой ответил на объятия:

— Я дома.

— Прости, что так внезапно попросил вернуться, но обстоятельства требуют твоего присутствия, — произнес отец Мартин и отстранился, чтобы внимательнее его рассмотреть. — Ты сильно изменился. — Взгляд стал изучающим. — Возмужал. Почти на голову выше меня.

Священник не верил своим глазам. Хотя они постоянно созванивались по видеосвязи, экран искажал реальность, и, только встретившись лично, отец Мартин ощутил: Лайт вырос. Перед ним стоял взрослый мужчина, а не худенький подросток, который восемь лет назад садился в самолет в слезах.

— Мы столкнулись с твоими обстоятельствами раньше, чем добрались сюда, — Лайт бросил быстрый взгляд на младшего, неловко переминающегося с ноги на ногу.

Ют чувствовал себя лишним в этом трогательном воссоединении. Священник сдвинул брови и внимательно осмотрел его — непривычно тихого и молчаливого.

— Что-то случилось по дороге? Что с тобой, пацан?

Словно ожидая этого вопроса, тот сжал кулаки и выпалил:

— Дорога... она... не такая. Не помню, чтобы так было! — Его голос дрожал. Слова путались, будто кто-то нарочно разбил речь на части. — Деревья... они другие. И время... его не было. Мы ехали, а потом все изменилось. Солнца не было. Ничего не было!

Лайт встретился взглядом с отцом Мартином и понял: они думают об одном и том же. Он неторопливо подошел к входу и закрыл тяжелую дверь на металлический засов.

Священник усадил Юта на скамью и попытался успокоить, но тот лишь нервно тряс головой.

— Красные светлячки! Они... они появились, а потом исчезли! Никогда раньше их там не было! И снова все вернулось, как было... и время, и... Почему они красные?

Ют выдохся и замолчал. Ему стало немного легче, но взгляд все еще испуганно метался по сторонам.

Отец Мартин погладил его по голове:

— Да, я должен был это предусмотреть, когда отправил тебя за Лайтом.

— Это факт, — согласился Лайт, пройдя мимо них к алтарю.

— Почему закрыли дверь? Святой отец? — Ют напрягся и заозирался. Он не мог спокойно сидеть на месте и постоянно менял позу.

Лайт потер висок:

— Ох, нонг, ты такой шумный.

Священник солидарно закивал и, достав из кармана флягу с затертой надписью «Святая вода», сделал пару глотков.

— Думаю, это был знак, — попытался объяснить Лайт, всматриваясь в воду в купели.

— Знак чего? Нового урожая личи? Или предвестник скидок на рынке? — Ют не успокаивался и рьяно гнул свою линию.

— Хватит, Лайт! — резко прервал его священник. — Он и так не в себе. Просто покажи ему.

— Хм... Мы все здесь немного не в себе, — прошептал тот, упершись ладонями в холодный камень. — Ты хочешь знать, что происходит? — Его голос стал ледяным, а взгляд впился в Юта, пригвоздив парня к месту.

Беспокойство нарастало.

— Привыкай или беги!

Лайт окунул пальцы в купель. Вода вспыхнула синим пламенем — оно мгновенно погасило свечи и залило церковь холодным сиянием.

— Какого хрена... — Ют в ужасе вытаращился.

Он попытался, пытаясь залезть на скамью, но священник мертвой хваткой вцепился в его рубашку и усадил на место — пришлось молча наблюдать.

Лайт оставался невозмутим и спокойно глядел на угасающий огонь, пока дымка от свечей неторопливо оседала на пол. Тишину нарушало только свистящее дыхание Юта.

Отец Мартин прищурился и всмотрелся в мутную завесу:

— Тебе все еще больно?

Лайт поднял голову и покрутил рукой — кожа на кончиках пальцев покраснела, как от ожога.

— Беспокоит, но не так, как раньше. Скоро пройдет.

Первоначальный ужас Юта сменился истеричным возмущением. Для него происходящее было слишком странным, необъяснимым и постановочным — оно подозрительно напоминало очередную шутку отца Мартина.

— А-а-а-а... Я понял! Это фокусы какие-то, вы меня разыгрываете! — неожиданно вско-
чил он

Священник снова усадил его на место, пытаясь призвать к порядку:

— Никаких фокусов, пацан. Лайт просто немного отличается от нас с тобой.

Ют скрестил руки на груди и приготовился следить за мыслью священника. Но тот замолчал, а это всегда говорило о серьезности ситуации. Младший нервно растер лоб пальцами: — Господи, пожалуйста, можно я проснусь? Пожалуйста, пожалуйста...

Он тут же вспомнил про крест, с которым не расставался по дороге, а сейчас так беспечно оставил в машине.

— Ну, будет тебе. Давай-ка ты отдохнешь, а завтра мы еще раз поговорим, — мягко добавил отец Мартин.

Лайт одобрительно кивнул и подсел на соседнюю скамью, выдав свою самую милую улыбку. Это дало противоположный эффект.

Ют еще никогда не перемещался так быстро. Он в панике выхватил у священника флягу и вылил содержимое на ладони — начал судорожно обтирать лицо, прерывисто бормоча строки из Писания. Но резко остановился и уставился на отца Мартина.

Взгляд, секунду назад полный религиозного пыла, теперь горел негодованием.

— Всегда?! — Голос дрожал от возмущения и горького разочарования. — Скажите мне ради всего святого: всегда ли в этой штуке был виски?!

Отец Мартин, ничуть не смутившись, пожал плечами. Он взял флягу и бережно закрыл ее.

— Ют, дитя мое, вера — штука личная. Кто сказал, что Бог против хорошего виски? Тем более в умеренных дозах. Священник хитро подмигнул Лайту, который тихонько хихикал, наблюдая за этой перепалкой.

Ют не сдержался и перешел на повышенный тон: — Да как вы можете?! Вы же священник и должны проповедовать веру, а не оправдывать пьянство! — крикнул он, пытаясь отобрать флягу.

Началась нелепая, суматошная потасовка. Они бегали между скамьями, спотыкаясь об аналои с молитвенниками, а их сцепившиеся тени гигантской картинкой проецировались на распятие у алтаря.

Ют, пахнувший как передвижной ликеро-водочный завод, отчаянно пытался забрать злополучную жестянку. Это напоминало забавную сценку, где две обезьянки борются за банан.

Священник наконец вырвался из цепких объятий подопечного. Остановился, отряхнулся и победно провозгласил:

— Пацан, пойми: людей из рая выгнали за яблоко, а не за виски! В любом случае яблоко — это просто метафора. А виски... виски — это просто виски. Он показательно отпил из фляги, всучил ее обратно Юту и, напевая под нос, удалился в свой кабинет.

Ошеломленный парень так и остался стоять посреди церкви, а Лайт расхохотался в голос.

Он подошел к остолбеневшему Юту и потряс его за плечо.

— Ну что, нонг, наш старичок — тот еще артист?

После осторожно вытащил флягу из онемевших пальцев младшего, поднес к носу и вдохнул аромат.

— О, шотландский!

Ют смотрел на него с немим укором и чувствовал, как почва окончательно уходит из-под ног. Его мир, состоящий из четких правил, трещал по швам, превращаясь в абсурдный карнавал.

— Кхун, только не говори, что и ты туда же?

— Да ладно тебе. В жизни бывают вещи, которые невозможно принять в одиночку. И еще хуже, когда ни одна живая душа не должна о них знать. В таких случаях появляется шотландский виски десятилетней выдержки — чем тебе не мудрость? Пошли-ка, покажешь мне свою комнату.

— С такой логикой далеко не уедешь. Зато сразу видно, кто тебя воспитал, — ворчливо фыркнул младший.

— Ты смотри, какой «колючий» — прямо сразу ему все видно! Ранил до глубины души. Лайт загреб Юта в дружеский захват и настойчиво повел к выходу. Мысли насакивали одна на одну:

Почему священник оставил нас наедине?

Разве не очевидно, что Юта до смерти меня боится?

Младший почему-то не сопротивлялся и спокойно шел рядом.

Странно...

Лайт искоса посмотрел на него.

Может, я действительно слишком практичен?

Но кому нужны лишние чувства?

— Я живу в твоей, — голос Юта прервал поток мыслей.

— Даже так! Находил что-нибудь интересное?

— Да уж. Есть вопросыки.

Глава 4

Лайт стоял в его комнате. Нет, не в его — в своей. Там, где прошли пятнадцать лет его жизни. Где под кроватью прятались монстры, а старые половицы пугающе скрипели сами по себе. Где дождь с силой барабанил в небольшое окно, словно что-то извне пыталось ворваться внутрь.

Он застыл в дверном проеме, скрестив руки на груди. Его взгляд был прикован к Юту, и в нем он видел себя прежнего: укрытого с головой одеялом и вцепившегося в подушку.

Комната, когда-то казавшаяся необъятной, теперь была до смешного мала — до потолка можно было дотянуться ладонью, едва встав на носки. Сейчас здесь все виделось иначе, хотя половицы так же скрипели, стоило пошевелиться на кровати. То ли детские монстры больше не пугали Лайта, то ли он сам стал тем монстром, который открыто берет все, что пожелает.

Взгляд бегло скользил по знакомым вещам, пока не задержался в углу, на массивном письменном столе из старого тика. Его история началась одним летом, когда над заливом бушевала свирепая гроза. Разряд молнии ударил в огромное дерево у пляжа. Удар был таким мощным, что ствол треснул пополам, и одна половина с грохотом рухнула на землю.

На свежем срезе молния выжгла завораживающую картину: трещины, пятна и линии складывались в удивительные узоры. Это зрелище так поразило юного Лайта, что он уговорил отца Мартина забрать уцелевшую часть ствола.

Вместе они превратили ее в стол. Вышло не идеально — столешница осталась слегка неровной, а углы стесанными. Но весь секрет заключался в живом, подвижном рисунке древесины. В зависимости от света на ней можно было разглядеть то крыло дракона, то фантастического зверя, то схему далекой галактики. Лайт мог подолгу смотреть на узоры, придумывая разные истории.

Возможно, именно тогда, он впервые почувствовал свою творческую натуру, эту неутолимую потребность — не просто видеть, а вкладывать и зашифровывать смыслы, понятные только ему одному.

Его стремительный взлет в арт-сообществе списывали на гениальность. Но гениальность — лишь фасад. Истинный механизм был иным: Лайт создавал не картины, а хитроумные капканы для людского самолюбия. Он мастерски подкидывал ценителям головоломки, а затем, стоя с бокалом шампанского, холодно наблюдал, как каждый зритель узнавал в хаотичных мазках драму собственной жизни. Они искали скрытые смыслы, а находили лишь свое отражение — страхи, пороки и тайные желания.

Как предсказуемо, — думал он, ловя на себе восхищенные взгляды. — Они маскируют свою грязь моими картинами, полагая, что я не замечу. Я все вижу.

В эти моменты он испытывал глубокое удовлетворение: не от признания, а от осознания собственной власти. Каждая проданная работа была актом манипуляции. Он мог безошибочно рассказать, что скрывает очередной «ценитель прекрасного» и как мало в нем этого прекрасного. Со временем Лайт и сам стал произведением искусства — идеальным, завораживающим и абсолютно непроницаемым.

Он мастерски обошел участки пола, скрипевшие сильнее всего, и навис над столом. На краю лежала гора листов, исписанных длинными колонками цифр. Ют явно пытался вывести закономерность, подогнать все под формулу, выискивая скрытый код или дату.

Губы дрогнули в улыбке, лишенной теплоты, — он все понял. Собрал листы, отложил их в сторону и увидел над чем так упорно бился младший. По столешнице тянулся длинный ряд неаккуратно высеченных зарубок: 7, 13, 9, 19, 22, 10, 17, 11... Они были нанесены с такой силой, что древесина до сих пор казалась вздыбленной.

Так вот о каких вопросиках ты говорил.

В комнате темнело, и Лайт перевел взгляд на окно.

За мутным стеклом виднелся все тот же двор, только теперь он казался непривычно тихим — без детских игр и неумемного веселья. Небольшая территория была символически огорожена невысоким бетонным забором. У въезда к церкви располагалась импровизированная парковка на несколько машин, усыпанная щербатым от времени гравием.

По левую руку от храма, в тусклом свете единственного фонаря, благоухал маленький ухоженный садик. В этом цветущем изобилии на постаменте благородно восседала статуя Девы Марии.

Рядом с садом раскинулся могучий такьян. Никто не мог назвать его точный возраст, но узловатые корни, выпирающие из земли, заявляли о почтенном долголетии. Даже местные старики вспоминали, что в их детстве дерево уже было огромным. Его ветви сплелись в гигантский шатер, а с самой мощной свисали самодельные качели. В тени кроны пряталась широкая скамья, помнящая веселые вечера с долгими разговорами.

В церкви по-прежнему горел свет, который был виден только со стороны дома. Священник частенько прятался там от любопытных глаз, чтобы побыть просто Мартином. Он мог засиживаться до утра и давно обустроил себе уютный уголок с кушеткой и стопками книг.

Сам дом, двухэтажный и приземистый, стоял позади церкви, укрывшись в ее тени. Когда-то здесь был приют, а сейчас на втором этаже, в постели, ворочался Ют. Соседняя комната числилась за священником, хотя бывал он там редко. Самую большую отвели под библиотеку, а еще две были завалены старыми вещами, гончарными инструментами и игрушками. Последняя пустовала в ожидании редких гостей.

Просторный первый этаж плавно перетекал в террасу и маленькую кухоньку с круглым столом. Но за ним почти никто не сидел: завтраки и вечерние посиделки проходили на старом крыльце, выходявшем в сторону залива, — идеальном месте, чтобы насладиться видом. Остальное пространство этажа занимал учебный класс: по воскресеньям Ют занимался с местными ребятишками математикой и гончарным делом. Он был настоящим мастером, хотя и отказывался учиться дальше, ссылаясь на свою самодостаточность.

Лайт шел на свет церковного окна и знал: его там ждут. Он давно не чувствовал такого глубокого волнения, думая, что годы разлуки вырыли между ними пропасть.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Отец Мартин стоял у окна, заложив руки за спину. Казалось, он всматривался в сумерки, но на самом деле его взгляд упирался в стекло.

Посреди комнаты на столе стояли шахматы. Фигуры покрывал слой серой пыли — их долго не касались. Позиция на доске кричала о неизбежном конце: до мата оставался всего один ход.

Лайт остановился, рассматривая расстановку:

— Почему бы не сделать ход и не закончить партию?

Священник обернулся и вздохнул:

— Потому что мысль о том, что я проиграю сам себе, меня тяготит.

Лайт удивился.

Он никогда не начинает партию без оппонента, — мелькнуло в голове. — Почему сейчас сделал это? Что изменилось?

Но тему менять не стал:

— Неужели лучше проиграть кому-то другому?

В ответ последовала легкая улыбка.

— Иногда, мальчик мой, проигрыш кому-то другому — это выигрыш, смысл которого ты поймешь не сразу. Давай-ка присядь и сделай последний ход, — священник указал на стул. — Заверши игру, которую я не смог.

Лайт нерешительно сел и внимательно осмотрел доску. Позиция казалась безнадежной для белых. Черные фигуры ошетились, готовые к триумфу. Пальцы слегка покалывало от странного чувства, будто он вторгся в чужую, очень личную историю.

Он взял фигуру, стряхнул с нее пыль и продвинул на одно поле вперед, после чего обреченно произнес:

— Мат.

Отец Мартин кивнул, и в его глазах появился довольный блеск:

— Вот и все. Конец игры. — Он замолчал, ожидая реакции. Но когда ее не последовало, добавил: — Иногда нужно признать поражение. Не бойся делать неизбежное.

Лайт поднял глаза, пытаясь понять, что скрыто за этими словами. Казалось, старая партия была лишь метафорой, а эта доска специально ждала его приезда. Парень чувствовал недосказанность, но разгадывать ребусы сейчас был не готов.

— Святой отец, угости воспитанника женшеневым чаем, — нарушил он затянувшуюся паузу. — Я так давно его не пил, что забыл вкус. И давай наконец поговорим. От количества вопросов голова скоро лопнет.

— Негодный мальчишка, — шутливо погрозил пальцем отец Мартин. — Воспитанником он себя называет. Мы — семья!

Теплота священника вернула Лайту уверенность: он действительно вернулся домой. Не просто в точку на карте, где рос, а туда, где его ждут. Через пару минут на столе уже красовался заварник, а на подоконнике ритмично сопел чайник, готовый вот-вот оповестить, что его работа закончена.

— Меня интересует...

— Почему я попросил тебя вернуться... — прервал его священник, присаживаясь рядом.

— Нет... Ют. Как давно он здесь? И самое главное — почему? И, пожалуйста, без высоких идеалистических причин. Я лучше всех знаю, — Лайт делал упор на каждом слове, — что ты никогда и ничего не делаешь просто так. Либо острая необходимость, либо не менее острая глупость.

Взгляд Лайта стал напористым. Он цеплялся за каждое мимолетное движение, считывая малейшие изменения на лице отца Мартина.

Выбора у того не оставалось, как и причин что-либо скрывать. Раньше перед ним сидел любопытный ребенок, настойчиво задающий вопросы. Сейчас — взрослый мужчина, который не менее настойчиво требовал ответов.

Отец Мартин заговорил:

— Ют появился здесь вскоре после твоего отъезда. Его мать пришла ко мне в полном отчаянии, умоляя помочь. Он резко изменился, и дело было не в подростковых причудах.

Лайт нахмурился:

— Ют одержим? Я бы заметил.

Священник покачал головой.

— Тогда так и было, — его голос стал глухим и отстраненным. — А я попросту не знал, за что хвататься — все трещало по швам. Еще с той ночи в церкви поползли слухи. А когда ты уехал местные активисты с чиновниками словно с цепи сорвались. Приют стал главной темой для сплетен, а меня пытались обвинить в развращении детей и в излишнем влиянии на них... Хотя все знали, что это ложь, я оказался не готов к такому давлению. В итоге приют пришлось закрыть. А Ют... Я все еще не уверен.

Он прервался, сделал глоток из чашки и только после этого продолжил:

— Она ведь растила его в одиночку. Отец погиб, когда пацан был совсем маленьким. Замуж больше не вышла, полностью посвятила себя ребенку. Наверное, поэтому он таким и вырос — чувствующим личную ответственность за все вокруг. Хотя иногда эта ответственность камнем тянет его на дно...

Лайт не перебивал. Сложив ладони в замок, он терпеливо ждал, когда рассказ дойдет до сути.

— А потом она заболела — рак в последней стадии. Уже на смертном одре я пообещал позаботиться о Юте. Ох, мальчик мой... Я поддался эмоциям, но не смог отказать умирающей матери.

— Что дальше? — Голос Лайта прозвучал сухо, но в нем отчетливо промелькнул нарастающий интерес.

— Я забрал его к себе. Мне понадобилось около двух месяцев, чтобы привести парня в чувство, — отец Мартин потер лицо ладонями.

— Ты смог изгнать паразита?

Священник нервно подергивал ногой, отчаянно пытаясь сбросить напряжение.

— Я не знаю. Молитвы больше не работают. Кто-то серьезный вышел на арену... Восемь лет я не спускал с пацана глаз. Одно могу сказать точно: он ничего не помнит о тех двух месяцах.

Отец Мартин сторбился. Казалось, груз этих лет за секунду придавил его к стулу.

— Все это время я убеждал себя, что контролирую ситуацию, но я не справляюсь.

В кабинете повисла тишина.

— Ты хочешь, чтобы я взял его под опеку? — холодно уточнил Лайт.

— Нет! — резко выдохнул священник. — Я прошу тебя быть готовым сделать то, на что у меня никогда не хватит духа. — И, словно пытаясь оправдать свою просьбу, добавил: — Он хороший парень, но талант влипать в неприятности у него феноменальный. А еще он жутко категоричен. Если в чем-то уверен — переубедить невозможно.

Лайт бросил взгляд в сторону окна, через которое была отчетливо видна комната Юта. Ему не нравился этот разговор, и это считывалось по выражению лица.

— Дело только в Юте? Должно быть что-то еще.

— И ты прав... — Священник поспешил встать. — Это беспокоит меня не меньше.

Он подошел к рабочему столу и зарылся в стопки бумаг, небрежно перекидывая их с места на место. Наконец нашел картонную папку — всю в разводах от пролитого чая. Бумага размякла и легко ломалась на сгибах.

— Пока ты был в Канаде, — священник закопошился в папке, — мы с Мэтью собирали информацию. А, вот она!

Он вытянул листок, перевернутый вверх ногами. Протянул Лайту и указал на содержимое:

— Что-то явно происходит. Такого количества сообщений о странностях не было никогда. Особенно здесь! — Он ткнул пальцем в текст, выделенный красным маркером.

— Выставка «Проклятые картины», — вслух прочитал Лайт и поднял глаза. — Что еще за выставка?

— Нашумевшее мероприятие. Уже четыре месяца она колесит по крупным городам мира. И с ее появлением растет число одержимостей.

Священник облокотился на столик с чаем. Тот пошатнулся, и Лайт машинально удержал его рукой, не отрываясь от чтения.

— Ты не сталкивался с чем-то необычным по дороге?

— Не больше обычного, — Лайт задумался. — Разве что пожилая пара в самолете не сводила с меня глаз. А соседняя девочка вытягивала мои волосы между сиденьями и заплетала косички. Вряд ли это странно — просто ворчливые старики и ребенок, которому скучно.

Священник смотрел с умилением:

— Это не странно, мальчик мой. Ты нравишься людям.

Лайт симитировал улыбку, больше похожую на карикатуру. Дочитав, он отложил папку в сторону:

— Странности начались здесь, и, чувствую, закончатся нескоро.

— Завтра выставка открывается в Бангкоке. Все о ней только и говорят, нагоняют ажиотаж, — отец Мартин огляделся, подался вперед и понизил голос, словно опасаясь лишних ушей. — Ты идеально подходишь для того, чтобы ее посетить. Никому и в голову не придет, что человек из мира искусства может преследовать иные цели, кроме профессионального интереса.

— Все продумал, я смотрю, — Лайт увидел в наставнике озорство мальчишки, который искренне верил, что раскрыл тайный заговор. — Чай был очень вкусным, — добавил он, вставая. — Уже поздно, я спать. Разница часовых поясов убивает, нужно время, чтобы привыкнуть.

Он направился к выходу, но задержался в дверях:

— Ют едет со мной? — Вопрос прозвучал как утверждение.

— Я завтра поговорю с ним и все объясню. Спокойной ночи.

Ночь и правда прошла спокойно.

Глава 5

Утро началось ближе к обеду с долгой беседы. Наверное, это был единственный раз, когда Ют просто слушал — терпеливо, вдумчиво, не перебивая. Его несогласие меркло перед объемом информации, которую на него вывалил священник. Он сидел в прострации, склонив голову и сцепив ладони в замок. Иногда пощипывал себя за фаланги пальцев, чтобы убедиться, что это не сон.

Пазл в голове потихоньку складывался, но не покидало ощущение, что некоторые детали стоят не на своих местах, а мир оказался слишком гибким, искаженным и непредсказуемым. Ют знал: отец Мартин рассказал лишь то, что посчитал нужным, и стоит готовиться к сюрпризам.

Мало того что теперь он должен был проводить время с незнакомцем, от которого тряслись коленки, так еще и относиться к этому как к чему-то обычному. Хотя, честности ради, они с Лайтом находились в одинаковом положении — каждый из них был бомбой замедленного действия.

Ют не стал спорить или устраивать допрос. Он записал номер старшего, взял ключи и запрыгнул в пикап. Получив от него геолокацию, тут же направился на встречу.

Лайт, в отличие от него, почти не спал. С первыми лучами солнца он уехал в Бангкок, чтобы выселиться из отеля и забрать багаж. Пока на ресепшене разбирались с путаницей в списках, он успел позавтракать и прошерстить новости. Все вокруг кричало об открытии выставки «Проклятые картин». Торговые центры были увешаны баннерами, от которых рябило в глазах. Цифровые экраны на главных улицах транслировали только одну новость — это событие полностью поглотило внимание города. Местные блогеры бегали с флаерами, нагоняли интригу и пересказывали зевакам городские страшилки.

К моменту, когда Ют подъехал, Лайт успел просмотреть газеты, пообщаться с персоналом, составить маршрут и прикинуть, стоит ли покупать галстуки. Он дождался заказа на вынос, распорядился о доставке багажа и направился к выходу.

Ют барабанил пальцами по рулю, выстукивая нервный ритм. В машине пахло старой кожей и хвоей. Он взглянул в зеркало, встрепал и без того лохматые волосы и продолжил следить за дверями отеля. Когда на пороге показался Лайт с двумя стаканчиками, его сердце забилося быстрее.

— Дьявол предпочитает свежесваренный кофе? — выпалил он, как только старший устроился рядом.

Стаканчики едва не выскользнули из рук, и Лайт одарил Юта долгим взглядом, от которого побежали мурашки. Он прекрасно понимал: эта дерзость — лишь попытка защититься от того, что сложно понять и принять. Нападать в ответ не собирался, но и упустить возможность подкормить чужой страх тоже не мог.

— Вкусовые предпочтения ада сильно преувеличены, — включился он в игру.

Лицо Юта горело, а Лайт не останавливался:

— Тебе проклятый американо или греховный капучино? — Он по очереди продемонстрировал стаканчики.

— Да понял я, понял, — буркнул младший, пытаясь сохранить самообладание. — Просто любопытно. Ты же у нас не совсем обычный человек.

Лайт сделал глоток, не сводя с него глаз:

— А что для тебя «обычный»? Тот, кто боится собственной тени и задает глупые вопросы? — Он наклонился ближе, и Ют тут же подался назад. — Может, тебе стоит больше думать о том, кто ты сам, а не о том, кто я.

Голос Лайта был спокойным, но интонация подавляла. Ют закашлялся:

— Просто... убеждаюсь, что не продал душу за чашку кофе, — съязвил он.

— Не волнуйся. Твоя душа мне пока не нужна. Но если будешь продолжать в том же духе... — он замолчал, затягивая фразу, — возможно, мне придется кое-что придумать.

Младший набрал полную грудь воздуха, досчитал до десяти и медленно выдохнул. Не поворачиваясь, он протянул руку; Лайт вложил в нее стаканчик, по очереди загнув его пальцы, чтобы кофе не выскользнул из ладони.

Беседа быстро обрела черты рабочего совещания. Напряжение в салоне сменилось деловой сосредоточенностью, а на смену колкостям пришел разбор фактов.

Лайт внимательно выслушал эмоциональный рассказ Юта об утреннем разговоре с отцом Мартином. Он с интересом наблюдал, как тот закатывал глаза и хаотично жестикулировал, едва успевая уворачиваться от взмахов его рук. Когда поток слов иссяк, Лайт методично объяснил все, что узнал о выставке, и разложил план действий. В одном они сошлись безоговорочно: что бы ни случилось, верить можно только друг другу.

Без четверти пять пикап стоял возле университета Чулалонгкорна³. Это место напоминало отдельный, тихий город внутри шумного Бангкока. Белые здания с острыми крышами и резными украшениями походили на древние дворцы. От суетливых улиц их отделяла длинная стена, а между корпусами тянулись широкие дорожки. Воздух здесь всегда оставался свежим, пах цветами и скошенной травой.

Сегодня это уединенное место распахнуло двери своей галереи для нашумевшего события. У главного входа то и дело мелькали машины и такси. Гости натянуто приветствовали друг друга, поддерживая видимость общества, свято чтящего традиции.

Лайт глухо постукивал глянцевыми приглашениями о панель, а Ют улегся на руль и пристально наблюдал за толпой. Они не торопились входить, чтобы не привлекать внимания во время торжественной части. Иногда переглядывались, пока Ют не почувствовал на себе долгий, свербящий взгляд старшего. Он отрывисто и неуверенно повернул голову.

— Нонг! — протяжно позвал Лайт.

Тот в ответ лишь утвердительно хмыкнул.

— Ты меня боишься?

Снова хмыкнул.

— Зачем тогда идешь со мной?

Вопрос прозвучал не вовремя и пошатнул остатки уверенности. Лайт мог и дальше дожимать его — сил у него хватало. Ют же чувствовал себя абсолютно вымотанным, но отступить было поздно: приходилось играть свою роль. Повернулся к старшему:

— Я охренеть как тебя боюсь! Я в панике от того, как моя жизнь перевернулась за пару дней. Но то, что может произойти дальше, пугает меня куда больше! Поэтому мы закрываем эту тему. — Он мельком взглянул на часы. — И через двадцать минут входим в зал.

Лайт видел, что Ют сдерживается, и сразу подкинул ему «конфетку»:

— Значит, у тебя есть двадцать минут, чтобы спросить меня о чем угодно. Давай! — Он раскинул руки. — Я открытая книга.

Младший выпалил, не думая:

— Что значат цифры на столе?

Лайт удивленно вскинул брови:

— Ты хочешь знать прямо сейчас?

— Да, хочу. Отвечай, открытая книга!

Повисло минутное молчание.

³ Один из старейших и самых престижных университетов Таиланда, расположенный в Бангкоке.

— Хорошо, — уверенно начал Лайт. — Для начала, можешь меня не бояться, я полностью себя контролирую. Но на всякий случай не зли — моя сила напрямую зависит от эмоций.

Он перевел дыхание:

— Когда я был подростком, у меня появились навязчивые мысли. Я смотрел на других детей и представлял самые мерзкие способы причинить им боль. Думал, как удобнее расчленил соседскую кошку или подсыпать крысиный яд в вино для причастия... Было интересно: спасет ли Господь своих любимых мучеников?

Ют мрачнел, а Лайт продолжал:

— Я никому об этом не рассказывал, и в какой-то момент мне показалось, что я нашел решение — систему контроля. Я начал подсчитывать, как часто меня посещают подобные желания. Иногда это помогало. И именно этими цифрами изрезан стол в твоей комнате.

Ют молчал, уставившись в стекло. Он так долго бился над несуществующей математической загадкой, даже не подозревая, насколько ужасно звучит правда. Он убрал руки от руля и всем телом вжался в сиденье. У него остался последний вопрос:

— Ты только считал или... делал?

— Я делал.

Если бы у Юта оставались силы для эмоционального всплеска, он бы рухнул в обморок. Он чувствовал скрытую угрозу, исходящую от Лайта, но не видел в нем намерения навредить. Человек, который закрыл его грудью в лесу и успокаивал в церкви, но делал подобное, — действительно ли он опасен?

— Так! Хватит распускать нюни, у нас есть дела! — Ют резко выдернул ключи из замка зажигания. — Пошли, Ганнибал Лектер, найдем тебе новую жертву. Приглашения не забудь!

Он выскочил из машины и с силой хлопнул дверью, а Лайт окончательно осознал причину привязанности отца Мартина к этому парню. Способность Юта принимать реальность вызывала восхищение и зависть. Напарники поспешили войти.

Воздух в выставочном зале был прохладным и стерильным, словно в операционной, — он резко контрастировал с удушающей жарой за стеклянными дверями. Атмосфера казалась густой, как дорогой парфюм, и такой же искусственной. Пространство поражало масштабом. Свет сотен светильников и длинных растяжек выхватывал полотна из полумрака, превращая каждое в отдельную сцену.

Глянцевый пол был отполирован до зеркального блеска, и в нем отражались вытянутые силуэты гостей. Они двигались по залу вальяжным, замедленным шагом, боясь расплескать переполнявшую их значимость. Изредка люди собирались в группы и живо обсуждали увиденное, навязчиво отстаивая свои точки зрения.

В центре зала возвышалась хрустальная скульптура-инсталляция. По ее гладким прозрачным граням медленно стекала чернильная вода. Она собиралась в бассейне, где плавали лепестки лотосов и плюмерий, создавая причудливые узоры и отражая перевернутый мир. Этот символизм привлекал внимание и никого не оставлял равнодушным.

Лайт с Ютом пришли вовремя: торжественная часть как раз закончилась. Гости разбрелись по залу в поисках выгодных знакомств, усердно презентуя себя со всех сторон.

Тут определенно было на что посмотреть. Насколько картины соответствовали ярлыку «проклятые», сказать было сложно, но в причудливости художников сомнений не возникало. Здесь было все, что можно найти в будоражащих кровь бестселлерах, городских страшилках и рассказах старожилов.

Придерживаясь плана, парни разошлись в разные стороны. Лайт с неподдельным интересом прогуливался вдоль стен. Он задумчиво всматривался в полотна: многослойные абстракции, портреты с искаженными лицами, сюрреалистические пейзажи. Каждая работа вызывала в нем сугубо профессиональный интерес. Он не видел в них ничего странного — лишь напускную жуть в стиле хэллоуинской вечеринки.

Ют, в свою очередь, настолько увлекся ролью, что раздобыл бокал шампанского. С видом человека, познавшего эстетический экстаз, он смело вклинивался в беседы, поддакивая собеседникам и смакуя игристый брют.

В какой-то момент сквозь приглушенный гул голосов пробился смех — мягкий, мелодичный баритон. Он резко контрастировал с искусственной атмосферой вокруг.

Лайт отвлекся от мыслей и отыскал источник звука. Неподалеку, в центре оживленной группы, стоял мужчина, который притягивал к себе все взгляды. Его жесты были широкими и уверенными, осанка — выточенно-прямой, а улыбка сияла ярче каскада лампочек. Гости ловили каждое его слово, но сам он плавно скользил взглядом по залу, пока не выхватил Лайта.

В глазах незнакомца мелькнуло удивление. Он вежливо извинился перед собравшимися и направился через зал, не обращая ни на кого внимания. Подойдя к Лайту, мужчина остановился на почтительной дистанции.

— Я прошу прощения, — заговорил он. — Если бы я знал, что увижу вас здесь, то позаботился бы о соответствующем приеме.

— Отчего же? — Лайт тут же отзеркалил манеру разговора, сосредоточенно всматриваясь в лицо незнакомца.

— Потому что ваше присутствие — куда более ценный экземпляр для коллекции, чем любая картина в этом зале, — все с той же улыбкой добавил мужчина. — Ах да! Простите мою бесцеремонность. Меня зовут Элайджа. Я организатор этой выставки и с сегодняшнего дня — профессор кафедры истории и мифологии.

Он протянул руку. Лайт позволил своему взгляду задержаться на собеседнике дольше вежливого. Светские манеры, безупречный вид — одним словом, профессор. Лайт подметил необычайно красивые и длинные пальцы, явно не знавшие тяжелого физического труда. И глаза. Цвета приглушенного старого золота, с янтарным отливом.

— Бесцеремонность? Может быть, легкое нахальство, но точно не бесцеремонность. — Лайт пожал руку и сделал шаг навстречу, сокращая дистанцию, которую установил Элайджа. — Я — Лайт. Но полагаю, вам это уже известно.

В ответ он получил утвердительный кивок и предложение перейти на «ты», которое охотно принял.

— Признаюсь сразу: слежу за тобой в прессе. Твои работы стали глотком свежего воздуха в нашем застоявшемся мире искусства, — профессор продолжал расточать комплименты. — Особенно мне запомнилась та картина из коллекции Кхуна Виравата, где краска нанесена так, будто она не высохла до конца. Удивительная текстура.

— Боюсь, репутация меня опережает.

Взгляд Лайта, пресыщенный слепым обожанием, внезапно стал острым. В Элайдже он не увидел ни трепетного поклонника, ни завистливого критика — только игрока. Равного? Возможно. Интересного? Несомненно.

— Что именно ты тут ищешь? — Профессор указал в сторону огромного полотна с хаотичным вихрем красок. — Здесь собраны картины, способные затронуть даже самое искушенное воображение.

Лайт подошел ближе, спиной ощущая пристальный взгляд собеседника.

— Я всегда ищу нечто большее, чем просто красивый холст. Искусство должно будоражить разум, заставлять задуматься... — Он коснулся поверхности холста, почувствовав легкое покалывание в пальцах. — Это... интересно.

— Интересно? Это самое мягкое определение, которое я слышал.

Элайджа приблизился и наклонился к уху Лайта:

— Многие уверяли, что оно сводит с ума. — Прошептал он.

— Может быть. — Лайт не отвел взгляда от картины, но намеренно ушел от вынужденной близости. — Но я не боюсь безумия. Меня пугает лишь посредственность.

Он посмотрел на профессора, а затем переключился на другое полотно, выполненное в мрачных тонах.

— Люди боятся того, чего не понимают. Я же, напротив, хочу понять.

Реакции Лайта говорили красноречивее слов, и Элайджа жадно впитывал каждое его движение. Сложив руки за спиной, он следовал за ним от картины к картине, от мысли к мысли.

— Говорят, владелец «Последней ночи» свел счеты с жизнью: повесился в полночь, глядя на нее. А после члены семьи начали видеть его тень... Всегда на периферии зрения, — профессор задержался у холста с призрачным детским силуэтом. — А эта заставляет видеть вещие сны. Невозможно подтвердить или опровергнуть, но маркетинговый ход гениальный. «Проклятие» как гарантия аншлага — куда романтичнее, чем скидки для студентов.

Лайт повел бровью, оценив иронию, и приблизился к картине с призраком. Элайджа, до этого момента оживленно рассказывавший о полотне, внезапно замер. Его взгляд зацепился за едва заметное движение под расстегнутыми пуговицами Лайта: там угадывались очертания чего-то металлического.

Все внимание профессора сосредоточилось в этой точке, начисто сметая светскую любезность. Повинуясь слепому импульсу, он резко шагнул вперед и, прежде чем Лайт успел отпрянуть, грубо отодвинул край его ворота — взгляду открылись два кольца на цепочке.

Реакция была мгновенной и жесткой. Лайт перехватил запястье Элайджи и сдвинул его в мертвой хватке. Пальцы профессора похолодели и побелели. Подняв чужую руку на уровень лица, Лайт заставил его почувствовать себя пойманным вором. От бывшего дружелюбия не осталось и следа: в воздухе повисла колющая угроза. Элайджа явно не ожидал такого отпора.

— Оу, приятель, прости! — поспешно выдохнул он, пытаясь высвободить онемевшую кисть. Игривая маска сползла с его лица. — Я не хотел... Это было невежливо, признаю. Про-

сто... — Элайджа посмотрел в ледяные глаза Лайта. — Эти кольца мне знакомы. Они очень похожи на те, что изображены на картине.

Он жестом указал в сторону соседнего зала.

— Я могу показать...

Лайт не ослаблял хватку, буравил собеседника взглядом и выискивал малейшую фальшь.

— Что ты имеешь в виду? — наконец спросил он.

Профессор поспешил объясниться, и слова полетели пулеметной очередью:

— На картине в соседнем зале — такие же два кольца. Историки и искусствоведы десятилетиями спорят об их предназначении. Одни говорят, что это символ нерушимой клятвы, другие — знак власти. Самые суеверные шепчутся о проклятии, что лежит на том, кто их носит. Если это... если это действительно они... — Элайджа умолк, глядя на Лайта со жгучим любопытством. — Тогда этот артефакт бесценен. Как они могут быть у тебя?

Профессор замер в ожидании, не зная, что последует дальше: взрыв ярости, саркастическое отрицание или нечто иное. Лайт не спешил с ответом — на кону стояло гораздо больше, чем судьба украшения.

— Если ты меня отпустишь, — тихо, но настойчиво произнес Элайджа, — я покажу тебе картину.

Лайт медленно и недоверчиво повел взглядом в указанном направлении. Снова уставился на профессора, но все же ослабил хватку. Не говоря ни слова, он кивнул, приказывая вести его. Тот, потирая онемевшую кисть, буквально рванул с места.

Ют наблюдал за ними со стороны, параллельно отбиваясь от молодого галериста в льняном костюме. Тот в напыщенной манере рассуждал о выставке, сыпая исключительно искусствоведческими терминами. Несмотря на показную образованность, собеседник жадно впитывал каждое слово Юта, даже не подозревая, что вся глубинная аналитика — чистая импровизация. В ход пошло все: перебои с электричеством, необъяснимая тяжесть от полотен и якобы слышимый у картины плач утонувшей девочки.

Уловив странное взаимодействие Лайта с незнакомцем, Ют осекся на полуслове. Он уже готов был вмешаться и даже сделал первый шаг, но... остановился. Что-то в их поведении показалось неправильным и личным. Это не походило на банальный конфликт или спонтанную перепалку. Их позы, сплетенные в одной точке руки и противостояние взглядов — все это напоминало сцену из семейной драмы.

Вмешиваться сейчас было нельзя. Ют медленно отступил назад, провожая напарника глазами, пока тот вместе с профессором не скрылся в глубине соседнего зала.

Картина с кольцами не была главным экспонатом. Она пряталась в углу, ее попросту не замечали и проходили мимо. Небольшое полотно цвета выдержанного вина, на котором два ничем не примечательных кольца словно висели в пустоте. Никаких броских надписей или гравировок, которые отличали бы их от обычного куска металла.

Взгляд Лайта прилип к холсту. Кольца были идентичны — до мельчайшей детали. Та же грубая фактура, едва заметный зигзаг по краю и чуть уловимая вмятина на одном из них. Лайт с детства знал каждый их миллиметр. Он мог часами разглядывать украшения или бессознательно крутить их в руках. А в дни, когда чувствовал себя особенно одиноко, засыпал, крепко зажав в ладони в надежде увидеть сон, который все сможет прояснить.

Элайджа не рискнул просить показать кольца ближе: понимал, что Лайт этого не сделает. Но после молчаливого томления все же предпринял деликатную попытку нарушить тишину.

— Это же твои кольца, верно? Откуда они у тебя? — Держась на безопасном расстоянии, он поймал взгляд Лайта. — Если это действительно они, то мы сейчас переписываем несколько глав истории. Ты не представляешь, насколько это важно! Их символику можно проследить по рукописям, которым тысячи лет... — Профессор расплылся все сильнее.

Лайт, не моргнув глазом, выдержал его взгляд.

— Это семейная реликвия. Они у меня с рождения.

Элайджа рискнул сделать шаг ближе, но без прежней наглости.

— Ты же не забыл, где мы находимся? Это выставка «проклятых картин», — он жестом указал на полотно с кольцами. — И эта работа не исключение.

За спиной Элайджи мелькнул силуэт Юта, который вместе с толпой бомонда неторопливо проходил мимо. Заметив напарника, он чуть отстал от остальных и кивнул в сторону профессора, молча спрашивая: «Кто это?».

Лайт вышел из минутного оцепенения. Неожиданно для Элайджи он взял его под локоть и развернул к полотну.

— Что ты знаешь об этой картине? — Лайт убедился, что полностью завладел вниманием собеседника. — Важны любые детали.

Пока профессор всматривался в полотно, Лайт быстрым движением постучал пальцем по циферблату часов. Затем показал раскрытую ладонь — пять растопыренных пальцев. Жест был кристально ясен: «Пять минут».

— Я смогу рассказать тебе больше, но не здесь, — заговорил Элайджа. — Мои документы и наработки уже должны были доставить в университет. Не уверен, что мы найдем все ответы, но кое-что интересное все же есть.

Профессор достал из пиджака лоток с визитками и, выдвинув один перламутровый прямоугольник, протянул его Лайту.

— Ты знаешь, что с этим делать.

Лайт взял визитку, пробежал по ней глазами и убрал в нагрудный карман рубашки.

— Договорились, — произнес он. — У тебя же нет скрытых мотивов?

Обстановка немного разрядилась, и Элайджа снова улыбнулся:

— Возможно... Но как ты узнаешь, если не дашь мне шанс?

Лайт поспешно попрощался и уже развернулся, чтобы уйти, когда профессор остановил его:

— Знаешь, я тут подумал... Может, ты окажешь мне услугу и проведешь небольшую экскурсию по Бангкоку? Я практически не знаю города, да и знакомств еще особо не успел завести. Мы могли бы как-нибудь поужинать и все обсудить. А то деловые встречи в кабинетах нагоняют такую тоску...

Лайт согласился. Уже на парковке, шагая к машине, он прокручивал в голове мысль о том, что Элайджа совершенно не признает чужих границ. Но это нахальство привлекало его гораздо больше, чем напускная обходительность.

Глава 6

Ют сидел в машине со страдальческим лицом и держался за живот. Шампанское на пустой желудок быстро дало о себе знать.

Он не был пьян, но в его взгляде читался огонек легкой алкогольной непосредственности.

— Больше никогда в жизни не буду пить это мыльное пойло, — простонал он.

Лайт уселся на соседнее сиденье и смерил напарника сухим взглядом.

— Ну что не так? — продолжил тот жаловаться. — Я же выполнил свою часть плана... Кажется.

Послышалось протяжное урчание, и Ют, набрав воздуха в грудь, сложил руки на животе.

Лайт пригнулся и сквозь лобовое стекло огляделся по сторонам, задержав взгляд на двухэтажном здании через улицу.

— Ты любишь китайскую кухню? — спросил он, покосившись на бледнеющее лицо младшего.

— Китайская, тайская, вьетнамская... Мне без разницы. Я сейчас готов съесть слона.

— Слона не обещаю, но что-нибудь горячее найти можно.

Ют уже собрался заводить мотор, но Лайт перехватил ключи.

— Давай пройдемся, здесь рядом.

Младший был ошарашен — казалось, даже боль отступила на какое-то время. Он покорно шел следом, ощущая, как горят щеки.

Ют упустил момент, когда Лайт начал проявлять заботу. Она была такой же обнаженной, как и его резкость, но трогала до глубины души.

Едва они переступили порог ресторана, их накрыл гул аншлага.

Почти все столики были заняты гостями в нарядных костюмах — люди явно пришли прямиком с выставки.

В глаза бросилась открытая кухня, откуда доносились звуки шипящего масла, ритмичные удары ножа и громкая китайская речь.

Почувствовав пикантный аромат имбиря и чеснока, Ют воспрял духом.

За стойкой у входа суежилась госпожа Чжан — энергичная женщина в шелковом платье цвета красного перца. Ее черные волосы были собраны в безупречный тугой пучок.

Рядом, пересчитывая меню, стоял ее супруг — плотный, невозмутимый мужчина, который смотрел на мир через толстые стекла очков.

— Свободные столики только на втором этаже, — с легким акцентом обратилась к ним госпожа Чжан. — У нас сегодня такой наплыв!

Она сокрушенно покачала головой. Лайт не возражал и уже отыскав взглядом узкую деревянную лестницу, направился к ней.

Ют шел следом и шепотом передразнивал разговоры посетителей, живо обсуждавших выставку:

— Все сошли с ума... Картина смотрела прямо в душу... Абсолютный шедевр...

Он гримасничал до тех пор, пока Лайт не вытолкнул его вперед, чтобы тот оставался в поле зрения.

Второй этаж встретил их совершенно иной атмосферой.

Стены были обиты темным деревом, а вокруг царил приятный полумрак, мягко подсвеченный абажурами из рисовой бумаги. Воздух здесь был легче и прохладнее.

Шум первого этажа доносился глухим, отдаленным гулом — словно они поднялись из каюты на палубу корабля.

Их усадили за столик у резной деревянной ширмы, за которой угадывался небольшой балкончик с видом на залитую огнями улицу.

Ют рухнул на стул, все еще прижимая ладонь к животу. Лайт сел напротив, полностью удовлетворенный тишиной этого места.

Госпожа Чжан аккуратно положила на стол два меню в плотных кожаных обложках.

— Наша особая рекомендация сегодня — утка по-пекински, — улыбнулась она. — Муж только что приготовил свежую партию. И суп с акульим плавником, конечно.

Как только она скрылась за ширмой, Ют раскрыл меню и завис, сраженный обилием незнакомых названий.

— «Будда прыгает через стену»? Это точно суп? — водил он пальцем по строчкам.

Лайт просматривал список блюд, заранее зная, что ищет.

— Это суп, аромат которого настолько впечатляет, что даже Будда готов перепрыгнуть через стену монастыря, чтобы его попробовать, — пояснил он. — Но тебе нужен «Джок» — это рисовый отвар со свининой и яйцом. Он мягкий. И пельмени на пару.

— Я не ребенок, чтобы есть кашу, — буркнул Ют.

— Тогда не веди себя как ребенок, — отрезал Лайт, откладывая папку в сторону. — И чай «Те Гуань Инь». Горячий. Много.

— О, ты у нас, оказывается, знаток китайской кухни, — Ют послушно захлопнул меню. — Мне без разницы, я просто хочу есть.

— В Торонто я был завсегдатаем одного китайского ресторанчика.

— И как? Познал дзен?

— Познал изжогу... А потом привык.

К столику подошла молодая официантка с экстравагантным ярко-розовым планшетом и таким же маникюром. Она застыла неподвижно, ожидая заказа.

Ее абсолютная безучастность корбила. Лицо девушки не выражало никаких эмоций — только по едва уловимому движению ткани на груди можно было понять, что она дышит.

В такой же механической манере она приняла заказ, забрала папки и, резко поклонившись, удалилась.

Ют проводил взглядом девушку, пока та не скрылась на лестнице.

— Кстати, а кто это был с тобой в галерее? Тот, в дорогом костюме.

— Охотник за артефактами и новый профессор университета, — ответил Лайт, перебирая пальцами палочки для еды.

— Правда? Мне показалось, он был больше заинтересован тобой, чем артефактами.

— Мне тоже так показалось. Мы встретимся с ним позже.

— Удалось что-нибудь выяснить? — Ют с любопытством подался вперед, ожидая подробностей.

Лайт легонько щелкнул его палочками по лбу, призывая к порядку. Тот фыркнул и отпрянул, но продолжил вопросительно таращиться.

— Картины как картины, — пожал плечами Лайт, возвращая палочки на подставку. — Как по мне — обычная бутафория. Они ценные, конечно, но «проклятые»...

Он прищурился и покачал головой.

— Сомнительно.

— Ты хочешь сказать, что мы зря туда поперлись? — Ют разочарованно растекся по стулу.

— Не совсем, — Лайт сделал паузу и облокотился на стол обеими руками. — Была там одна картина с кольцами...

— Ты о тех... — перебил младший, и его взгляд непроизвольно остановился на шее Лайта. — О тех, что на тебе?

В ответ он получил только ухмылку и безмолвное «да» глазами. Это окончательно его раззадорило:

— Да расскажи ты уже о них! Это что-то в стиле «Властелина колец», да?

Ют подскочил и потянулся навстречу, пытаясь рассмотреть украшение поближе.

— Ты должен их беречь, но надевать нельзя? Так же, да?

Лайт сделал то же самое, и их лица застыли в паре сантиметров друг от друга.

Младший вцепился в край стола, и от напряжения его пальцы свело спазмом. Взгляд Лайта парализовал — эту схватку ему было не выиграть.

Прежде чем Ют уселся на место, вернулась официантка со своей непробиваемой сдержанностью.

Она неторопливо расставила тарелки, полностью игнорируя его голодное нетерпение. И едва девушка скрылась из виду, Ют тут же набросился на еду.

Лайт не торопился. Он медленно разлил чай по пиалам и предусмотрительно отодвинул одну в сторону, чтобы остыла.

— Кольца всегда были со мной. Это единственное, что связывает меня с семьей. — неожиданно договорил он.

Поднимающийся пар сумел скрыть неловкую паузу. Лайт опустил глаза, а Ют перестал жевать.

Белесая дымка немного повисела над столом, а когда она растворилась — оба сделали вид, что все нормально.

— Значит, встреча с профессором уже не просто любезность? — догадался Ют.

— Именно.

— Ладно. Значит, будем искать вместе.

Лайт приготовился в красках расписать, чего может стоить его желание помочь. Но едва он открыл рот — Ют тут же всунул ему в руку палочки:

— Вкусно, попробуй!

Лайт молча принял их и протянул в ответ чай.

С маленького балкончика проникал вечерний воздух, оставляя приятное облегчение после знойного дня. Ощущение было таким же расслабляющим, как прогулка босиком по песчаному пляжу.

Зал быстро заполнился шумными компаниями и влюбленными парочками.

Особенно выделялась девушка за соседним столом, совершенно не замечавшая своего кавалера. Тот всячески пытался произвести впечатление, но она то и дело поглядывала на Лайта: жеманно поправляла волосы и наигранно смеялась, желая поймать его взгляд.

Ют даже вывел теорию: присутствие старшего — это стопроцентная гарантия того, что все остальные мужчины останутся холостяками.

Чем оживленнее становилось вокруг, тем напряженнее вел себя Лайт.

Он сосредоточенно вслушивался в гул голосов и резко дергал головой, словно уворачивался от назойливой мухи. В какой-то момент он уловил знакомый звук — непрерывную вибрацию в воздухе.

Вцепившись взглядом в дальний столик, он скомкал салфетку и бросил ее в Юта, привлекая внимание.

— Э-э-э... — сразу отреагировал тот.

Лайт указал через плечо на крупного мужчину с глубокими залысинами. Тот с нечеловеческим упорством резал ножом пустую тарелку, не замечая никого вокруг.

Ют лишь пожал плечами и красноречиво покрутил пальцем у виска.

— Чувствуешь вибрацию? — спросил Лайт.

В гуле голосов и звоне посуды все попытки вслушаться провалились. Зато на Юта внезапно накатило дежавю со светлячками в лесу, и он раздраженно буркнул:

— Ты снова что-то слышишь? У тебя какой-то особый слух?

— Что-то вроде того. Странно, что ты не вибрируешь.

— А должен?

Должен, — отозвался голос в голове. — *В том-то и дело, что должен.*

Это запутывало еще сильнее. Если мужчина в углу буквально «звенел» от прилипшего к нему паразита, то Ют оставался беззвучным.

Лайт не чувствовал в нем чужого присутствия и сомневался — либо священник ошибся, либо тварь умело пряталась. Но зачем? Он не знал, как еще это проверить.

— Все, я сыт. Можем ехать! — бодро отстучал по столу Ют. — Только в туалет заскочу.

Он выпрыгнул из-за стола и направился в сторону уборной.

Тесный коридор, по которому можно было пройти только боком, упирался в дверь, скрывавшую помещение с двумя кабинками. В воздухе висел запах табака, несмотря на запрещающую табличку.

Ют хихикнул:

— Жизнь по правилам для слабаков.

На первой двери болтался лист с надписью: «Идет ремонт». Выцветшие буквы не оставляли даже призрачной надежды, что он когда-нибудь закончится.

Вторая кабинка была приоткрыта, хотя красный ободок ручки утверждал обратное. Ют толкнул ее, и дверь подалась с легким скрипом.

— Кто-нибудь есть? — осторожно окликнул он, заглядывая внутрь.

Спиной ко входу стоял тот самый мужчина с залысинами. Он не отвечал, а, согнувшись пополам, намертво вцепился в раковину.

Его голова была прижата к крану, из которого прерывисто хлестала вода, разбрызгиваясь на кафель.

Плохо ему, наверное, — мелькнула мысль.

— Эй, с вами все в порядке?

Ют подошел ближе и протянул руку к его плечу. В этот миг мужчина резко вскинул голову, и взгляд Юта невольно метнулся к в зеркалу над раковиной.

Сначала отражение мужчины казалось обычным — только бледным и изможденным.

Но в следующую секунду в его глазах что-то дернулось: зрачки потекли по радужке, точно чернильные кляксы по бумаге. Кожа на висках зашевелилась и пошла мелкой рябью.

Лицо исказилось, превращаясь в живую, пульсирующую маску.

Рефлекс рванул Юта назад — он отступал.

Прикованный ужасом, парень смотрел, как человеческие черты расплывается в зеркале, словно воск. Он пятился спиной, лихорадочно ощупывая пространство позади.

Пальцы со скрипом скользили по холодной плитке в поисках дверного косяка. А когда пятка наткнулась на порог — он потерял равновесие и вывалился в открытую дверь.

Ют готов был кричать, его руки и ноги лихорадочно тряслись.

Он продолжал отступать, и было неважно, что сзади — обычная дверь или открытое окно. Нужно было бежать.

Лайт подхватил его под руки и оторвал от пола. Развернул к себе и с силой вжал в стену, плотно, до удушья, накрыв рот ладонью.

Ют чувствовал, как от напряжения сводит плечи. Старший навалился всем телом и смотрел в упор, его взгляд приказывал: нельзя издать ни звука.

Младший был в ловушке и боялся пошевелиться, чувствуя чужое физическое превосходство. Головокружение накатывало волнами, и тело постепенно обмякало.

Нарастающий топот заставил содрогнуться — из двери вылетел тот самый мужчина. Его движения были неестественными и резкими, будто им управлял неумелый кукловод.

Он выглядел невменяемым и с дикой силой сжимал кулаки, оставляя кровавые следы от собственных ногтей.

Мужчина замахнулся на Лайта, но тот даже не обернулся.

Его свободная рука метнулась назад с точностью кобры и впилась в шею одержимого. Тот захрипел и повис в воздухе, как тряпичная кукла.

А Лайт смотрел на Юта, и в голове крутилась мысль: *«Закрой ему глаза, он не справится»*.

Но не закрыл. Младший должен увидеть: только так спящий паразит мог выдать себя.

Решение было принято мгновенно — не прятать Юта, а провести через кошмар.

Тело Лайта окаменело, а воздух стал вязким и придавливающим к полу. Глаза вспыхнули ярко-синим пламенем.

Тяжелая энергия потекла к груди и вырвалась через руку на горле одержимого.

Тот не закричал, но затрясся и выгнулся дугой. Голову окутал ореол густого черного дыма, а выражение лица менялось молниеносно: от невинного до искаженного ужасом.

Еще мгновение — и из его рта, глаз и ушей выползла плотная извивающаяся тень. Она сопротивлялась и до последнего цеплялась за носителя. Но, окончательно оторвавшись, оглушительно завизжала.

Лайт разжал пальцы, и мужчина рухнул на пол. Рука тут же вспыхнула с новой силой и рванулась к тени — выжгла ее дотла.

Ют не издал ни звука и начал сдаваться: глаза закатились, и он бесшумно сполз по стене, провалившись в темноту.

Глава 7

Сознание к Юту возвращалось медленно.

Сначала появилось ощущение жесткого матраса, запаха хлорки и дешевого освежителя. После пришла тишина с пульсацией в висках... а дальше воспоминания, накрывшие вспышками: искаженное лицо, мертвая хватка Лайта, синее пламя, визг...

Ют сел в постели, и сердце тут же ускорило ритм. Взгляд заметался по сторонам, выхватывая детали убогого номера: потертый ковер, старый телевизор, плотно зашторенное окно.

Лайт сидел неподвижно, спиной к нему. Уставившись в пол, он полностью погрузился в свои мысли.

— Что... — просипел Ют. — Где мы?

Лайт заметно вздрогнул.

— Госпожа Чжан любезно предоставила комнату, чтобы ты пришел в себя, — его голос был тяжелым и уставшим. — И лучше бы тебе оставить привычку падать в обморок.

— А... тот... мужчина?

— Он будет в порядке.

Лайт всем видом показывал, что объясняться не намерен. Он встал, взял с тумбы пластиковую бутылку и протянул Юту. Тот принял ее, но пить не стал.

— Почему мне кажется, что вы с отцом Мартином что-то недоговариваете? — Его голос становился раздраженным. — В какой момент вы решили, что я должен знать, а что нет?

Лайт молча смотрел на Юта — тот непроизвольно сжимал прозрачный пластик.

— Все сложнее, чем ты думаешь. Я сам до конца не понимаю, — продолжал он хладнокровно, и это сильнее распаляло младшего.

— Вот значит как?! — Парень рванулся вперед, но сразу же вцепился в изголовье от накатившего головокружения.

Он в сердцах швырнул бутылку в стену: глухой удар, слетевшая крышка — и веер брызг разлетелся по комнате.

— Откуда ты знаешь, что я думаю?! Ты хоть раз меня спросил?! — Злость сковывала дыхание. — Я для вас просто марионетка? Разве мало того, что случилось, чтобы сказать правду?

Лайт оказался в положении запасного игрока, которого выпустили на поле в момент полного разгрома. Он знал правила игры, но их установил кто-то другой. И если уж на него взвалили ответственность за чужую ошибку, то и право на собственный ход теперь принадлежало ему.

Изрядно вымотанный недосыпом и схваткой в туалете, он попытался усадить Юта обратно, но тот отчаянно сопротивлялся, цепляясь за мебель. Терпение закончилось, и Лайт ослабил нажим. Младший готов был вырваться, но поднял взгляд и остолбенел.

В глазах Лайта горело ярко-синее пламя, окрашивая холодным свечением каждую вену на лице.

Ют послушно сел.

— Значит, все решает сила, да? — тише произнес он. — Ты просто затыкаешь мне рот, потому что можешь...

— Нет, нонг! Я хочу быть уверен и прошу на это время.

Свечение на лице угасало.

— И мне нужно сделать это без тебя. Все! Мы едем домой.

Проверив карманы с телефоном и ключами, Лайт широко распахнул дверь и указал на выход. Ют с эмоциональностью подростка выскочил в коридор.

Дорога до парковки прошла в гнетущем молчании. Оба чувствовали себя выжатыми, будто внутренности заменили ватой. Ют сгорбился и, засунув руки в карманы, упрямо вышагивал впереди.

Лайт оставался невозмутим: мысленно он уже вернулся в деревню и сидел под старым такьяном.

Машина стояла в тени опустевшей стоянки.

И только подойдя ближе, они заметили припаркованный рядом фешенебельный автомобиль густого графитового цвета. Он мигнул фарами, и в короткой вспышке света мелькнула фигура Элайджи, непринужденно облокотившегося на крыло.

Он стоял, скрестив ноги, и, казалось, ждал их целую вечность. Ют, не сбавляя шага, бросил на него раздраженный взгляд.

— Элайджа? — Лайт остановился. — Что ты здесь делаешь?

— Я пропустил вечеринку? — внимание профессора скользнуло по помятому лицу Юта. — Выставка на сегодня закрылась. Я собирался уезжать и увидел вас.

Он широко улыбнулся, демонстрируя безупречную белизну зубов.

— Вот и подумал: почему бы нам не закончить этот вечер приятной беседой? Мне как раз порекомендовали одно подходящее местечко.

— Нет, — ответил Лайт, отрезая любую возможность для маневра. — У меня другие планы. В следующий раз.

Элайджа надул губы, точно капризный ребенок:

— О, не будь так суров. А как же спонтанность? Будет жаль упустить такой вечер.

Ют наблюдал за ними, чувствуя, как тают остатки сил. Ему нужно было уехать прямо сейчас, но он понимал: Лайт не сдвинется с места, пока не убедится в его безопасности.

— Иди, — тихо сказал он.

Лайт сделал шаг навстречу и склонился ближе:

— Что?

— Я сказал: иди, — тон Юта набрал твердости. Он выпрямился, стараясь выглядеть увереннее. — Я сам доеду.

Лайт пристально смотрел ему в глаза, выискивая подвох.

— Ты уверен? — спросил он, и в голосе впервые прозвучала нерешительность.

— Да, черт возьми, уверен! — почти выкрикнул Ют. — Решай свои дела. Я справлюсь.

Лайт достал ключи, но не торопился отдавать, пока младший сам за ними не потянулся. Вцепившись в связку, они какое-то время напряженно смотрели друг на друга. После старший разжал пальцы.

— Езжай домой, никуда не сворачивай.

Ют ничего не ответил. Он забрался в машину и с силой захлопнул дверь. Завел мотор и смотрел, как Лайт последовал за Элайджей. А мгновение спустя уже Лайт провожал взглядом уезжающий пикап.

— Какой любопытный юноша, — проронил профессор, пристегивая ремень безопасности.

— Это мой нонг. Ему нездоровится.

Сумерки спускались на Бангкок. Раскаленное докрасна солнце укатилось за линию небоскребов. День плавно растворялся, словно капля акварели в прозрачной воде. Стеклопанные фасады высоток преломляли и отражали последние отсветы заката, превращая мегаполис в разноцветный калейдоскоп.

Одна за другой зажигались слепящие неоновые вывески, и их отблески плыли по темной глади каналов, как световые призраки.

Город начинал ночную жизнь — время, когда шепот становился громче слов, а обещания обретали особую силу.

В уединенном переулке, за стеной, обвитой плющом, прятался камерный ресторан. Его присутствие выдавал лишь мягкий свет, лившийся сквозь матовое стекло. Внутри царил покой, нарушаемый приглушенными голосами и редким звоном бокалов.

Молчание затянулось, и Лайт взял инициативу в свои руки:

— Почему мифология, Элайджа? — Он сделал глоток ледяного чая.

Едва уловимое удивление промелькнуло на лице профессора. Он удобнее устроился в плетеном кресле:

— Все банально. Мне повезло с происхождением, и я мог позволить себе любую страсть. И нашел ее в мифологии. Деньги открывают двери, что бы ни говорили, — он выдержал напускную паузу. — Как итог — я профессор в двадцать пять.

Лайт намеренно медлил с ответом. Вальяжность, которую демонстрировал собеседник, явно была направлена на то, чтобы спровоцировать и поддеть. Но он видел в этом не более чем игру в поддавки.

Тот азарт, с которым Элайджа бросался громкими фразами, не шел ни в какое сравнение с тем, как долго и цинично сам Лайт был готов вести эту партию.

— Давай будем честными, — продолжил профессор. — Ты ведь тоже не из тех, кто считает каждую копейку? По моим источникам, ты вполне можешь жить без оглядки на завтрашний день. Интересно, как ты пришел к своему благополучию?

В его глазах мелькнул хитрый огонек. Он поддразнивал, проверяя границы дозволенного.

Лайт слегка приподнял бровь:

— Интересные у тебя источники. И манера ведения диалога. Но я предпочитаю не выставлять достижения напоказ. Скромность, знаешь ли, украшает. — Он сделал еще глоток. — Хорошо, допустим, я действительно обеспечен. Что это меняет?

— Признание, Лайт, всегда приятно. Даже если оно вырвано клещами.

Хлопок пробки за соседним столиком отвлек внимание и сбавил темп нарастающего напряжения. Элайджа неожиданно перехватил руку проходящего мимо официанта — так резко, что тот едва не выронил поднос.

— Я прошу прощения, — произнес он, не сводя взгляда с Лайта. — Мы с моим другом хотели бы бутылку самого лучшего вина, которое вы сможете найти.

Официант кивнул и, почувствовав исходящее от столика настроение, поспешил ретироваться.

— Ты ведь не против? — профессор снова переключился на собеседника. — У меня совершенно не было времени отметить вступление в должность, и я подумал, что сейчас — самый подходящий момент. Тем более в такой интересной компании.

Лайт развел руками, снисходительно соглашаясь на чужую причуду:

— Почему бы и нет? — его ответ прозвучал нейтрально. — Раз ты все еще не коронованный король, давай исправим это досадное упущение.

— Я не ношу корону, Лайт. Я каждый день ее заслуживаю...

Лицо Элайджи стало серьезным, а щеки тронул пунцовый румянец. Он почувствовал, что беседа уходит в неконтролируемое русло, но подоспевший официант сгладил этот момент.

Парень изящно разлил вино по бокалам и учтиво спросил, пришлось ли оно по вкусу. После бегло рассказал об урожае винограда и особой выдержке, пожелал приятного вечера и поспешил приветствовать новых гостей.

Это стало прекрасной возможностью начать разговор заново, и профессор тут же ей воспользовался:

— Этот ресторанчик — настоящая находка, — сделал он первый глоток и одобрительно кивнул. — Даже не подозревал, что в Бангкоке, среди всего этого хаоса, можно найти такое уютное местечко.

Он слегка наклонился вперед, и его голос зазвучал мягко, почти кокетливо:

— Но еще больше меня удивила встреча с тобой. Я в какой-то момент подумал, что это судьба.

Лайт улыбнулся и отставил свой бокал.

— Ну правда! — продолжал профессор. — Мне до безумия любопытно, как выпускник католического университета так быстро завоевал признание? Я помню, читал о твоей выставке в какой-то престижной галерее...

— Да, критики неожиданно благосклонно встретили мои работы.

— Благосклонно — это мягко сказано, — возразил Элайджа. — Ты был героем каждой второй страницы в изданиях об искусстве. Я до сих пор помню статью... Что-то про «новое слово в современной живописи».

— Пресса любит преувеличивать, но признаюсь, было приятно. Я просто делаю то, что нравится.

— А ведь твои картины могли висеть сегодня в выставочном зале университета. В них не меньше мистицизма, чем в других полотнах.

Лайт одарил Элайджу взглядом, полным неприкрытого скептицизма. Это было настолько очевидно, что профессор поспешил объясниться:

— Я хочу сказать, что мы ищем одни и те же ответы. Только ты — в искусстве, а я — в мифологии. Получается, мы не такие уж и разные. Будет логично объединить усилия и помочь друг другу, ты так не думаешь?

Лайт и правда задумался, а после поднял бокал:

— В таком случае позволь поздравить тебя с назначением. И поехали искать ответы.

Элайджа расплылся в довольной улыбке и ответил на тост.

А через полчаса он уже открывал дверь своего кабинета, пообещав университетскому охраннику, что они долго не задержатся.

— Прошу, присаживайся, — Элайджа указал на высокое кресло из темной кожи, больше похожее на трон. Оно стояло напротив большого дубового стола, заваленного бумагами. — Здесь немного хаотично, но я сам просил ничего без меня не трогать.

Лайт медленно оглядел помещение. Книги были везде: они громоздились стопками на подоконниках, высились на полу, буквально подпирая стены. У стеллажа выстроилась башня из бумажных коробок, намертво заклеенных транспортировочным скотчем.

На отдельной полке, словно военные трофеи, стояли стеклянные витрины. Под их колпаками мирно покоилась история: потрескавшаяся табличка с клинописью, ритуальный нож, крошечная мумия птицы и истлевшие черепки вазы.

Особое внимание привлекла настольная лампа. Не нужно быть экспертом, чтобы понять: она повидала немало эпох. Бронза покрылась густой патиной, а металлический абажур давно потускнел и деформировался, отчего почти не пропускал свет. Она совершенно не вписывалась в современный стиль и была бесполезна для чтения, но создавала нужное настроение. Особый шарм для искушенных.

— Ты говорил, что можешь рассказать о кольцах? — Лайт присел в кресло.

— Да, минуто... — Элайджа суетился между полками, перебирая корешки и перекладывая тома из стопки в стопку. — В легендах их часто называют «Узами Двуетности». С виду обычные серебряные украшения, но их предназначение... Специфическое.

Профессор прокашлялся, быстро перелистывая страницы в поисках нужной.

— Нашел! — его глаза заблестели фанатичным огнем. — По преданию, они предназначались для ритуала по зачатию ребенка, способного объединить силы двух миров. Что бы это ни значило. Одно принадлежало «оскверненному святому», другое — «невинной деве». Звучит как средневековые сказки, правда?

Элайджа присел на край стола и продолжил:

— Упоминания о таких ритуалах встречаются довольно часто, особенно в гностических текстах. А вот кольца... — Он положил тяжелый том перед Лайтом и ткнул пальцем в пожелтевшую страницу с рисунком. — Они, как правило, исчезали сразу после обряда, так что найти их — большая редкость.

Взгляд профессора застыл на шее Лайта, в попытке внимательнее рассмотреть артефакт под его рубашкой. Подобно охотнику, догоняющему жертву, Элайджа ловил каждый его вдох и подстраивался под него.

Лайт молчал. Глядя в книгу, он думал о своей причастности к этой истории, перебирая варианты, как бочонки в лото. Но картинка не складывалась.

Что это за ритуал? Неужели он и есть тот самый ребенок? Тогда почему его бросили?

Вопросов становилось все больше, и это раскачивало почву под ногами.

Элайджа первым вышел из оцепенения:

— Впрочем, я бы не стал воспринимать это слишком серьезно. Это всего лишь мифы. Хотя, признаюсь, твой случай весьма любопытен.

— Любопытен? В каком смысле? — Лайт зацепился за слова профессора, продолжая рассматривать рисунок.

Элайджа внезапно потянулся и захлопнул книгу.

— Согласись, не каждый день встречаешь кого-то сразу с двумя артефактами, которые так точно подходят под описание. Или у тебя есть более захватывающая история, которой ты не хочешь делиться?

Слова профессора звучали двусмысленно, и Лайт чувствовал себя бабочкой под микроскопом. Элайджа нагло нарушал границы, выжидая ответной реакции.

От неминуемого срыва спасла вибрация телефона в кармане. Сообщение от отца Мартина: *«Ют дома. Повозмутился и ушел спать. Не волнуйся»*.

Чего еще от него можно было ждать? Он выплеснул эмоции и отключился, как перегруженный процессор. Но от этого стало легче, и Лайт непроизвольно улыбнулся. Отвечать не стал.

Элайджа моментально уловил перемену настроения:

— Девушка?

— Кажется, мне пора.

Лайт поднялся. На сегодня он закончил: Ют в безопасности, и появились первые зацепки к его прошлому. Все остальное могло подождать.

— Спасибо за просвещение, профессор.

Элайджа, раздосадованный таким внезапным финалом, попытался удержать гостя:

— Подожди! Мы же только начали! Я могу показать тебе...

Но Лайт бросил через плечо:

— В другой раз.

Дверь за ним закрылась, а профессор еще какое-то время прислушивался к затихающим шагам в коридоре.

— Хм... И правда ушел.

Он достал из кармана пачку сигарет. Щелчок зажигалки — и по комнате поплыл густой, почти конфетный аромат вишни. Элайджа с наслаждением сделал глубокую затяжку, смакуя терпкий вкус.

Он подошел к окну и нащупал выключатель. Комната погрузилась в темноту, и лишь свет уличных фонарей выхватывал его силуэт в оконном проеме. Отогнав облако дыма, профессор распахнул одну створку, желая уберечь книги от вездыхонного запаха.

В комнату тут же ворвался спертый воздух с выхлопами и речной сыростью, смешиваясь со сладким дымом в странный, горько-вишневый коктейль. Ночь была не в силах прогнать накопленный зной, и он продолжал висеть над городом плотным одеялом.

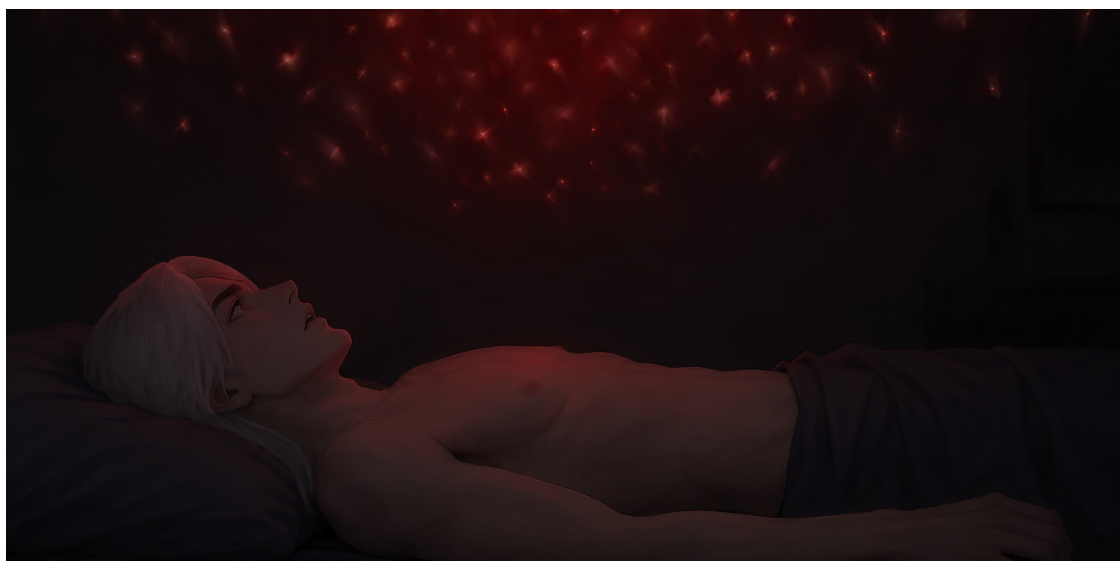
Профессор облокотился о косяк, выдыхая сизую струю на улицу. Он напряженно всматривался в темноту университетского парка, пытаясь различить в ней удаляющуюся фигуру. И когда наконец выхватил ее взглядом, то подался вперед, прижавшись лбом к стеклу.

— Обернется или нет? — он мысленно подбросил монетку, уверенный, что победный «орел» высечен на обеих сторонах.

Лайт исчез, не оглянувшись.

Элайджа докурил и раздавил окурок о подоконник. Затем он достал телефон и быстро набрал сообщение: *«Все идет по плану»*.

Глава 8

Лайт вышел за университетские ворота. Он не стал ловить такси и позволил ногам выбрать направление.

Ему нравилась ночь. Она размывала границы и освобождала от деловой маски: не нужно соответствовать чужим ожиданиям и вести пустые разговоры.

Годы отчуждения превратили его в закрытую крепость. Внутри нельзя было пробиться словесно, только штурмом.

Тихие переулки с редким светом сменялись ревом ночных клубов, разносящих эхом дробь басов. Шумные компании, пропитанные кальяном и алкоголем, толпились у входов. Они искали приключений или забывались в клубном тумане, пронизанном вспышками стробоскопов.

Все это замешивалось в густой коктейль из приторных духов и соленого пота.

Лайт остановился, поддавшись желанию понаблюдать со стороны. Он чувствовал себя человеком за стеклом — невидимым для тех, кто находился по ту сторону.

В такие моменты его слух обострялся, и он с легкостью выхватывал обрывки чужих диалогов, в которых сквозила лишь пустота человеческих желаний:

— ...он даже не посмотрел в мою сторону... — женский голос, сдавленный слезами и второй бутылкой вина.

— ...договор подпишут в понедельник, я тебе обещаю... — нервный мужской тон, изъеденный стрессом.

— ...еще по одной, я сегодня как заведенная!.. — визгливый смех, призванный скрыть одиночество.

Тщетные попытки заполнить внутреннюю пустоту внешним шумом. Люди кричали, чтобы не слышать тишины внутри. Никто не хотел знакомиться с собой настоящим.

А Лайту пришлось это сделать — нырнуть на самое дно.

Забываясь в алкоголе и случайных связях, он упивался своей властью над слабыми. Сейчас, стоя в шаге от сиюминутных соблазнов, он еще острее чувствовал груз прожитых лет — парадоксальный, оглушающий вакуум, который невозможно ничем заполнить.

Он впитывал чужие эмоции. Они проваливались в него, как в бездонный колодец, который вот-вот заколотят ржавыми гвоздями. И — ничего: ни жалости, ни сочувствия.

Эти люди строили свои карточные домики из слов и пустых обещаний, не подозревая, насколько те хрупки.

Предсказуемо, — настигла привычная мысль, но неожиданно уперлась в новое противоречие.

А что тогда непредсказуемо?

Внезапность, с которой Ют сказал ему: «Иди», и упрямство, с которым тот принимал правду. Потребность защищать младшего оказалась глубже обычного обязательства перед священником.

В этом лживом мире Ют оставался живым и непредсказуемо честным — за эту раздражающую искренность Лайт был готов воевать.

Чуть дальше по дороге стояла скромная палатка с едой. За ней сидела пожилая женщина и что-то живо рассказывала паре местных котов, которые пришли за угощением и навязчиво терлись о ее ноги.

Запах жареного орехового соуса тянулся вдоль улицы вплоть до следующего перекрестка.

Неподалеку двое туристов на мотобайке растерянно почесывали лбы, пытаясь найти в разговорнике нужную фразу. На что предприимчивая старушка широко улыбалась беззубым ртом и поглаживала живот, давая понять: все очень вкусно.

Лайт подошел ближе, кивком указав на порцию као-пхат:

[Примечание: Као-пхат — жареный рис с яйцом, овощами, иногда с курицей или креветками. Одно из самых популярных уличных блюд.]

— Острый?

— Настоящий! — засуетилась женщина и начала ловко накладывать рис в пластиковый контейнер.

Пока она упаковывала еду, Лайт почувствовал легкое шевеление у ног и опустил взгляд.

Один из котов закончил трапезу и переключился на гостя. Рыжий нахал сидел под тележкой и вытягивал шнурок из его ботинка, пытаясь утащить добычу в логово под колесом.

Лайт попытался его спугнуть, но кот не отступил, а высунулся наружу, чтобы посмотреть, кто мешает его гениальной краже.

Женщина протянула Лайту контейнер и шикнула на хвостатого воришку. Проказник нехотя отступил и улегся в стороне, усердно вылизывая лапу.

— Подскажите, где ближайший отель? Не для туристов, — уточнил Лайт, принимая теплый контейнер.

Женщина что-то энергично объяснила, указывая в сторону канала. Лайт поблагодарил ее и двинулся в указанном направлении.

Он шел не торопясь, ощущая тепло асфальта, не успевшего остыть к ночи. Рев мотобайков и крики клубных компаний остались позади. Вокруг были лишь пустые переулки, где его собственные шаги звучали слишком громко и отчетливо — как удары метронома в пустом зале.

Через пару кварталов его нагнала мысль. Ощущение дежавю.

Ночной Бангкок напомнил ему Торонто — студенческие годы. Разница была лишь в климате.

Вместо липкой духоты — пронизывающий, колющий морозец, пробирающий под куртку. Вместо запаха жасмина и стоячей воды — аромат кофе из забегаловки и выхлопные газы.

Менялись декорации и специи, но чувство оставалось тем же.

Лайт замедлил ход и погрузился в воспоминания. Он шел, глядя на свои ноги.

Один, два, три...

В ритме шагов взгляд зацепился за желтый лист на мокрой мостовой, и тепло под ногами мгновенно сменилось холодом обледенелого асфальта.

Лайт поднял глаза.

Это уже не переулок у канала — он снова был в Торонто.

Октябрь здесь всегда наступал незаметно. Срывал с кленов последние листья и долго кружил их в воздухе. Ветер завывал в узких переулках, словно предупреждая о чем-то неизбежном.

Тусклые фонари зажигались неспешно. Они не освещали, а лишь подчеркивали монолитные стены университета Святого Михаила.

Воздух был пронизан влагой, размытыми очертаниями огней и странным предчувствием. Лайт намеренно шел неторопливо, делая вид, что не замечает чужого присутствия.

Под мигающим фонарем студенческого городка он остановился и вальяжно обернулся. Ледяной блеск застыл в его глазах — холодный, пронизывающий взгляд, присущий тем, кто стоит на вершине власти.

— Почему бы вам не оставить меня в покое? — его голос разрезал ночную тишину.

Ветер стал порывистым. Фонарь быстро замигал, пока окончательно не погас.

Лайт закрыл глаза и вслушался в завывание.

Стоп. Это не ветер.

Чье-то шипение четко выбивалось на передний план. Потянуло гарью и горьким пеплом.

Глаза быстро привыкли к темноте, и он различил фигуры, застывшие между деревьями. Бесформенные тени с пустыми глазницами двигались неестественно и прерывисто. Они вели охоту.

— Значит, по-хорошему не понимаете, — ехидная улыбка мелькнула на его лице.

Тени освиrepели, в них бушевала жажда обрести носителя. Они до ужаса боялись Лайта, но его энергия манила их, заставляя нападать ради шанса завладеть таким телом.

Одиночки, привыкшие прятаться в углах, сбивались в стаи, понимая: вместе они сильнее. Паразиты ходили за ним месяцами, выжидая момента, и решили, что время пришло.

Лайт сжал кулаки, и по коже пробежали знакомые мурашки. Густая, тягучая энергия потекла по венам, напитывая каждую клетку. Она сконцентрировалась в груди и хлынула к ладоням.

Вытянув руку, Лайт ощутил, как воздух наэлектризовался.

— Раз... — протянул он с ленивым удовольствием.

Стая замерла.

— Два...

Тени оскалились и как дикие звери пригнулись к земле, готовясь к прыжку.

Пас рукой.

Из ладоней вырвалось пламя — живое, пульсирующее, непостижимо ярко-синего цвета. Оно охватило все вокруг, и паразиты исказились в агонии. Они корчились и извивались, как черви на раскаленной сковороде.

— Ах да... Забыл «три».

Лайт равнодушно смотрел на догорающий огонь. Внезапная тишина ударила по ушам, и ледяной воздух Торонто сменился духотой Бангкока.

Он снова шел по теплomu асфальту, все еще сжимая в руке контейнер с као-пхат. Шаг. Еще шаг. А вот и отель.

Ему повезло. Администратор нашла один-единственный номер со статусом «уборка завершена». Предыдущие постояльцы выехали утром, поэтому в комнате еще пахло свежим бельем и благовониями.

Лайт взял ключ-карту и, не дожидаясь заученных пожеланий, поспешил подняться к себе.

Номер оказался типичным отельным стандартом: безликая коробка с двуспальной кроватью, глянцевым ламинатом и самой необходимой техникой, будто сошедшей с одного конвейера для всех подобных комнат мира.

Лайт чувствовал, как ноют ступни, и скинул обувь. Он уселся на небольшой кожаный диванчик, потертый на углах, и открыл контейнер. Еда уже остыла, а рис пропитался загустевшим соусом и слипся в комок.

Лайт ел механически, сидя перед бубнящим телевизором. Он уставился в экран, но не уловил ни сюжета, ни имен героев — обычная мыльная драма с посредственными актерами, выжимавшими из себя реплики. Фильм оставался фоном и хорошо заглушал собственные мысли.

Под потолком монотонно гудел кондиционер: холодный воздух касался шеи и заставлял ежиться. Лайт доел и направился в ванную, чтобы смыть с себя этот день.

Душ он принял почти кипятком. Стоял под струей воды, пока кожа не покраснела, а пар не затянул зеркало. Быстро промокнул волосы и направился к кровати, оставляя на полу влажные следы.

Он выключил телевизор и выкрутил кондиционер на максимум. Немного постоял под холодным потоком воздуха, а после рухнул на свежие простыни.

Сон был неглубоким, как тонкий лед на воде. Тело провалилось в тяжелую усталость, но сознание по-прежнему оставалось начеку.

Какой бы скалой ни казался Лайт, он оставался человеком со своими слабостями. Его сила подчинялась железному правилу: чем больше тратил, тем сильнее накрывало, выворачивая нервную систему наизнанку.

Поэтому, когда его начало выдергивать из сна, он ощутил это физически.

Сначала появился легкий озноб, а затем — странное чувство прикосновения ко лбу. Он лежал на спине и прислушивался: гул кондиционера, тиканье часов на тумбочке.

Открыл глаза и прирос к месту.

Красные светлячки висели в воздухе неподвижным облаком, всего в десяти сантиметрах от его лица. Лайт не шевелился. Подумал, что спит, но тело не обманешь: каждая пора ощущала ледяной воздух на влажной коже.

Мурашки пробежали по плечам, и сердце заколотилось с четкой, боевой частотой — дремоту как рукой сняло.

Он был один на один с аномалией, никого не нужно было защищать. Рой словно считал его намерения и мгновенно рассыпался, будто горсть пепла.

Лайт подорвался с кровати так резко, что простыни слетели на пол. Он стоял посреди комнаты с влажными волосами, прилипшими ко лбу, и лихорадочно осматривался.

Пусто. Ни в углах, ни под кроватью, ни в проеме шкафа — ничего.

Но мозг уже выстраивал логическую цепь: слишком четко, слишком слаженно. Светлячки не могли просто появиться и исчезнуть — кто-то должен ими управлять. И этот кто-то, вероятно, находился поблизости.

Он бросился к окну и одним движением откинул штору.

Улица внизу казалась вымершей: лишь редкий свет фар, тени от фонарей и...

Внезапно внизу мелькнула чья-то фигура. Развернулась и скрылась в темноте соседнего переулка.

Глава 9

Элайджа выехал в аэропорт за два часа. Дорога была перегружена, и машина то и дело петляла от одной пробки к другой.

Томительное движение навевало мысли. Обычно он убегал от них в рабочую суету или длинные перекуры, но сегодня бежать было некуда. Впереди ждали только многолюдная зона прилета и встреча, которую профессор всячески оттягивал.

За руль он не сел, делегировал вождение личному помощнику. Тот даже не спрашивал — просто занял свое место.

Хейз был на полголовы выше, с темными, идеально уложенными волосами и серыми пронзительными глазами, которые за годы службы научились замечать все. Его сдержанность проявлялась абсолютно во всем: в манерах, немногословии, в незаметно дорогой одежде.

Всегда сосредоточенный и пугающе исполнительный, он вел машину и ловил в салонном зеркале каждое движение Элайджи. Отношения этих двоих строились на давней, теплой дружбе, которую они не афишировали. Именно эта скрытность сделала Хейза самым близким человеком, знающим о профессоре все и принимающим его любым.

Солнце стояло в зените, и даже сквозь тонировку приходилось щуриться от едкого света. Элайдже отчаянно хотелось сбросить напряжение и закурить, но он сдержался. Отец не выносил запаха табака, как и любую привычку, которую неизменно принимал за слабость.

Покрутив в руках пачку, он засунул ее в карман и сверил время прилета.

Машина въехала на парковку перед главным входом. Как только мотор затих, Хейз вернулся к Элайдже и небрежно перекинул руку через спинку своего сиденья.

— Если твой отец явился лично, значит, ставки выросли до небес? — спросил он о том, что не давало покоя всю дорогу.

Профессор лишь закатил глаза и принялся поправлять и без того безупречный узел галстука.

— Скорее уж до преисподней, — бросил он.

— Тебе просто нужно это сделать.

Элайджа глубоко вздохнул и, открывая дверцу, отрезал:

— Я не хочу в этом участвовать.

Хейз последовал за ним. Он уверенно пробивал дорогу — сначала сквозь толпу встречающих, а затем через плотный поток прибывших, толпящихся с огромными чемоданами.

В зале прилета было просторнее и куда прохладнее. Элайджа замедлил шаг и перевел взгляд на табло, скользя глазами по меняющимся строчкам, пока не нашел нужную: «Лондон — Бангкок. Прибыл».

Отец никогда не заставлял себя ждать. Элайджа сразу увидел его, стоило обернуться к зоне таможенного контроля. Высокий и поджарый, с аккуратной стрижкой и равномерной сединой. В его чертах сквозила какая-то обманчивая плавность, за которой скрывалась жесткая, бескомпромиссная натура. Он невозмутимо стоял у стойки информации, не обращая внимания на суету вокруг.

Его сопровождали двое, на вид — бывалые головорезы. Элайджа не знал этих людей: отец часто менял охрану и секретарей.

Их взгляды встретились через толпу. В глазах Кроу не было и намека на радость. Только интерес, оценка и что-то еще, от чего у Элайджи всегда сводило желудок.

— Отец, — подошел Элайджа и снова почувствовал себя ребенком, который никогда не дотягивает до нужной планки.

— Элайджа, — кивнул Кроу.

Его взгляд бегло окинул сына, будто проверяя экипировку перед вылазкой.

— Хочу услышать о твоих результатах.

Это была не просьба, а приказ — один из многих, что непременно последуют дальше.

Хейз бросил быстрый взгляд на профессора и заметил, как тот сжал пачку сигарет в кармане. Ловко переключив внимание на себя, он перехватил дорожную сумку Кроу у одного из верзил и учтиво указал в сторону выхода:

— Прошу сюда, мистер Кроу.

Теперь уже Хейз стал объектом пристального изучения.

— Давно не виделись, — это все, что мужчина ответил на его жест, а после развернулся к одному из своих сопровождающих: — Картер, ты возвращаешься следующим рейсом. Договор в Ливерпуле требует переподписания, — он сухо отчеканивал каждое слово. — Добейся согласия на моих условиях. Не возвращайся без подписи.

— Так точно, сэр.

Кроу достал телефон, переслал подчиненному несколько файлов, и через мгновение человек по имени Картер растворился в толпе, словно его никогда и не было.

Остальные молча проследовали к стоянке.

Машина тронулась. Хейз сидел за рулем, рядом с ним — второй охранник, безмолвный и напряженный. Элайджа с отцом устроились сзади, но, несмотря на физическую близость, сохраняли дистанцию незнакомцев, случайно оказавшихся в одном салоне.

Профессор начал издали:

— Я все подготовил к твоему прилету, отец. Пентхаус в новом жилом комплексе с видом на реку. Персонал проверен, личный повар прибыл. Все твои требования учтены, — произнес он ровно, как по писаному, надеясь хотя бы на скупой кивок одобрения.

Но Кроу не поблагодарил. Он медленно дописал сообщение, отложил телефон на сиденье и сухо спросил:

— Ты его нашел?

— Да. Он здесь.

— Насколько он силен? — Кроу разглядывал профиль сына.

Элайджа заставил себя выдержать этот взгляд:

— Я не видел. Его сложно спровоцировать.

— А его окружение?

— Похож на одиночку.

В салоне повисла тишина. Хейз на секунду поймал в зеркале взгляд Элайджи и тут же вернулся к дороге.

— Все сорвалось, когда он вернулся в Бангкок, — продолжил Кроу, говоря как о погрешности в вычислениях. — Что с кольцами? Ты их видел?

— Да, — без тени сомнения ответил Элайджа. — Описание, возраст металла, символика — все совпадает. Это «Узы Двуединства».

Кроу немного помедлил с очередным вопросом. Его лицо стало каменным, а глаза заметно сузились.

— Выходит, одиночка с древним артефактом отсиживается среди деревенских простаков, а ты до сих пор ничего не сделал?

Это было лобовое столкновение. Элайджа заметил, как у Хейза напряглись пальцы на руле. Даже верзила на переднем сиденье непроизвольно повел головой, уловив смену тона.

— Отец, я подумал...

— Тебе не нужно думать, — перебил Кроу. — Просто приведи Лайта. Мне плевать, как ты это сделаешь. Разговор окончен.

Он демонстративно отвернулся к окну и больше не проронил ни слова.

Хейз снова поймал взгляд Элайджи в зеркале, стараясь удержать его как можно дольше. Он кожей чувствовал состояние друга, замершего у края пропасти, пока родной отец использовал его в качестве моста.

Когда они добрались до жилого комплекса, Кроу молча скрылся в дверях холла. Охранник забрал вещи и последовал за ним.

Хейз проводил их взглядом, а затем, выйдя из машины, постучал в стекло со стороны Элайджи. Не дождавшись реакции, он открыл дверь и склонился над профессором:

— Слушай, я пойду с ним. Позабочусь, чтобы никто не накосячил с организацией и все такое... — Уловив вопросительный взгляд, он продолжил: — Бери машину и езжай домой. Соберись с мыслями. Если что — я позвоню.

Элайджа смотрел на него в упор. Ему совсем не хотелось отпускать друга, но тот лишь ободряюще похлопал его по плечу и неторопливо зашагал ко входу. Хейз подождал, пока машина отъедет от комплекса, и только потом поднялся в пентхаус.

Приятный полумрак, приглушенный джаз и бармен, знающий толк в односолодовом виски, — это было все, в чем сейчас нуждался Элайджа. Он хотел отвлечься и ни о чем не думать, поэтому, заметив яркую вывеску, без колебаний свернул к заведению.

Профессор выбрал место у стойки — так было проще затеряться и не привлекать внимания. Вечер пятницы в подобных заведениях всегда славился разношерстной публикой. В паре метров сидела тройка в галстуках: мужчины заговорщицки шептались, то и дело сверяясь с телефонами. Чуть дальше расположилась компания студентов — они громко шутили и смеялись. А у окна кого-то ждала эффектная блондинка, постоянно поправляя макияж.

Элайджа скинул пиджак на спинку стула, расстегнул верхние пуговицы рубашки и наконец задышал полной грудью. Короткий жест бармену — и тот уже наливал двойной.

Но тут внимание профессора зацепилось за женскую фигуру чуть поодаль: на вид лет пятьдесят, поношенные джинсы и футболка с позитивной надписью «Самый лучший день — сегодня». Ее волнистые волосы были аккуратно подобраны заколкой, а морщинки у глаз выдавали привычку часто улыбаться. Женщина выглядела так, словно забрела сюда по ошибке, перепутав бар с тихим соседним кафе.

Элайджа не удержался. Стоило бармену поставить перед ней бокал вина, он развернулся в ее сторону, демонстрируя свою особую улыбку для полезных знакомств.

— Простите за бестактность, — начал он, слегка склонив голову.

— Может быть, и прощу, — ничуть не растерялась она.

— Вы, должно быть, ошиблись заведением? Или ищете кого-то? Здесь довольно специфическая публика.

Женщина не смутилась. Она повернулась к профессору, оценивая безупречный пиджак, ухоженные руки и самодовольную позу.

— Я жду мужа, — ответила она без тени раздражения. — У нас машина забарахлила на соседней улице. Он отогнал ее в сервис, а я решила подождать здесь. — Она сделала небольшой глоток вина. — А что, в этом баре дресс-код на возраст и наличие ботокса?

Элайджа отпрянул и немного смягчил тон:

— Я лишь хотел сказать, что вы слегка не вписываетесь в общий «контекст». Вот я и предположил...

— Контекст... — протянула женщина. — Знаете, молодой человек, в двадцать лет я идеально вписывалась в любой «контекст». Гарантирую, я бы вам понравилась.

Элайджа поднял бровь, ожидая продолжения.

— Но я не нравилась себе, — твердо продолжила она. — Я жила ради этого «контекста», — она указала бокалом в сторону зала. — Увидь я сейчас в зеркале ту двадцатилетнюю дуреху — снова почувствовала бы себя никчемной. Нет, спасибо.

Элайдже стало некомфортно, но он уже не мог перестать слушать. Женщина пересела на соседний стул и указала на себя:

— Это все мое: морщинки, шрамы на руках и вечно ноющая спина. Это не изъяны, а цена того, кем я стала.

— И кем вы стали? — В голосе профессора прозвучало неподдельное любопытство. Женщина улыбнулась, и ее лицо преобразилось.

— Счастливой, — сказала она просто. — Спокойной и свободной от вечной гонки. А вы, я вижу, очень стараетесь создать впечатление. Думаете, это имеет какой-то глубокий смысл?

— Конечно, имеет, — возразил Элайджа, но уже без прежней уверенности.

— Для кого? — мягко спросила женщина. — Я даже не уверена, что вы делаете это для себя.

Она допила вино и поставила бокал на стойку.

— Жизнь должна оставлять следы — это нормально. А тот, кто этого не понимает, еще не начинал жить.

У входа показался мужчина в рабочей одежде. Он выглядел вымотанным, но, увидев женщину, мгновенно расплылся в теплой улыбке.

— Все в порядке, дорогая? — спросил он, подходя ближе.

— Все прекрасно. Этот молодой человек любезно составил мне компанию.

Она легко соскользнула со стула и взяла мужа под руку, а затем кивнула Элайдже:

— Удачи вам найти свой «контекст».

Пара удалилась, а профессор повторил заказ. Он долго сидел в полном молчании, игнорируя всех, кто пытался составить ему компанию.

Голова наконец освободилась от лишних мыслей, погрузив его в состояние, за которым он сюда приехал. Но вскоре эта пустота начала раздражать, а алкоголь только усиливал нервозность.

И еще эта женщина... Какое право человек, чья жизнь свелась к саду и кухне, имел судить его? Ее простые рецепты счастья были для простых жизней. Элайджа начинал злиться: гораздо проще было винить случайную незнакомку, чем признать, что ее слова задели за живое.

Неизвестно, сколько прошло времени. Пустые стаканы на стойке выстроились в беспорядочную линию, а джаз сменился унылой поп-музыкой.

Заступивший на смену бармен без умолку болтал, изливая душу. Он успел поведать Элайдже о переезде из Паттайи, тяжелой жизни у тети и череде дурацких подработок. Затем последовала долгая, путаная история о предательстве бывшей девушки и лучшего друга, которая сопровождалась бурным потоком эмоций. Парень без остановки подливал профессору и время от времени умудрялся выпивать вместе с ним.

Эта исповедь могла затянуться до самого утра, если бы не знакомый силуэт, внезапно мелькнувший в зеркальном отражении позади бутылок.

Еще до того как мозг осознал увиденное, тело Элайджи натянулось как струна, а алкогольный туман в голове мгновенно рассеялся. Он медленно, стараясь не привлекать внимания, обернулся.

Это был Лайт.

Он сидел за дальним столиком в компании двух парней и хрупкой рыжеволосой девушки. Их стол был заставлен тарелками и пустыми бутылками — профессор понял, что они здесь уже какое-то время.

Мысль уйти испарилась без следа. Элайджа развернулся к стойке и принял позу усталого посетителя. Он вглядывался в мутные отражения на стенах, где, точно в кривом зеркале, расплывались силуэты людей. Профессор улавливал движения рук, кивки и обмен бокалами, пытаясь понять тему разговора, и просто выжидал момент.

Минут через десять компания зашевелилась. Один из парней и рыжая девушка поднялись, обменялись с Лайтом короткими похлопываниями и направились к выходу. Третий парень что-то сказал, ткнув пальцем в телефон, и отошел к служебному входу — поговорить без лишнего шума. Лайт остался за столиком один.

Элайджа уже мысленно отрепетировал непринужденное: «Какая встреча!». Он двинулся к цели, но тут же замер: к Лайту подошла новая гостья. Профессору ничего не оставалось, как наблюдать со стороны, притворно поддакивая нытью бармена.

Незнакомка была наигранно броской, с длинными каштановыми волосами. Она наклонилась к Лайту и что-то прошептала — тот мгновенно сократил дистанцию.

Дерзкий сукин сын, — пронеслось в голове у Элайджи.

Лайт коснулся ее подбородка, мягко потянул к себе и поцеловал. Поцелуй был недолгим, но с уловимой ноткой превосходства. Девушка игриво отстранилась, бросив на него кокетливый взгляд. Она провела ладонью по груди Лайта, вложила в нагрудный карман салфетку с номером и неспешно удалилась.

Элайджу словно окатили ледяной водой. Он, привыкший к восхищенным взглядам, вдруг почувствовал себя лишним. Незначительным. Лайт, такой сдержанный и отстраненный, сиял улыбкой для какой-то девушки. Незнакомое чувство вскипело в его груди черным ядом.

Профессор сжал кулаки, стараясь удержать маску надменного спокойствия. Он видел в Лайте соперника интеллектуального, достойного, но сейчас тот блистал в иной, приземленной роли. И эта простота разжигала мучительную зависть.

Когда девушка ушла, он не выдержал. Сорвался с места и подошел к Лайту.

— Интересно, — небрежно протянул он, рухнув на соседний диван. — И как часто ты практикуешь такие спонтанные проявления чувств?

В глазах Лайта мелькнуло удивление — он явно не ожидал увидеть здесь профессора, но быстро взял себя в руки:

— Настолько часто, насколько это доставляет мне удовольствие. Или тебе есть что предложить взамен?

Этот ответ стал пощечиной. Элайдже захотелось стереть самодовольную ухмылку с лица Лайта, закричать, доказать, что он способен на большее, что тоже достоин... Но приходилось сдерживать гнев и сохранять лицо.

Элайджа схватил стоящую рядом бутылку, налил в стакан до краев и подтолкнул его Лайту. Вызов был принят. Он пил практически залпом, пытаясь утолить жажду — не физическую, а иную, глубоко запрятанную внутри.

— Ты меня преследуешь? — бросил Лайт в своей привычной манере.

Элайджа поперхнулся, алкоголь застрял в горле от неожиданного вопроса. Он закашлялся и, стуча ладонью по груди, попытался избавиться от першения..

— Даже если тебе так кажется, то это происходит точно не по моей воле, — выдавил он, тут же подхватив воду, чтобы запить обжигающий привкус.

В этот момент к столику вернулся парень, говоривший по телефону. Вблизи Элайджа рассмотрел его лучше. Молодой человек был невысокого роста, с теплым цветом кожи и очень миловидными, почти кукольными чертами лица: большие темные глаза, длинные ресницы, аккуратный нос и пухлые губы.

— Все утрясли, — сообщил он Лайту, и его голос оказался таким же мягким, как и внешность. — О, привет, — парень дружелюбно кивнул Элайдже, словно тот уже был частью их компании. — Я Пхум. А ты?

Профессора снова пробрал кашель.

— Пхум, это Элайджа — профессор, специалист по мифологии, — Лайт, по-дирижерски жестикулируя, представил их друг другу. — Элайджа, это Пхум. Мой старший из приюта.

— О, очень приятно! — Пхум непринужденно улыбнулся и сложил руки в традиционном «вай».^[1]

Элайджа на мгновение замешкался, а после ответил легким поклоном.

— Мне, к сожалению, пора, — обратился Пхум уже к Лайту. — Давай позже созвонимся и решим, когда навестить отца Мартина. Я поговорю с Тоном и Мэй и напишу тебе.

— Конечно, — Лайт встал, и оказалось, что он почти на две головы выше Пхума. Он бережно обнял своего старшего и, только когда тот вышел из бара, сел обратно.

Профессор устался в одну точку, погружаясь в глубокий анализ — Лайт называл это второй стадией опьянения. Элайджа столкнулся с тем, что никак не вписывалось в его картину мира. *Приютские дети выросли и разъехались кто куда, но все еще дорожат друг другом? Навещают старого священника?* В мире семьи Кроу люди были лишь активами, а связи — сделками. Бескорыстная преданность просто не укладывалась у него в голове.

— Это была... встреча вашего?.. — осторожно спросил он, глядя Лайту прямо в глаза.

— Приюта, — подкинул тот недосказанное слово. — Не все поддерживают общение, но с этими ребятами... — он мотнул головой в сторону двери, — мы как-то сдружились. А раз я вернулся, сможем видеться чаще.

Он произнес это так буднично, будто говорил о погоде. Но для Элайджи эти слова прозвучали громче любого признания. Перед ним была живая сеть человеческой прочной дружбы, пережившей годы и расстояния. Для этих людей Лайт был своим, и в этом не было никаких «но».

А что же профессор? Его единственной настоящей привязанностью оставался Хейз — связь, которую приходилось прятать. Элайджа с болезненной остротой почувствовал, насколько он одинок по сравнению с этим «одиночкой» напротив.

Схватив закрытую бутылку пива, он сорвал крышку и залпом осушил ее — с такой скоростью, что Лайт даже не успел среагировать.

Этот ядерный коктейль из алкоголя, эмоций и разочарования быстро отключил сознание профессора. Он уже не мог внятно говорить и постоянно клонился набок, проваливаясь в пьяную дремоту. А когда его плечи окончательно обмякли и рука бессильно упала на стол, Лайт отставил свой стакан и внимательно всмотрелся в лицо Элайджи.

Сейчас профессор не казался ему ни подозрительным, ни навязчивым. Это был пьяный, эмоционально сломленный человек, несущий на себе груз проблем, о которых предпочитал не распространяться. Лайт встречал множество таких — в галереях, на частных ужинах, в чужих постелях. Все они прятались под разными масками, но на дне бутылки оказывались одинаково одинокими.

Он и сам изрядно выпил, но не хотел оставлять Элайджу в этом баре, где того могли обчистить или вышвырнуть в ближайший мусорный бак. Не из-за внезапной симпатии — скорее из отвращения к такой бессмысленной и неопрятной развязке.

Лайт расплатился и приступил к поискам пункта назначения. Телефон профессора был заблокирован паролем, и за весь вечер на него не поступило ни единого звонка или сообщения.

Он аккуратно обыскал пиджак, надеясь найти бумажник с документами, водительскими правами или пропуском — хоть что-то, где был бы указан адрес. Но среди пачки наличных и пары визиток не нашлось ничего, что указывало бы на дом. Ни одной личной фотографии. Ни одной помятой записки.

Университет отпадал сразу: везти его туда в таком состоянии значило подписать профессиональный приговор. Вариантов не оставалось.

— Ну что ж, профессор, — вздохнул Лайт. — Пришло время тебе постичь всю прелесть деревенской жизни.

Он ловко подхватил Элайджу под мышки, закинул его безвольную руку себе на плечо и, крепко обхватив за талию, повел к выходу. Профессор что-то бессмысленно бормотал, путаясь

в собственных ногах. Они прошли мимо стойки, где бармен лишь многозначительно подмигнул, приняв все за банальную историю с перебравшим клиентом.

Улица встретила их на удивление прохладным ночным воздухом. Лайт поймал взгляд дежурившего у входа таксиста. Тот мгновенно оценил ситуацию и вышел из машины, чтобы помочь загрузить живой багаж на заднее сиденье.

Час пути по темным дорогам пролетел в странной, полудремотной тишине. Лайта слегка укачивало на поворотах. Он несколько раз проваливался в короткий сон, сквозь который чувствовал терпкий шлейф чужого парфюма и тяжелое дыхание рядом. А когда водитель растолкал его, сообщив о прибытии, Лайт оплатил поездку и с лихвой накинул сверху, за что словесно был вознесен до уровня самого почитаемого божества.

В доме на первом этаже горел свет. Вытянув Элайджа из салона, Лайт буквально втащив его внутрь на себе. Примерно с третьей попытки ему удалось усадить профессора за стол.

Ют мыл посуду, молча наблюдая, как этот напыщенный, самоуверенный человек в мятом пиджаке сползает на стул, комично прищулив один глаз. Гость напоминал пустой мешок, который складывался сам по себе. Профессор отчаянно пытался удержать голову ладонью, опираясь на локоть, который предательски ерзал по столешнице.

Лайт сел напротив и громко выдохнул, наконец почувствовав прилив крови к онемевшим рукам. Вдруг профессор резко вскинул голову, будто его дернули за волосы.

— А ты знаешь, что такое быть вечным гостем? — голос Элайджи был хриплым и невнятным. — Ты приходишь, но всегда с чувством, что опоздал...

Его голова соскользнула с ладони, но Лайт успел ее подхватить. Профессор обнял его руку, как ребенок — любимую игрушку.

— Постоянно извиняешься за это, потому что это не твой дом. Тебя не ждут.

Взгляд Элайджи стал беззащитно-щенячьим, но тут же изменился. Он резко оттолкнул от себя руку Лайта и бесцеремонно развалился на стуле, размахивая указательным пальцем в воздухе.

— Нельзя опоздать туда, где не ждут. Ты либо вписан в расписание... либо всегда опоздал. А я... — Он снова уткнулся в локоть. — Так никуда и не прибыл.

Ют вытирал руки полотенцем, глядя на эту парочку, явно перебравшую с алкоголем. Больше всего его поразило спокойствие старшего. По глазам Лайта было ясно: он выпил не меньше профессора, но то терпение, с которым он впитывал каждое пьяное слово, настораживало.

Для полноты этого абсурда Ют мысленно усадил за стол отца Мартина с его неизменной флягой. Он достал воду из холодильника, разлил ее по стаканам и поставил перед ними. Лайт кивнул в знак благодарности.

Элайджа только сейчас заметил присутствие третьего человека и уставился на Юта с искренним изумлением. Он вцепился в край его футболки и притянул парня к себе, всматриваясь в двоящееся лицо. Ют в ответ зажмурился и отвернулся — от резкого перегара глаза заслезились так, словно рядом нарезали лук.

— Вас бы всех на реабилитацию отправить, — проворчал он, пытаясь ладонью разогнать запах спирта.

Элайджа нахмурился.

— И от чего реабилитировать будешь, кучерявый? — Он выхватил взглядом самую яркую деталь внешности парня.

— От алкоголизма.

— Это дело хорошее... Только я не пью.

Профессор наконец разжал пальцы и выпустил ткань. Он дважды фамильярно хлопнул Юта по щеке, но тот аккуратно перехватил его руку и отвел от своего лица.

— А вот тут я с вами полностью согласен, кхун профессор. Это сразу бросилось в глаза, когда вас внесли в дверь.

Элайджа попытался улыбнуться, но это больше походило на несимметричный оскал. Он резко переключился на Лайта, который крутил стакан в руке, наблюдая за плавным спиралевидным движением воды.

Пьяный монолог профессора сбил Лайта с толку и заставил взглянуть на него с непривычной стороны: за самоуверенностью и пафосом прятался обычный человек, отчасти скучный и совершенно не умеющий пить.

— А он мне нравится, — говоря о Юте, Элайджа обратился к Лайту. — Пусть приходит ко мне на кафедру. Я покажу ему свои антропологич... антроп... — Он подтянулся и набрал воздуха в грудь. — Антропологические... Да твою ж! ...Останки, в общем.

Накатившая икота окончательно сбила речь.

Ют заметно скривился:

— Тоже мне, приятное зрелище.

Профессора явно задело такое снисходительное отношение к его детищу. Он раздулся как рыба-фугу и с досадой развернулся к обидчику.

— Ты пожалеешь, если не увидишь, — продолжал он икать через слово. — Там в черепе вот такая дыра!

Он широко раскинул руки, отчего чуть не упал со стула.

— Кто-то сделал неправильный выбор, — профессор покосился в сторону Лайта. — И ему прилетел в голову топор... топорище...

Он зашелся смехом, полным упоения и восторга.

Входная дверь открылась, и на пороге возник отец Мартин. Прижав плечом телефон к уху, он ловко протиснулся внутрь с тяжелой стопкой книг. Сбросил груз на ближайшую поверхность и уперся ладонью в поясницу — с глухим хрустом расправил плечи. Заметил остальных и сразу закончил разговор. Его взгляд забегал по лицам, пока не задержался на незнакомце.

Подойдя к столу, отец Мартин потрепал Лайта по плечу, убедившись в адекватности его состояния.

— Я вижу, ты уже успел обзавестись... друзьями, — произнес он, делая крошечную, но красноречивую паузу.

Ют улыбнулся, всюю жуя яблоко. Проглотив очередной кусок, он указал в сторону Элайджи и пафосно провозгласил:

— Это профессор!

Священник подошел чуть ближе и склонился к гостю:

— Здравствуйте, молодой человек.

Элайджа отреагировал резким движением головы. Он уставился на лицо священника, затем перевел взгляд на Юта. Сообразив, что это два разных человека, он снова переключился на отца Мартина, пока не заметил колоратку. Его мутный взгляд внезапно сфокусировался. Профессор, как по команде, взлетел со стула и застыл в солдатской стойке, раскачиваясь, точно матрешка от щелбана.

— Мо-мое почтение, ваше католическое святейшество! — выпалил он, отчаянно пытаясь придать охрипшему голосу торжественности.

Терпение Лайта закончилось. Он сорвался с места и вцепился в воротник профессорской рубашки:

— Все! Хватит! Пора спать.

Не церемонясь, он оттащил Элайджу от стола, развернул к лестнице и потянул на второй этаж. Гостевая комната была прибрана. Лайт успел немного ее обжить, разложил вещи и застелил свежее белье.

— Ладно, аристократ, — пробормотал Лайт раздраженно, — принимай деревенские порядки.

Он швырнул безвольное тело на кровать. Реакции не последовало — Элайджа попросту вырубился, едва коснувшись матраса.

Лайт присел на край, аккуратно перекатил его на бок и принялся расстегивать рубашку. Пуговицы поддались без труда, и ткань сама соскользнула с плеч. Он намеревался бросить ее на стоящий рядом стул, но вдруг замер.

При скудном свете лампочки его взгляд прилип к запястью профессора — оно было искромсано. Длинные рваные полосы с огрубевшими рубцами выглядели так, будто его пытали.

Пальцы Лайта сами потянулись к шрамам. Ощущения были четкими, как при изучении старого холста или глиняной скульптуры: кожа твердая, неровная, со впалыми участками там, где подкожная клетчатка так и не восстановилась. Эту руку не резали — ее рвали с нечеловеческой силой. Лайт слегка надавил на самый изрубцованный участок. Элайджа глухо вздрогнул во сне, но не проснулся.

Он стянул рубашку и расстегнул ремень. Брюки трогать не стал, посчитав это лишним. Затем отыскал в комодке одеяло побольше и натянул его на профессора до самого подбородка. Не чтобы согреть, а желая спрятать шрамы от посторонних глаз — на случай если кто-то зайдет в комнату, пока тот спит.

Это полностью отрезвило. Лайт какое-то время смотрел на спящего Элайджу, а потом щелкнул выключателем и вышел, плотно прикрыв дверь.

Спускаясь вниз, он продолжал думать: «*Сам он это сделал? Или кто-то другой?*». А его пальцы навсегда запомнили ощущение от рваных, бугристых шрамов.

Зайдя в кухню, он приготовился к вопросам, но их не было — это немного расслабило. Отец Мартин и Ют сидели за столом. Поглощенные подсчетами, они передавали друг другу исписанные листки и оживленно обсуждали выручку от уроков гончарного мастерства. А точнее — от продажи поделок, которые лепили и расписывали ученики Юта. Родители, видя восторг детей, охотно вкладывались в эти занятия, чтобы выкроить немного времени для себя.

Лайт присел рядом. Младший, не отрываясь от спора, подвинул ему тарелку с яблоками. Но есть он не стал, а просто наблюдал, как они подначивали друг друга: спорили, отбирали карандаши и что-то доказывали. Эти отношения были полной противоположностью его связи со священником. Ют был заразительно живым и активным, что даже Лайт стал чаще улыбаться с приездом домой. За это он был безмерно благодарен младшему, хоть и не произносил этого вслух. А стоило бы сказать. Отец Мартин хлопнул ладонью по столу:

— Совсем из головы вылетело... Я забыл ежедневник в церкви. В нем все расписано до мелочей, — он выразительно глянул на раздухарившегося подопечного. — Сбегай за ним, Ют. Он на столе в кабинете.

Последовал долгий и хмурый взгляд. Ют прекрасно понимал, что это не просьба, а обычная уловка, чтобы остаться наедине с Лайтом, но перечить не стал. Со вздохом он отодвинул стул и поплелся к выходу — нарочито медленно, постоянно оборачиваясь в надежде поймать их на шепоте за спиной.

— Твой друг уснул? — повернулся священник к Лайту, наблюдая, как его посланник демонстративно обувается. — Думаю, он неплохой юноша. Чувствуется, что воспитанный. Хоть и явился в не самом примечательном виде.

Насчет примечательности священник попал в точку. Но Лайт не хотел о нем говорить, чтобы не пришлось рассказать о кольцах. Он ни в чем не был уверен, и было бы опрометчиво втянуть отца Мартина в сомнительную историю.

— Лайт! — резкий голос разорвал тишину.

Ют стоял перед распахнутой дверью и испуганно смотрел на улицу. Его руки заметно тряслись. Старший отреагировал моментально: подлетел к порогу и выглянул наружу.

Двор горел. Красные светлячки висели в воздухе плотной, неподвижной стеной. Отец Мартин последовал за ним, но отступил назад, пораженный увиденным.

Лайт босиком вышел на крыльцо и жестом приказал остальным оставаться внутри. И только на улице он увидел, что рой окружил дом непроницаемым кольцом.

В этот раз он вскипел: от непонимания, от наглого вторжения — кто-то играл с ним в кошки-мышки. Лайту было плевать на причины — посягали на его территорию, и любые переговоры были исключены. Его шаги стали тяжелыми и уверенными. С каждым касанием земли под ступнями вспыхивали ярко-синие следы — огонь разрастался с яростью своего хозяина.

Он подошел вплотную и практически уперся носом в живую стену. Священник тревожно звал его обратно и, не выдержав, выскочил следом.

Светлячки мгновенно схлопнулись вокруг Лайта. Пару секунд тишины — и столб яркого пламени вырвался в небо. Визг насекомых резанул по ушам, и они сверкающим пеплом осели на землю, подсвечивая траву.

Лайт остался невредим. Он сжимал кулаки и смотрел в небо, пока под ногами медленно утихало пламя.

На втором этаже в холодном поту подскочил Элайджа. Он скинул с себя одеяло и жадно хватал ртом воздух. Просидел так с минуту, а потом, как под гипнозом, снова отключился.

Двор погас, а небо стало ясным и звездным. Лайт молча переглядывался со священником. Тот понимал: происходит что-то серьезное.

Первым прорвало Юта.

— Знаете что, святой отец, — с напряжением выпалил он, — идите-ка вы сами за своим ежедневником!

Бросив это, он тут же улизнул наверх.

Все остались ночевать в доме. Лайт еще несколько раз заглядывал в комнату к Элайдже, и только после лег отдыхать. Отец Мартин так и не смог сомкнуть глаз. До самого утра он просидел на кухне, возился с бумагами и беспокойно поглядывал в окно.

^[1] Традиционное приветствие: ладони складываются вместе на уровне груди или лица, и следует легкий поклон. Чем выше подняты руки, тем больше уважения.

Глава 10

Стая козлей^[1] проверяла профессора на выносливость. Переливы их голосов отбойным молотком пульсировали в висках. Элайджа сидел абсолютно разбитый и бессмысленно смотрел в кружку с кофе, сжимая ее обеими руками. Его рубашка изрядно помялась, а пуговицы были застегнуты через одну.

Память о вчерашнем вечере всплывала фрагментами: громкий смех, чьи-то руки на его талии, привкус алкоголя и... Лайт! Это был Лайт.

Еще больше смущало незнакомое место. Судя по обстановке, он находился далеко за чертой города.

Элайджа проснулся рано — не потому, что отдохнул, а от ярких лучей солнца, падавших на лицо. Тело ломило, и дело было не в отсутствии ортопедического матраса. Первым делом он проверил ключи и телефон и почувствовал облегчение: значит, не потерял и не ограбили.

Одевался профессор медленно, покачиваясь из стороны в сторону, как ребенок, который только учится ходить. Глаза слезились от солнца, и Элайджа решил спрятаться за шторой. Но стоило приблизиться к окну, как он тут же об этом забыл, увидев на улице Лайта.

Точнее — его домашний вариант. Штаны закатаны до колен, растянутая выцветшая футболка и собранные в небрежный пучок волосы. Мокрый, в разводах от пены, он водил губкой по капоту, топча босыми ногами грязь от стекающей из шланга воды.

Лайт делал это просто, обыденно, ничуть не беспокоясь о том, как выглядит. Вся его привычная одежда осталась в комнате, где спал гость: он не стал вламываться и будить профессора, а просто надел первое, что нашлось под рукой. В доме, где живут одни мужчины, это было несложно.

Лайт почувствовал взгляд и поднял голову.

Встретился глазами с Элайджей и жестом указал ему спускаться вниз. Там, к удивлению гостя, его ждал завтрак и та самая кружка кофе, которую он сейчас держал в руках. Профессор сделал долгий глоток и почувствовал приятную смягчающую горечь.

Он с интересом осмотрелся: при свете дня дом выглядел совсем иначе. В распахнутые окна вливался чистый, невесомый воздух. В отличие от городского смога, он снимал тяжесть похмелья. Профессор с аппетитом потянулся к яичнице и идеально прожаренному бекону. Хейз постоянно приносил ему еду, но это оставалось частью его обязанностей. Здесь же, в чужом доме, это воспринималось как знак гостеприимства и хорошего тона.

Забота без принуждения подкупает, — мелькнуло в мыслях. Элайджа уверенно взял вилку, выбрал самый поджаристый кусок и поднес его ко рту.

— Как ваше самочувствие, кхун? Вчерашний светский раут прошел не по плану? — прямо под руку прилетел неожиданный вопрос.

Профессор дернулся и отложил прибор, так и не попробовав угощение. На кухне появился Ют. Он задержался в дверях, бесцеремонно пялясь на Элайджу.

— Я смотрю, нонг, тебе не слишком знакомы хорошие манеры, — прозвучал в ответ хриплый голос.

Юта это только подстегнуло:

— Думаете, профессор? Разве это не вы вломились в мой дом в стельку пьяным? А потом усердно пытались научить мою кошку древнеэльфийскому?

Это был самый неожиданный поворот из всех возможных. *Кошка? Допустимо. Древнеэльфийский? Такого языка даже не существовало. Насколько же я вчера перебрал и сколько лишнего успел сболтнуть?*

Элайджа попытался принять более уверенную позу. Он выпрямил спину и откашлялся в кулак, едва не задев посуду. Его взгляд сохранял непробиваемую холодность, но каждая клетка хотела вернуться в кровать и укрыться с головой одеялом, лишь бы избежать этого позора.

— Доброе утро! — раздался бодрый голос.

На пороге стоял Лайт. Его волосы были влажными, а на футболке темнело мокрое пятно. Понапряженному лицу Элайджи и хитрой улыбке Юта он сразу заподозрил неладное.

— Что-то случилось? — Лайт подхватил кусочек бекона с тарелки гостя и присел напротив.

— Твой нонг только что поделился пикантными деталями моего вчерашнего поведения, — сдавленно выдавил профессор. Его глаза бегали между этими двумя: один почему-то жевал его еду, а второй самодовольно за этим наблюдал.

Лайт вопросительно посмотрел на младшего:

— Кошка?

— Кошка, — Ют соорудил невинное лицо и принялся возиться у плиты.

За беконом последовал глоток кофе из чужой кружки, отчего Элайджа еще больше напрягся.

— Не переживай, у Юта нет кошки, — Лайт вернул кружку на стол. — Ему просто нравится наблюдать, как важные дяди корчатся от стыда. Я, кстати, тебе завтрак приготовил. — Он указал на тарелку: — Ешь.

Напряжение в плечах профессора начало медленно спадать.

Я не говорил с кошкой.

Я не опозорился настолько.

Я просто напился и уснул в чужом доме. Это почти приемлемо.

Желудок громко заурчал, соглашаясь с предложением перекусить.

— Может, авокадо, кхун профессор? — снова вклинился Ют. — Слышал, это помогает от похмелья. Столичный бомонд рекомендует в Инстаграме.

Он что-то сосредоточенно резал на доске, даже не оборачиваясь.

Лайт медленно перевел на него взгляд, понимая, что тот снова выпускает колючки.

— Ют. Нет, — произнес он без особой интонации, но так, что младший тут же замолк и энергичнее застучал ножом.

Элайджа все же взял вилку и немного поковырял яичницу, к которой никто, кроме него, не прикасался. Неловкость сковывала настолько, что кусок не лез в горло. Он поблагодарил за завтрак и отодвинул от себя посуду.

— Я приношу свои извинения за неудобства, которые доставил, — Профессор перешел на привычный официальный тон. — Обещаю, подобное больше не повторится.

Вибрация телефона спасла его от необходимости долгих объяснений. Это была обычная рекламная рассылка: ни звонков, ни сообщений от Хейза. Такое молчание казалось неестественным, ведь тот всегда был на связи, всегда в курсе. Если молчит, значит, уверен, что все в порядке.

Элайджа быстро открыл мессенджер и отправил геолокацию с лаконичным: «Забери».

Ответ пришел мгновенно: «Я думал, ты спишь дома. Уже выезжаю».

И следом еще одно сообщение: «Почему ты за городом, а GPS машины в районе Пром Понг?».

Хейз даже не представлял масштаба провала. Откуда ему было знать, что поездка домой обернется посиделками в баре? Элайджа впервые столько выпил — это не поддавалось логике и шло вразрез с его привычным поведением. Но у этого срыва была реальная и осязаемая причина — Лайт. Он словно дергал за невидимые нити, в которых профессор окончательно запутался.

«Не спрашивай сейчас ни о чем», — набрал Элайджа.

Он отложил телефон экраном вниз и глухо произнес:

— За мной скоро приедут.

Тело начинало размякать — казалось, вчерашнее головокружение вернулось. И профессор пообещал себе больше никогда не налегать на алкоголь — этого врага ему не одолеть.

Лайт уловил движение снаружи. Он качнулся на стуле, заглядывая за перила террасы. Узнав отца Мартина, он тут же вернулся в прежнее положение.

Измотанный жарой священник завалился на крыльцо. Он с рассветом ушел к местным работягам — договориться о ремонте церковной крыши, знатно просевшей за последние годы. Наконец закончил с делами и расслабленно выдохнул. Кивнул гостю, на что получил ответный кивок.

Ют достал из холодильника кувшин с домашним манговым соком. Налил полный стакан, приправив его щедрой горстью колотого льда, и протянул священнику. Тот принял напиток с благодарным стоном, сделал несколько глотков и зажмурился от удовольствия.

— Спасибо, пацан, — выдохнул он. — Ты почему такой услужливый? Боишься, что я со списком поручений на тебя наброшусь?

— А вы разве не всегда набрасываетесь? — хмыкнул Ют, подливая еще. — Я профилактически смягчаю удар. А вообще, — он кивнул в сторону Элайджи, — нам тут и без ваших дел не скучно.

Отец Мартин покачал головой, похрустывая льдом на зубах.

— Оставь человека в покое. На нем и так лица нет. — Священник сочувственно взглянул на профессора: — Надеюсь, они вас тут не слишком замучили?

Элайджа отрешенно мотнул головой, не в силах выдать даже формальной улыбки. Его мысли были где-то далеко.

Ют хотел что-то добавить, но осекся. Во дворе послышался пожилой женский голос — четкий и властный. От таких интонаций невольно хотелось выпрямить спину и принять военную выправку.

Лайт прислушался, а после подскочил и выглянул наружу.

— Ба?

Он подхватил старушку и оторвал ее от земли — кружил, заливаясь смехом, как ребенок.

— Ба Яй! — повторял он снова и снова.

— О-о-ой! Поставь меня на место, — смеясь и глотая воздух, закричала она. А когда почувствовала опору под ногами, вцепилась в руки Лайта: — Я уже слишком стара для этого, голова закружилась.

Бабушке было за восемьдесят, но в своем почтенном возрасте она сохранила ясность ума и почти юношескую подвижность. Маленькая и кругленькая, как суетливый гномик, она умудрялась все успевать и никогда не лезла за словом в карман. Старушка рассматривала Лайта, гладила его по плечам и думала о чем-то своем, понятном лишь умудренному опытом старикам. Лайт улыбался и с обожанием смотрел на нее, как на самое ценное сокровище в мире.

Полную теплоты обстановку разрядил звонкий подзатыльник, прилетевший в сторону священника.

— Ах ты негодник! Почему не сказал мне, что Лайт приезжает? Да разве ж я тебя учила так относиться к старшим? — Ба Яй заворчала в привычной ей манере. Отец Мартин, подскочил на месте:

— Ба... Зачем бить-то? — он растирая затылок, горящий от оплеухи.

— Господь велел! — как отрезала она. — Мартин, ты в сутане, а все еще ведешь себя как упрямый осел.

Священник поежился и покорно склонил голову. Ют сидел в тенистом углу и довольно хихикал, потягивая травяной чай. Отец Мартин покосился на него и показал кулак, отчего тот разошелся еще больше и прикрыл рот рукой, чтобы не расхохотаться в голос.

Элайджа, привлеченный суетой на улице, выглянул на террасу. Ему было непривычно и любопытно.

Ба Яй снова переключилась на Лайта:

— Ты мой ангелочек!

Ют подавился чаем.

— Ангелочек... — просипел он. — Удачная метафора.

Профессор аккуратно постучал Юта по спине, помогая откашляться.

— Такой высокий и такой худой. Ты вообще ешь что-нибудь? Хорошо, что я пирожков принесла. Рыбных, как ты любишь, — не обращая ни на кого внимания, продолжала бабуля.

— Их все любят, — пробубнил отец Мартин.

— Молчи, паршивец! — скомандовала она и наконец заметила Элайджу. Внимательно рассмотрела его с ног до головы, повернулась к Лайту и подмигнула: — Твой парень симпатичный. Глаза добрые. В отличие от некоторых.

Она покосилась на отца Мартина.

— Да хватит уже. Я все понял. Мне стыдно, — священник выпрямился, плотно сжав губы. Он всеми силами сдерживал смех, глядя, как Ют катается в истерике по полу.

Лайт стоял в легком ступоре, а Элайджа не знал, куда себя деть. Особенно когда Ба Яй подошла к нему и протянула пирожки.

Он суетливо поклонился:

— Спасибо вам, я обязательно попробую.

— Попробуй и корми моего мальчика. Ты должен о нем заботиться. Смотри, какой худой!

Профессор почувствовал, как горит лицо. Он был уверен, что давно разучился смущаться, но сейчас казался абсолютно потерянным, и все, что смог сделать, — это посмотреть на Лайта. Тот лишь выразительно поднял брови и послал ему воздушный поцелуй.

Ют и священник сорвались на громкий смех, а бабуля только махнула на них рукой — мол, что взять с молодежи — и пошла к холодильнику выложить гостинцы.

С ее уходом на террасу вернулась тишина. Она была такой неловкой, что Элайджа ушел в комнату под предлогом срочного звонка. Отец Мартин нашел тенек и, потирая затылок, углубился в подсчет стройматериалов для ремонта. Лайт собирал кружки, но Ют перехватил их прямо из рук:

— Давай я, — сказал он. — Ты помоги Ба Яй с сумками. Она тебя ждала.

На кухне царил привычный бабушкин хаос: на столе громоздились контейнеры с едой, связки зелени и те самые рыбные пирожки. Ба Яй напевала себе под нос что-то на лао^[2] и хозяйски распахивала гостинцы по шкафам и холодильнику.

— Давай-ка, помоги разгрузить ту корзинку, — бросила она Лайту, когда тот показался в дверях.

Он послушно приступил к этому важному, почти гипнотическому ритуалу. Вынимал банки с соленьями, пачки пряностей, свертки со сладостями. Слушал ее ворчание о ценах на рынке, кивал и подставлял руки. Даже сейчас он безумно скучал по временам, когда это было привычной рутиной. Казалось, та легкость испарилась, как только он повзрослел. Тепло и привязанность никуда не делись, они трансформировались в потребность быть монстром, чтобы защитить тех, кто видел в нем человека.

Время с Ба Яй всегда текло иначе — плавно и размеренно. Когда последние банки были расставлены по полкам, а пирожки аккуратно разложены, она вложила один ему в руку:

— На, ешь, пока теплый. А то опять забудешь.

Лайт неторопливо жевал, глядя, как она в третий раз протирает стол.

Послышалось, как на повороте притормозила машина.

— Опять гости? — засуетилась бабушка.

— Не гости, Ба... За гостем. Пора провожать.

Он отряхнул крошки с пальцев и вышел из кухни. На лестнице уже стоял Элайджа — собранный и сосредоточенный. Никто не хотел неловких пауз и натянутых прощаний. Машина просигналила — это стало поводом выходить, не начиная разговор.

Ют уже успел переброситься парой слов с Хейзом. Даже вкинул несколько местных шуток, на что тот снисчительно улыбнулся, выискивая взглядом Элайджу. Но, увидев его идущим к машине вместе с Лайтом, изменился в лице. Его взгляд стал настороженным, а тело напряглось до хруста в швах рубашки. Профессор сделал последний неловкий кивок в сторону хозяев, а после упал в кожаное кресло, словно в спасительную капсулу.

Лайт с Ютом стояли у дороги, глядя вслед машине. Она медленно развернулась, оставив после себя облако пыли.

— Ну и зачем ты с ним так? — спросил Лайт, не отрывая взгляда от удаляющегося автомобиля.

— А что такого? — Ют потыкал ботинком землю. — Скучно же было. Да и зазнался больно, с первого взгляда видно.

— Нонг?

— Да ладно тебе, праведник. Правила этого дома просты: либо ты играешь по ним, либо ты — мишень. — Ют явно упивался моментом: — Я всего лишь указал его место и разрядил обстановку.

— Он готов был сквозь землю провалиться, но ты не остановился. Точно не чтобы «разрядить», — Лайт сделал в воздухе кавычки пальцами. — А проверить, как глубоко войдет нож, прежде чем сломается.

Ют замешкался. Он смотрел на старшего с нарастающим изумлением: тот видел его насквозь.

— Я просто...

— Не просто, — перебил Лайт. Он шагнул вперед, и его тень накрыла Юта. — Ты нащупал его слабость, отвлек и нанес удар. С ювелирной точностью. Одними словами.

Повисла секундная пауза.

— Да ты опаснее, чем я.

У Юта непроизвольно отвисла челюсть.

— Это... это ты меня сейчас похвалил? — вырвалось у него.

Лайт направился к дому, и младший бросился вдогонку, цепляясь за его руку.

— Ну скажи, что я молодец. Ну скажи!

— Ты молодец, нонг. Доволен? — неохотно выдавил Лайт. Он всеми силами сдерживал улыбку, но она против воли расползлась по лицу.

— Скажи это еще раз...

Ба Яй и отец Мартин сидели на террасе. Они провожали взглядом шумную парочку, пока те не скрылись за дверью. Священник успел вкратце рассказать о вчерашних событиях. Старушка сидела, поглощенная мыслями, и неодобрительно качала головой.

— Ты же расскажешь ему правду? — наконец заговорила она.

— Не думаю, что это нужно.

— Не играй в Бога, Мартин. Мальчик имеет право знать, что его не бросили, а ты сам забрал его из рук матери.

Священник склонил голову. Было видно — он вскипает от напряжения.

— Я взял этого ребенка. Я дал ему имя. Я вырастил его. И мне нести за это ответственность, — тяжелым, натянутым тоном отчеканил он каждое слово.

— Ты взрастил в себе тщеславие, а потом воспитал это в Лайте.

Отец Мартин ничего не ответил. Его плечи, обычно такие прямые, заметно сгорбились. Ба Яй не желала больше продолжать разговор. Она собралась было уходить, как священник поднял на нее взгляд.

— Он и так ненавидит себя, — прошептал он с глубоким отчаянием. — Что я ему этим дам? Еще один повод для ненависти?

Старушка глубоко вздохнула. Лайт был не единственным ребенком, к которому она была привязана, отец Мартин тоже вырос на ее глазах. Она лучше всех знала трагедию его семьи — все, через что ему пришлось пройти. Ее жизненный опыт был велик и уважаем, но ей навряд ли хватило бы и десятка жизней, чтобы чувствовать себя вправе давать советы. Ба Яй под села ближе и еще какое-то время молча гладила своего Мартина по голове.

^[1] Азиатский коэль — крупный вид кукушек, широко распространенный в Таиланде. Они знамениты своим невероятно громким, навязчивым пением, которое звучит с раннего утра и до позднего вечера. ^[2] Лао — официальный язык Лаоса, также распространенный в приграничных регионах Таиланда.

Глава 11

Машина мягко покачивалась на ухабах грунтовки, пока не выехала на асфальт.

Элайджа прислонился затылком к стеклу, наслаждаясь прохладой салона. Закрыв глаза и наконец почувствовал приятную расслабленность. Рядом с Хейзом можно быть каким угодно: разбитым, сломленным, ворчливым — он не судил за человечность.

Свое положение профессор оценивал как что-то среднее между эффектным провалом и полным фиаско. Где пролегла та невидимая линия, которую нельзя было переступить? Почему, когда казалось, что все под контролем, его размотали как клубок и выставили пьяным дураком в чужом доме?

Элайджа расстегнул рубашку и размял шею, пытаясь избавиться от скованности в мышцах.

— Невыносимо, — тихо, но отчетливо произнес он.

Хейз, не сводя глаз с дороги, слегка повернул голову:

— Что именно?

— Все это... — Профессор жестом указал в сторону деревни. — Они все там сумасшедшие. Я не понимаю, как можно существовать в таком хаосе.

— Думаю, это называется «бытовой коммуникацией», — последовал спокойный ответ. — Тебе нужно больше общаться с людьми вне поставленных задач.

— Как можно просто общаться, заранее ничего не узнав о человеке? — Элайджа повернулся к нему с неподдельным изумлением. — Меня пугают эти люди... Они обнимаются, едят из одной тарелки, поддевают друг друга, а потом хохочут над какими-то тупыми, примитивными шутками. Это странно. Разве к такому можно привыкнуть?

Хейз ненадолго задумался, обгоняя грузовик.

— Странно — это когда ты собираешь досье на каждого, прежде чем заговорить, — сказал он тем же ровным тоном. — Ты же прекрасно имитируешь дружелюбие, когда нужно. Так в чем разница?

— Разница в том, что я все контролирую! — возмутился профессор. — А они делают это просто так. Это бессмысленно!

— Это нормальное человеческое общение, Джа, — незаметно улыбнулся Хейз. — Оно не всегда должно иметь тактическую цель. Иногда само общение и является целью. Хочешь, я тебя обниму для полноты эксперимента?

— Ой, отстань от меня, — буркнул Элайджа, отстраняясь к окну.

— Кстати, тот парнишка рядом с Лайтом. Ты...

— Я знаю.

Хейз на мгновение повернулся к профессору:

— И что будешь делать?

В ожидании ответа он нервно сводил брови, бросая быстрые взгляды на дорогу.

— А что бы ты сделал, если бы джокер оказался в твоей колоде?

Спокойная улыбка Хейза сменилась ехидным оскалом. Он включил музыку погромче и вдавил педаль газа в пол:

— Разыграл бы карту.

Кругляш солнца висел над высотками, как раскаленный шар. В ядовито-белом свечении он приобретал чуть уловимое пляшущее марево. Казалось, воздух дрожал, струился, искажая силуэты зданий вдалеке. Бангкок, как мороженое, таял на горизонте.

На въезде образовалась обычная субботняя пробка. Шоссе превратилось в длинную разноцветную полосу из автомобилей, которые не въезжали, а медленно вползали в город.

В салоне ощущался эффект аквариума — мир за стеклом стал беззвучным и лишенным запахов. Но тело все еще воспринимало его как глухое, непрерывное давление от двигателей фур и вибрации асфальта.

В пыльной зелени у обочин копошились вороны. Они нагло прохаживались взад-вперед, обозначая свою территорию.

После спокойной и размеренной деревни появилось стойкое ощущение: стоит пересечь эту воображаемую границу — и правила изменятся. Ты еще на дороге, но город уже в тебе.

Профессор успел подремать. Он открыл глаза, когда автомобиль свернул к светлому фасаду жилого комплекса. Хейз заглушил мотор, и Элайджа уставился на него мутным, сонным взглядом. Нужно было идти и быть готовым ко всему.

Они вышли на улицу. Пространство перед комплексом было внушительным и походило на широкий подиум, вымощенный плитами из теплого персикового камня. Стены здания сливались с дорожной отделкой, а единственным ярким пятном на них был вертикальный сад из папоротников и ползучих растений. Он выглядел настолько безупречно, что поначалу показался искусственным, словно каждая веточка была выточена и отполирована вручную.

Элайджа натянул манжеты рубашки на запястья, чтобы надежно скрыть шрамы. В этом месте они напоминали о себе громче, чем где-либо еще.

Хейз пошел вперед и услужливо открыл стеклянную дверь. Их встретил просторный холл с парящими потолками, залитыми свечением огромной хрустальной люстры. Матовый оникс стойки консьержа выгодно контрастировал с серым мрамором пола.

Все вокруг было выверено и кричало о роскоши и статусе. Даже обслуживающий персонал ходил нога в ногу, синхронно кланяясь жильцам и их гостям.

В пентхаус Кроу вел персональный лифт. Хейз сразу направил Элайджу к нему, стараясь оградить от лишних глаз. Вход располагался особняком, за матовой перегородкой, на дисплее которой светился текст со строгими правилами.

Кабина открылась без звука. Внутри — ни кнопок, ни зеркал. Только электронный счетчик со стрелкой, указывающей направление. Стены были обиты замшей цвета влажного песка, а на полу — дерево редкой породы.

Подъем казался невыносимо долгим. Тишина нарушалась лишь собственным дыханием и едва уловимым шуршанием одежды — Хейз разглаживал складки на плече профессора и поправлял воротник.

Верхний этаж встретил еще одним холлом с единственной дверью. У нее, как часовой на посту, стоял знакомый верзила. Вокруг минимализм, доведенный до фанатизма: белые стены, черный ковер, точечный свет. Ничего лишнего.

Идти дальше Хейзу было запрещено.

— Персонал не допускается в жилые зоны, — преградил ему путь охранник, отстраняя рукой от прохода.

Элайджа поморщился и вошел без стука.

Отец медленно поднял на него взгляд. Он сидел напротив входа на небольшом диване: его изогнутые ножки и фигурный каркас напоминали мебель эпохи французского классицизма и совершенно не вязались с остальным интерьером. Кроу сразу заметил запавшие глаза сына, стеклянные от недосыпа и вчерашнего виски.

— Где твой верный пес? — произнес он без эмоций.

— Его зовут Хейз, — акцентировал Элайджа, понимая: тот прекрасно знает его имя. — Он ждет за дверью.

— Хорошо. Так и должно быть.

Кроу принял позу, кричащую о самодовольстве: заложил ногу на ногу и широко раскинул руки по спинке. Он щурил глаза, бесцеремонно разглядывая сына. В реальности подобное поведение означало лишь одно — пренебрежение к собеседнику. В этом он был действительно хорош.

— Твой внешний вид неприемлем, — его пальцы барабанили по дорогой ткани.

Элайджа остался у двери. Он не собирался затягивать разговор и был готов уйти в любой момент. Скованность сменилась притоком адреналина, который разогнал кровь до пульсации в висках.

— Я налаживал контакт, — вырвалось у него раздраженно. Это была обычная реакция на назидательный тон отца.

— Нам нужен не контакт, а гарантия его невмешательства в наши дела.

— Не думаю, что Лайт осознает, во что вмешивается.

— Это не отменяет ущерба, который он приносит, — Кроу нервно вскочил и в пару шагов оказался у большого панорамного окна. — Он превратил Торонто в свою тренировочную площадку. Я не вмешивался и наблюдал, но партнеры были напуганы и отказывались от сделок. Мы потеряли ключевые позиции.

Он стоял спиной к сыну и как коршун глядел на раскинувшийся внизу мегаполис. С высоты птичьего полета тот напоминал огромный муравейник со своим хаотичным порядком. По натянутой осанке и тому, как отец растирал ладони, Элайджа считал его настроение.

— Ты во мне сомневаешься? Разве я не выполнял твои приказы? — голос профессора сорвался. — К нему нужен правильный подход, а не грубая сила. Ты сам учил меня...

— Я учил тебя побеждать, — холодно перебил Кроу, — брать то, что нужно. А ты играешь в ученого.

Элайджа закипал, теряя контроль. Он ненавидел это чувство, но не мог сохранять ясность ума рядом с человеком, который заложил в него максимум уязвимых точек и постоянно их тестировал, чтобы убедиться: они все еще работают. Профессор засунул руки в карманы брюк и принялся заламывать суставы до онемения.

— Лайт не так прост.

— Конечно, не прост. В нем огромный потенциал, о котором ты можешь только мечтать. — Кроу повернулся к сыну, и его взгляд наполнился блеском презрения. — Для такого, как ты, это сложно? Ты боишься?

— А может, это ты боишься? — профессор сорвался на крик. — Боишься, что я справлюсь и получу твое кресло?

Наступила тишина, настолько густая, что в ней звенело. Кроу не двинулся с места, но его взгляд стал тяжелее.

Элайджа перешел в наступление:

— Может, это ты слишком легко распрощался со своим саном? — Он шел на отца, тыча в него пальцем. — Заигрался в то, что не можешь контролировать?

— Саном? — отозвался тот, и его ядовитый тон разнесся звучным эхом. — Беспольный атрибут. Мир в тот же миг забыл, кто такой священник Эдриан Кроу. Зато все прекрасно знают, кто я теперь. Я создал правила, которые он нарушает. Я навел порядок, в который он вносит хаос. А ты до сих пор путаешь сострадание со слабостью, а дипломатию — с промедлением. Ты такой же, как твоя никчемная мать...

— Не смей говорить о ней! — Элайджа с яростью схватил отца за ворот.

Тот даже не дрогнул. Сделал уверенный шаг вперед, переходя в контратаку.

— Ты хочешь власти? — Слова звучали резко, подавляюще. — Законного основания стать выше меня? Ты получишь его, когда приведешь мне Лайта.

Кроу жестко оттеснял сына к двери. Элайджа, теряя опору, вынужденно отступал.

— Даю тебе месяц, — прозвучало уже без эмоций. — И приведи себя в порядок. Ты меня позоришь.

Кроу потерял пальцы, словно прикоснулся к чему-то неприятному. В каждом его движении читались снисходительность и холодная отстраненность.

Профессор развернулся и вышел.

Хотел ли он власти? Да, хотел. Но не в том понимании, которое в это вкладывал его отец. Не ради богатства и влияния, а ради права сказать «нет». Сказать «оставь меня в покое». Сказать «я не пойду». И чтобы за этим ничего не последовало.

В коридоре его ждал Хейз. Увидев бледное лицо профессора, он все понял.

Пока лифт ехал вниз, в кабине висело давящее молчание и нервозность. Хейз смотрел на их силуэты в стали дверей и слышал неровное дыхание Элайджи.

— Спасибо, — глядя перед собой, произнес профессор.

Хейз оторвался от созерцания их двойников:

— За что? — спросил он настороженно.

— За то, что не задаешь вопросов. Большинство на твоём месте уже засыпало бы меня ими. А ты молчишь. Я это ценю.

Двери разъехались, открывая вид на залитый светом холл.

— Иногда тишина — это лучшая компания, — добавил Элайджа, выходя из лифта.

Хейз смотрел ему вслед, погруженный в свои мысли. Только когда двери начали закрываться, он спохватился и вышел следом. В Элайдже было столько скрытой силы, что он невольно проникался к нему глубоким уважением. Вопреки всему, профессор никогда не сдавался.

Машина не трогалась с места. Хейз сидел, положив руки на руль. Он смотрел сквозь лобовое стекло на безупречный фасад комплекса. Вскоре профессор успокоился, и его дыхание выровнялось. Десять минут с тем, кому можно доверять, сработали лучше любой терапии.

Они плавно выехали со стоянки, свернув к окраине. Бетонный пейзаж начал редеть, сдаваясь под натиском зелени. Элайджа не спросил, куда они едут, а просто смотрел на мелькающие предместья, силуэты домов и автобусных остановок.

Следующий поворот вывел на узкую дорогу, больше похожую на проселок. Она вилась между холмами, заросшими диким кустарником и стройными казуаринами. Машина мягко покачивалась — сначала по укатанному грунту, а потом и вовсе по рыхлой земле.

Место не было незнакомым — Хейз знал, куда едет. Он нашел его в первую неделю жизни в Бангкоке, когда часами гонял на мотоцикле, привыкая к новой стране. Оглушительный про-

стор после сдержанного Лондона заставлял его искать уединения. Сюда он приезжал, чтобы побыть с ветром и своими мыслями. А сегодня привез того, кто нуждался в этом сильнее.

Машина остановилась на небольшой площадке на краю крутого склона, поросшего цепкими корнями деревьев и яркими пятнами диких орхидей. Над ней плотным шатром нависали кроны старых исполинов, в прохладной тени которых легко было спрятаться от посторонних глаз. Своего рода природный «домик на дереве»: отсюда ты видел все, но никто не видел тебя.

Под ногами земля резко обрывалась метров на двадцать, а внизу, насколько хватало глаз, раскинулась широкая и спокойная пойма реки. Высота не пугала — она дарила ощущение свободы и легкое головокружение от открывшегося простора.

Вода цвета потускневшего свинца казалась жидким, медленно текущим отражением неба. Шум города сюда не долетал. Его сменил монотонный, умиротворяющий гул цикад и редкие крики пролетающих птиц.

Хейз выключил двигатель и отщелкнул ремень безопасности. Вышел из машины, обошел капот и открыл пассажирскую дверь.

Это не был жест слуги — скорее человека, протянувшего руку другу, который слишком далеко зашел в темную комнату. Элайджа тяжело поднялся и остался стоять у автомобиля, наблюдая, как Хейз подходит к краю обрыва.

Прогретый воздух взбудрил легкие после кондиционированного салона. Пальцы профессора нащупали в кармане пачку. Он достал сигарету, покрутил ее, улавлив знакомый запах табака и вложил обратно. Не здесь и не сейчас.

— Я сюда часто приезжаю, — заговорил Хейз, глядя на воду. — Сначала просто чтобы побыть в тишине. А потом и вовсе перестал замечать, как оказываюсь на этой дороге. Ноги сами знают, куда нести, когда голова переполнена. Что скажешь, Джа?

Он широко раскинул руки, словно пытаясь обнять все, что его окружало:

— Хорошо же? Спокойно.

Элайджа облокотился на капот и одобрительно закивал.

— Знаешь, что самое сложное? — продолжил Хейз. — Сохранить себя и не потонуть в навязанной роли. Иначе, когда все закончится, ты не выдержишь собственный взгляд в зеркале.

Профессор смотрел на силуэт друга на фоне светлого неба и понимал — тот говорит не о Лайте и не о задании отца. Он говорит о них самих. О годах в роли «пса», о вечной необходимости быть тенью, щитом, инструментом.

Ведь Хейза приставили к нему как надзирателя: наблюдать, шпионить, докладывать. Делать все, чтобы Элайджа оставался под полным контролем. И кто, как не он, знал, насколько удушающей была эта петля?

Разница заключалась лишь в одном: Хейзу нечего было терять, кроме репутации, которая его мало волновала. С Элайджей все было иначе. За него он переживал по-настоящему, а потому научился виртуозно подстраиваться под любые перемены и принимать удар на себя.

Раздался щелчок.

Потом еще один — тихий, сухой, будто под ногами лопнула ветка. Только звук шел не снизу, а прямо из обрыва.

Хейз вслушался. Тело превратилось в антенну, ловящую слабый сигнал. Он осторожно сделал шаг к самому краю. Подошвы туфель мягко вошли в рыхлую землю, а несколько камешков сорвались вниз и пропали в обрыве без единого звука.

Хейз наклонился и заглянул за край. Секунда тишины.

Снова щелчок, еще один...

Склон под ногами внезапно ожил. В глубине тенистого обрыва вспыхнула красная точка, за ней — вторая, третья.

Щелчки участились, превратившись в настойчивый треск, напоминающий неисправную электропроводку. Каждый звук зажигал новый огонек. Красные светлячки поднимались все выше, выплывая из ниоткуда, пока не достигли края площадки.

Они медленно кружились вокруг Хейза, образуя плавный мерцающий водоворот. Он потянулся к ним навстречу. Светлячки, почуяв знакомое, начали опускаться на его кожу и бегать по ладоням, щекоча их крошечными лапками.

В один момент светящееся облако сорвалось с места и рвануло к Элайдже, окутав его сияющим вихрем. Он стоял безучастно, пока в его глазах отражались десятки огоньков.

Один из них, самый смелый и любопытный, неуклюже уселся профессору на плечо. Элайджа поднял руку, и еще несколько светлячков опустились на указательный палец. Юркие живые самоцветы копошились и мигали, пытаясь что-то рассказать на своем языке. Остальные роились у погасших фар, стучась в рассеиватели в ожидании, что «большой брат» включится.

Когда эти маленькие дебоширы совсем разошлись, профессор вскинул руку и сделал поворотное движение пальцами, будто выкручивает приборную ручку старого радио. Светлячки тут же исчезли — растворились так же неожиданно, как и появились, оставив легкое послесвечение в воздухе.

Хейз вернулся к машине и облокотился на крыло рядом с Элайджей.

— Кстати, — задумчиво заговорил он. — Всегда хотел спросить: почему именно светлячки?

Профессор глубоко вздохнул, как перед важным откровением.

— Раньше наш дом был ближе к лесу, пока часть не вырубili под новые застройки, — его голос стал отстраненным, словно он говорил не о себе. — По вечерам на опушке клубились огни. Я их дико боялся. Думал, это глаза леса, и они следят за мной.

Он сделал паузу, собирая воспоминания — такие яркие, что даже сейчас они отозвались теплом в груди.

— Мама... она укладывала меня в кровать, а потом выходила на улицу и возвращалась с банкой. Сначала с одним светлячком, потом — с двумя, с тремя. Ставила их у моей кровати и читала сказки про светлячков-защитников. О том, как они доблестно сторожат сны и отгоняют ночные кошмары.

Его губы дрогнули в грустной улыбке.

— Сейчас я понимаю, что она сама это придумывала, но делала вид, что читает по книге. А когда я засыпал — выпускала их обратно. Однажды вечером мы пошли к лесу. Я уже не боялся, мне было любопытно.

Элайджа глядел в даль.

— Светлячков было невероятно много. Они летали вокруг, садились на рукава, на волосы. Это было так красиво. А мама сказала, что теперь они всегда будут меня защищать, что бы ни случилось.

Элайджа сделал паузу и скрестил руки на груди. Он впервые кому-то рассказывал о днях, когда мир был полон надежд и фантазий. Все казалось таинственным и интересным, а главное — рядом был человек, который мог объяснить все на свете. И даже если это отличалось от правды, Элайдже было все равно. Ведь он смотрел на мир глазами матери, в которых горела безмерная любовь какого-то вселенского масштаба.

— Мамы давно нет, — негромко продолжил он. — Но это навсегда врезалось в память. Поэтому, когда мне плохо, страшно или нужно успокоиться... первое, что приходит в голову, — это они.

— Это так... — начал Хейз, подбирая слово.

— По-детски, — поспешил уточнить Элайджа, словно извиняясь за свою слабость.

— Трогательно, — тихо закончил Хейз.

Он легонько толкнул профессора плечом, чтобы не дать ему провалиться в меланхолию.

Элайджа ответил тем же и благодарно улыбнулся.

Так они простояли до самой ночи, пока небо не усыпало бесчисленным количеством звезд. Говорили обо всем подряд, не задерживаясь подолгу ни на одной теме.

И только маленький красный проказник, каким-то образом проникший в салон, выписывал круги по лобовому стеклу. Он переливался всеми оттенками алого, пытаясь привлечь внимание хозяина.

Глава 12

Воскресное солнце, еще не набравшее полуденной мощи, мягко заливало церковный двор. Воздух был на удивление свеж: пах цветущим жасмином и влажным песком после прилива. Литургия уже закончилась, и отец Мартин был поглощен разговором с прихожанами.

Слушать его было отдельным удовольствием. Священник не признавал заученных и скорбных ритуалов, зато с азартом увлекался толкованием очередной притчи, перетекающей в остроумную житейскую историю. Голос его то взлетал в искреннем порыве, то опускался до доверительного шепота, когда речь заходила о чем-то сокровенном.

Прихожане ловили каждое слово и не спешили расходиться, образуя вокруг него маленький шумный круг. Кто-то просил совета, кто-то рассказывал новости, кто-то приносил домашние пироги. Отец Мартин успевал всем кивнуть, каждому улыбнуться и найти доброе слово, часто не лишённое иронии. Эти послеслужебные беседы иногда затягивались дольше самой службы.

Людей обычно было немного, и все знали друг друга в лицо. Несколько семей иммигрантов из Восточной Европы воодушевлялись, едва услышав в проповеди родную речь. Местные жители, чьи родословные десятилетиями хранили верность католицизму, чинно занимали передние скамьи, а пара пожилых супругов из соседнего городка наведывались сюда каждую неделю, превратив визиты в добрую традицию выходного дня.

С приездом Лайта все чаще стали появляться молодые девушки, выискивая его взглядом во время службы: слухи работали быстрее любых СМИ. Но какой бы разношерстной на первый взгляд ни казалась публика, ее объединяло одно — здесь их ждали и слушали.

Не только отец Мартин был погружен в привычные дела. Ют, натянув маску строгого учителя, пытался уговорить учеников и рассадить их по местам. Но ватага была настроена на что угодно, только не на занятия: с визгом и смехом дети бегали от него по первому этажу, пока не высыпали во двор.

Лайта они заметили сразу. Он стоял в тени такьяна, прислонившись к шершавой коре, и наблюдал за происходящим. Дети остановились, уставившись на высокого незнакомца с белыми волосами — более чем экзотическое зрелище для деревенских. Однако любопытство быстро победило робость. Первой к нему подбежала смелая девчушка лет семи, а за ней, как по команде, потянулись и остальные.

— Пхи⁴, ты кто? — спросила она, внимательно его разглядывая.

Остальные тут же подхватили:

— Откуда у тебя такие волосы? Ты их красишь?

— Ты брат кхун Юта?

— А фокус покажешь?

Вопросы посыпались как горох из мешка, и Лайт, к собственному удивлению, не почувствовал привычного раздражения. Напротив — серьезное выражение лица сменилось легкой, ленивой улыбкой. Он опустился на корточки, чтобы детям не приходилось задирать головы, точно птенцам в гнезде.

— Я Лайт. Нет, не крашу. Нет, не брат. И фокусы... — он сделал паузу, увидев, как в глазах детей загораются искорки ожидания. — Фокусы бывают разные. Например, опасные. А я сегодня безопасный.

⁴ — «Старший». Обращение к тому, кто старше по возрасту или положению. В тайской культуре обращение по имени без «пхи» или «нонг» может звучать грубо, особенно если разница в возрасте заметна.

Его ответ только подстегнул их любопытство, и вскоре он оказался в центре шумного хоровода. Дети потащили его в дом, где в учебном классе уже были расставлены столики, доски и банки с краской. Ют, увидев это шествие во главе с ошарашенным Лайтом, лишь хитро подмигнул:

— А, наш почетный гость! Как раз к самому интересному — к росписи. Думаю, у мастера с мировым именем найдется пара советов?

Протестовать было бесполезно — Лайт оказался втянут в процесс. Сначала он просто наблюдал, как дети старательно выводят кривые узоры на грубых глиняных чашках. Потом не выдержал: взял кисть и на чистой тарелке одним плавным движением вывел изгиб стебля лотоса.

Дети ахнули и потребовали еще. И вот он, забыв обо всем, начал переходить от столика к столику: поправлял хватку кисти, подсказывал, как смешивать краски, чтобы получить нужный оттенок. Лайт увлекся настолько, что расписал одну из чашек сложным витиеватым узором, в котором дети разглядели и птицу, и самолет — все, на что было способно их воображение.

Вдруг он почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Это была Ной — та самая смелая малышка, которая первой подошла к нему во дворе.

— Пхи Лайт, — очень серьезно позвала она.

— Да, Ной?

— Я вырасту и выйду за тебя замуж.

Лайт медленно отложил кисть. В его глазах, обычно отстраненных, вспыхнуло любопытство. Он присел рядом с ней:

— Правда? — так же серьезно спросил он. — А ты думаешь, я буду хорошим мужем?

Ной внимательно, точно эксперт на аукционе, осмотрела его лицо:

— Конечно. Ты же красивый.

— Эй, эй, эй! — возмущенно встрял Ют, ставя на стол банку с водой. — А как же я? Ты же в прошлый раз обещала выйти за меня!

Девочка повернулась к нему и, скосив глаза, вынесла вердикт:

— Ты слишком нерасторопный и безынициативный.

— Я?! — Ют приложил руку к груди с видом глубоко оскорбленной невинности. — Да где ты вообще набралась таких слов?

Соседний мальчик лет восьми, мучившийся над сложным узором, отставил свою чашку. Он закрыл глаза, устало провел ладонью по лицу и тихо изрек:

— Женщины...

Над столами прокатилась волна хихиканья, и Лайт тоже не смог сдержаться. Детская непосредственность была по-настоящему исцеляющей.

К вечеру дом напоминал пчелиный улей: десятки голосов сливались в одно звенящее жужжание. За общим столом, казалось, собралась вся деревня. Он ломился от угощений: острые салаты, томленое карри, блинчики с разными начинками и море фруктов. Это был пир в честь рабочих, заменивших прогнившие балки церковной крыши. Ба Яй рассаживала гостей по местам, сдвигая стулья плотнее. Люди постоянно прибывали — некоторые со своей едой и скамейками.

Отец Мартин обходил столы с огромным блюдом, пытаясь вручить конверт с деньгами бригадиру Сомчаю — пожилому, жилистому тайцу, заядлому любителю мексиканских сериалов и крепкого алкоголя. Тот отмахнулся и, сверкнув золотым зубом, ткнул пальцем в сторону Лайта, который выносил новую порцию льда:

— Не надо, кхун падрэ! Твой беловолосый сынок уже все уладил. И даже сверху добавил. Щедрый парень!

Священник застыл с конвертом в руках. Он перевел взгляд на Лайта, а тот лишь пожал плечами с видом, будто подбросил монетку нищему, а не оплатил капитальный ремонт.

— Лайт...

— Не начинай, — мягко прервал тот, ставя лед на стол. — Это мой вклад в нашу крышу над головой.

Больше слов не потребовалось. В глазах отца Мартина блеснула смесь гордости и бесконечной нежности, и он убрал деньги, чтобы не портить момент.

Атмосфера становилась жарче и радушнее. Воздух гудел от смеха, споров и звона бокалов, в которых, как заметил Ют, был не только сок. Шум стоял такой, что, казалось, стены дома разойдутся по швам от избытка жизни и счастья.

Ют, исполняя роль гостеприимного хозяина, копошился на кухне. Со стороны это выглядело как медитативный ритуал. Натянув передник и вооружившись лопаткой, он сосредоточенно перемешивал что-то в воке. Изредка ворчал под нос и нервно поглядывал в книгу рецептов, исписанную его же неразборчивым почерком. С плиты тянуло въедливым запахом гари — чеснок явно был пережарен.

Лайт прихватил еще льда и задержался понаблюдать. Его забавляло, как Ют, покусывая нижнюю губу, пытался спасти блюдо, сгребая почерневшие кусочки со сковороды на салфетку.

Гости были увлечены спором о ценах на дуриан, и Лайт незаметно для щелкнул пальцами. На салфетках вспыхнуло пламя: четкое, ровное, размером со спичечный коробок. Оно прожигало бумагу с тихим шипящим звуком. Ют почувствовал знакомый ледяной холодок и резко опустил взгляд. Огонь расплзался, угрожая перекинуться на деревянную столешницу.

Выверенным движением он шлепнул по нему влажным полотенцем; шипение тут же стихло, оставив после себя обгоревший след. После невозмутимо нырнул под раковину, пошарил там и достал новый огнетушитель. Аккуратно поставил его на почерневшее пятно и медленно поднял взгляд на старшего. В его глазах читалось: «Попробуй еще раз — и увидишь, что будет».

Лайт притворно съехался. И пока Ют предупреждающе накручивал полотенце на кулак, он продолжал его подначивать, изредка поглядывая на шумную компанию. В соседней комнате кто-то громко засмеялся.

Праздник затянулся до поздней ночи. Постепенно громкие голоса стихли, сменившись усталым бормотанием и довольными вздохами.

Лайт взял на себя роль перевозчика. Пикап превратился в такси для перебравших гостей: пассажиры клевали носами, напевая обрывки песен. Он развозил их по спящей деревне под аккомпанемент храпа с заднего сиденья.

Пока машина колесила по окрестностям, в доме шла другая, не менее важная работа. Ют, сдвинув брови, атаковал горы грязной посуды. Вода шипела, брызги летели во все стороны, а он выскребал пригоревший соус. Отец Мартин, закатав рукава, методично собирал окурки (сегодня он разрешил курить в доме), сминал бумажные тарелки в тугой шар и вытирал пролитое вино. Они работали молча, как давно слаженная команда, изредка перебрасываясь короткими репликами:

— Подметешь там у порога?

— Уже.

Попытки Ба Яй помочь не увенчались успехом. Получив двойное категорическое «нет», она не стала спорить и тихо удалилась во двор — выпить чаю и перевести дух после шумного застолья.

Жара наконец-то выпустила деревню из своих тисков. Тот густой, удушливый саван, неделями висевший в воздухе, растаял. Ночь впервые за долгие месяцы удивила стойкой прохладой и свежестью. Воздух легко и свободно гулял по щиколоткам, балуя бодрящей влагой с залива. Даже изможденная зноем земля выдохнула шелестом трав и легким треском остывающих камней.

Когда Лайт вернулся, в кухонном окне все еще горел свет — Ют заканчивал дела. Из церкви проступал тусклый отблеск настольной лампы из кабинета отца Мартина: священник снова нашел предлог задержаться среди книг и бумаг. Для него это было такой же необходимостью, как и молитва.

Все возвращалось к привычному ритму, и деревня мирно спала. Окинув взглядом двор, Лайт сразу приметил Ба Яй. Она сидела на скамье в густой тени раскидистого такьяна — маленькая, согнувшаяся фигурка. Рядом стояла кружка с чаем, от которой поднимался горьковато-мятный пар. Лайт, не раздумывая, направился к ней.

— Не спится, Ба? — Его голос прозвучал так тихо, что она не сразу его заметила, а после расплылась в морщинистой улыбке.

— Старым костям сон не идет, сынок, — она ласково погладила его по плечу. — Всех развез?

— Всех. Сомчая чуть не выбросил в огороде. Он всю дорогу пел про молодость и первую любовь. Пришлось слушать.

— Ох уж этот Сомчай... — Она снисходительно качнула головой. — Добродушный, и руки золотые. А вот сердце — как у мальчишки. Ты его не слушай, он всем про первую любовь поет. У него их, поди, с десятков было.

Лайт улыбнулся. Ба Яй, как всегда, попала в десятку. То ли в ней говорил богатый жизненный опыт, то ли природная проницательность, но в людях она не ошибалась. Она видела самую суть, не давая чувствам затуманить взгляд. Если бы в деревне выбирали президента, она стала бы безоговорочным лидером.

Где-то с глухим шлепком упал перезрелый манго, оторвав Лайта от этих мыслей.

— Тяжело тебе снова привыкать к таким людям, как здесь? Простым и шумным.

Лайт хотел было отшутиться, но прямой и бесхитростный взгляд Ба Яй его разоружил.

— Иногда, — признался он. — Как будто я в шлеме и не могу четко разобрать все, что мне говорят.

— А ты шлем-то сними, — просто сказала Ба Яй. — И послушай, что я тебе скажу.

Лайт почувствовал, как в груди что-то тревожно екнуло.

— Ба... — начал он, но она перебила.

— Мартин... он тебе никогда не рассказывал, — она положила теплую ладонь ему на руку. — А ведь он тебя как сына любит.

Голос ее стал еще тише:

— Я знала его семью. Мы жили тогда по соседству. Итан, его отец, был архитектором. Он приехал из Канады по приглашению какой-то крупной строительной компании. Сейчас уже и не вспомню названия, — махнула она рукой, давая понять, что это не имеет значения. — Он был как герой из журнала для местных девушек. Красивый, высокий, с хорошими манерами, а главное — иностранец, что очень прельщало тогдашнюю молодежь. Дела у него шли в гору, ему пророчили большое будущее. А потом он познакомился с Камлаи.

Она была местной красавицей, но очень падкой на чужой кошелек. О ней ходили разные слухи, да и в семье не все ладилось. Но Итан был молод и влюблен. Вскоре они поженились, родился Мартин, а через пару лет — Томас.

Ба Яй перехватила удивленный взгляд Лайта.

— Да, да, дорогой. У Мартина был брат.

Вдохнув побольше воздуха, старушка продолжила:

— По правде говоря, Камлаи была не самой хорошей матерью. Ее больше интересовала шикарная жизнь за границей. Итан же, напротив, всем сердцем прикипел к Бангкоку. Он считал, что это отличное место для детей. Но все рухнуло так же быстро, как и началось... Она стала часто пропадать, гулять по ночам. Дела у Итана тоже разладились. Инвесторы уходили, и вскоре компания обанкротилась. Тогда Камлаи заявила, что не собирается прозябать в нищете:

она встретила кого-то более перспективного и при деньгах. Подала на развод и уехали за границу к этому мужчине вместе с Томасом. Обещала, что Итан сможет общаться с сыном, но это оказалось ложью. Связь оборвалась почти сразу, а вскоре они и вовсе сменили имена. Мартин не находил себе места — он души не чаял в младшем брате. Поговаривали, что Камлаи снова вышла замуж. Никто толком не знает, кем был тот мужчина, но точно с серьезными деньгами и сомнительной репутацией.

Голос Ба Яй стал тверже:

— Мартин искал брата. Писал письма в никуда, звонил по отключенным номерам. А Итан начал выпивать. Что оставалось этому ребенку? Он таскал пьяного отца домой, умолял, плакал... А потом просто перестал. Приходил ко мне, мялся в дверях и просил то риса, то хлеба. Я начала забирать его к себе: кормила и отправляла в школу.

Лайт слушал и чувствовал, как его ладони покрываются холодным потом.

— Спустя время они уехали в Канаду, к престарелым родителям Итана. Но это ничего не изменило, и теперь присматривать нужно было не только за отцом. Мартин все тянул на себе — находил подработки, учился по ночам. Сначала умерли старики, а вскоре и Итан. К тому времени Мартин уже был в семинарии — это единственное, что не позволило ему развалиться на части. Позже он продал дом, оставшийся в наследство, и вернулся сюда.

Она подняла глаза. Лайт был подавлен ее рассказом. Он не знал.

— Мартин всегда брал на себя слишком много, — вздохнула старушка. — Думал: если будет достаточно хорошим, Бог заметит это и вернет ему семью. Но этого не произошло, и тогда он придумал себе другую. Сначала это был приют, а потом — ты.

Сказанное Ба Яй гремело в голове Лайта громче самой сильной грозы.

Он не произнес ни слова. Лишь медленно поднялся и склонился перед старушкой в глубоком ваяе. Развернулся и направился к церкви.

— Иди, мальчик мой... Ты не можешь всю жизнь провести в неведении, — прошептала она вслед, глядя, как тот подходит к двери.

Лайт замялся на пороге, сжимая увесистую дверную ручку. Его накрывал нервный озноб. Он то тянул ее, то отпускал, придерживая дверь, чтобы не выдать своего присутствия. Хотелось вырвать из памяти дни, когда он считал себя жертвой. Раньше воспоминания жгли болью, а теперь — невыносимым стыдом.

Он не вошел, не пересилил себя. Окончательно отпустил ручку и сел на пороге, облокотившись плечом о невысокий декоративный заборчик.

Ба Яй, сама не ведая, забросила его в тот самый день, восемь лет назад. Ощущения ожили физически, и Лайт снова почувствовал холодную скамью церкви под затертыми брюками. Стиснув зубы, он с усилием удерживал в ладонях обжигающий крест. Соленый пот заливал глаза, а боль пульсировала от кончиков пальцев до локтей. Крест прожигал ладони до самой кости, но он не отпускал. В воздухе повис тошнотворный запах паленой плоти.

— Почему? Почему ты не можешь принять меня?! Чего ты от меня ждешь? — его шепот переходил в сипение, а слова вязли в горле.

Он сорвался на истерический крик:

— Я делал все, что ты хочешь! Я был тем, кем ты хочешь! Разве этого мало? Каждый день я ломаю себя, чтобы быть достойным твоего благословения. Я не понимаю...

Слезы градом скатывались по щекам. Фарфоровая кожа Лайта стала мертвенно-бледной, он был на грани обморока.

— Ты прощаешь воров, убийц и насильников, стоит им только попросить. А я? А как же я? Я ничего тебе не сделал... Это и есть твоя справедливость?

Лайт с ожесточением отшвырнул крест, не в силах больше терпеть боль. Хрупкий подросток сжался до позы эмбриона прямо на церковной скамье. Он продолжал заливаться слезами, пока тихий голос не заставил его вздрогнуть. Отец Мартин подошел и присел рядом.

— Что с тобой, мальчик мой?

Захлебываясь рыданиями, Лайт с трудом выговаривал слова, но все же собрался и сел:

— Я... я не понимаю, — его голос дрожал. — Я хочу быть хорошим. Я молюсь, я живу по его правилам. Я постоянно прошу прощения, хотя ни в чем не виноват. А он... — Лайт протянул обожженную ладонь отцу Мартину.

У того потемнело в глазах: ожог был серьезным.

— А он мне — это в ответ!

Священник схватил Лайта и с силой прижал к себе, боясь, что тот снова себе навредит:

— У каждого свой путь, — попытался он успокоить. — Бог испытывает нас, чтобы сделать сильнее.

— Сильнее?! — Лайт вырвался из объятий. — Я не хочу быть сильнее! Я хочу быть нормальным! Меня тошнит от этих испытания! — В его глазах вспыхнул гнев: чистый, истинный. — Если Бог такой любящий, почему он позволяет этому происходить? Почему не освободит меня от этих жутких мыслей?

Он с кулаками набросился на священника и колотил его в грудь. Тот лишь стоял, склонив голову, пока Лайт окончательно не выбился из сил. Тогда отец Мартин снова прижал его к себе, не оставляя шанса сопротивляться.

— Мальчик мой! Я больше всего на свете хочу тебе помочь, но не знаю как. Одно я знаю наверняка: никто не вправе диктовать тебе, кем быть. Ни я, ни Бог, ни кто-либо еще.

— Кто я такой? Я так устал... — продолжал всхлипывать Лайт, уткнувшись лицом в сутану священника.

— Это решать только тебе.

Лайт больше не слышал слов. Он лишь чувствовал крепкое объятие — единственную точку опоры, которая делала мир чуточку безопаснее.

Дыхание сбилось. Резко вырвавшись из цепких лап памяти, он по-прежнему сидел на пороге церкви. Ночные сны не шли ни в какое сравнение с этим кошмаром наяву. Годы, проведенные в Канаде, ушли на бесконечный анализ и попытки понять, почему священник отправил его туда. Он всегда приходил к одному и тому же выводу: это было отступление взрослого, который сдался и хотел избавиться от балласта.

Но история Ба Яй перевернула все с ног на голову. Нет, он не сдался.

Наоборот. Он сделал единственное, что мог, и прошел сам, когда его мир рухнул. Видя мучения Лайта, он не раздумывая выбрал тот же путь. Не чтобы избавиться — в надежде спасти.

В груди растекалось тепло, будто старый, измазанный холст покрыли свежим грунтом и выдали новые краски. И он рисовал заново. Лайт поднялся и отряхнул одежду. Он все еще не был готов зайти внутрь, но теперь знал: когда это случится, в его глазах будет только понимание и благодарность.

Луна сместилась за крышу церкви, забрав с собой свое свечение и преломленные тени. На скамейке под старым такьяном осталась стоять кружка недопитого чая. В эту ночную темноту Лайт вглядывался сквозь влажные глаза.

— Спасибо, Ба.

Глава 13

На экране мелькнул очередной слайд. Изображение глиняной таблички с клинописью застыло в аудитории, заливая ее призрачно-сливовым светом.

Элайджа сделал заключительный акцент указательным пальцем и обвел взглядом забытые под завязку ряды.

— На этом все. Следующую лекцию ждите по расписанию. Не забудьте про рекомендованную литературу.

Его поставленный голос прозвучал ровно и профессионально.

Студенты зашевелились: захлопывали ноутбуки и сгружали конспекты в рюкзаки. Помещение наполнилось смехом, скрипом стульев и приглушенными обрывками фраз. Поток в спешке хлынул к выходу — на обед и следующие пары.

Но несколько студентов задержались у профессорского стола и сбились в робкую кучку. Две девушки и парень переминались с ноги на ногу, пока основная толпа не вытекла в коридор.

— Извините, профессор, — начала одна из девушек, смущенно поправляя волосы. — Мы просто хотели поблагодарить. Ваши лекции — это лучшее, что было в этом семестре.

Она протянула ему бумажный пакет, от которого пахло ванилью и кокосовым молоком.

— Это каном-чан^[1], — поспешил добавить парень. — Моя бабушка делает лучшие в округе. Мы подумали, вам, наверное, некогда готовить.

Элайджа улыбнулся выверенно правильно. Он принял угощения и кивнул:

— Очень мило с вашей стороны. Спасибо.

Его реакция стала зеленым светом для эмоционального всплеска. На него тут же обрушился поток комплиментов — они разлетались, как бумажные самолетики в открытое окно.

Профессор только и успевал переводить взгляд с одного студента на другого, теряя нить услышанного. Спустя пару минут он и вовсе воспринимал их слова как бессодержательный фон.

Раскрасневшись, воздыхатели наконец отступили. Они пылко раскланялись и сгорая от неловкости, поспешили к выходу.

Слайд на экране снова сменился: солнечная карта древних торговых путей осветила аудиторию — и профессора будто окатили кипятком. В последнем ряду сидел Лайт.

Он не двигался — просто смотрел: тяжело и сосредоточенно, прожигая насквозь.

Кровь ударила в виски. Элайджа заморгал и сглотнул комок в горле.

Ряд был пуст. Только пыль хаотично кружилась в луче проектора.

Это заходит слишком далеко, — мысль отозвалась холодной испариной на ладонях.

Думать о Лайте уже недостаточно? Но видеть... Это новый, тревожный рубеж его личного безумия.

Профессор сдавленно вздохнул и опустил на стол, уложив голову на вытянутые руки. Прохладная поверхность дерева ненадолго приглушила пульсацию в висках. Сознание стало подвижным, утягивая в поверхностную дремоту.

Дверь открылась резко и со скрипом. Элайджа дернулся и поднял голову.

Из коридора донеслись возгласы студентов и чей-то смешок, а на пороге, оттесняя любопытных, возник Хейз. Он вошел, и дверь за ним так же резко захлопнулась.

— Твой отец звонил, — произнес он без предисловий, остановившись в шаге от стола. — Несколько раз. Я сказал, что у тебя лекция.

Элайджа выпрямился, и по спине пробежало знакомое напряжение.

— И что он хотел?

— Ничего такого, что могло бы тебе понравиться. В резкости и категоричности вы с ним очень похожи.

Профессор иронично улыбнулся:

— Какая трогательная параллель. Надеюсь, на этом наше сходство заканчивается.

— Джа, он ждет тебя сегодня на ужин. Будут важные гости, и ему нужен идеальный сын. Если бы взгляд убивал, Хейз был бы уже мертв. Элайджа был готов на все, лишь бы не слышать слово «нужен». Ему тоже был нужен идеальный отец, но это правило работало только в одну сторону.

И сколько ни ставь на черное, кости всегда выпадают на красное.

Хейз лишь развел руками — приказы не обсуждаются.

— А альтернатива ужину какая? — все же спросил Элайджа.

— Лайт, конечно, — ответ был очевиден.

Не скрывая пренебрежения, профессор откинулся в стуле и уставился на замершую фреску с размытыми ликами богов.

— Как по мне, — задумчиво произнес он, — это два берега одного и того же ада.

Хейз согласно кивнул и начал сгребать книги со стола. Он ненадолго задержался на экземпляре по древним языкам. Осмотрел его со всех сторон с сомнительным прищуром и показал Элайдже — тот снисходительно отмахнулся.

Собрав тома в стопку, он покрутил пультом от проектора и выключил слайды. Аудитория мгновенно погрузилась в вялотекущий сон, а профессор еще раз окинул взглядом дальние ряды — они были пусты.

Элайджа устроил длительный перекур. Плотная пелена дыма висела в кабинете: он специально не открывал окно и Хейзу не позволил.

До ужина оставалось полчаса, а на дорогу требовалось в два раза больше. Элайджа не торопился, и его никто не подгонял — огонь тлеющей сигареты медленно подбирался к пальцам.

Профессор молчал, стоял у стола и сверлил взглядом свою обувь. Рука застыла у переполненной пепельницы, и казалось, он погружен в тревожные мысли, но на деле просто тянул время.

Хейз облокотился на подоконник и поглядывал то на часы, то на профессора. Уловив момент, он подошел к столу и положил ладонь на руку Элайдже.

Зажал пальцами дотлевшую сигарету и ловко вытянул, не дав обжечь кожу — затушил. Точно как в детстве, когда забирал у него острые предметы, чтобы тот не поранился.

Профессор посмотрел на свою руку. На его запястье белели старые, вертикальные рубцы, и он поспешно натянул манжету, провернув онемевшую кисть.

— Тебе не обязательно их прятать.

— Ты ошибаешься. Это сразу привлекает внимание.

— Ну и пусть привлекает. Или ты не хочешь, чтобы тебя жалели?

— Жалели? Меня? — Элайджа нервно хмыкнул. — Это не жалость, а желание покопаться в чужом «грязном» белье.

Он помолчал секунду и встал в полный рост.

— Очередной повод для сплетен. Внутри меня их гораздо больше но, все считают — если шрамов не видно, то они не болят.

Хейз понимающе кивнул. Он взял другую руку профессора, поправил манжету и плотно ее застегнул.

— Поехали. Иначе он пришлет кого-нибудь еще.

И Хейз был прав. Как только они сели в машину, его телефон разорвался от звонков и сообщений. Сославшись на вечерние пробки, он выторговал немного времени, тем более гости Кроу застряли между Сукхумвитом и Асоком.^[2]

Спустя двадцать минут планы все же изменились. Встречу перенесли в район, где встал трафик, а они оказались совсем рядом. Машину оставили на ближайшей стоянке — дальше пешком.

Бангкок жил своей обычной жизнью, и этот контраст только сильнее сбивал Элайджу с толку. Слишком много света. Слишком много людей и лишнего движения.

Он шел рядом с Хейзом в одном темпе, не позволяя себе замедлиться. Почти не смотрел по сторонам, но взгляд все равно цеплялся за отражения в витринах. Пару раз показалось, что за ними кто-то идет, но фигура растворялась в толпе.

— Ты бледный, — заметил Хейз.

— Жара, — ответил профессор, хотя прекрасно знал, что дело не в ней.

Ресторан был в нескольких кварталах. Свернув с центральной улицы и пройдя пару переулков, они оказались у двери с мерцающей красно-золотой вывеской. Элайджа выдохнул, будто переходил границу между мирами.

Внутри было намного тише. Ресторан напоминал шкатулку: темный лак, охра на стыках, приглушенный свет.

Их проводили в дальний зал — овальную комнату с большим шелковым полотном, украшенным вышивкой дракона. За единственным столом сидели трое.

Кроу поднялся и поправил пиджак. Это было сделано слишком резко и быстро, что выдало его напряжение.

— Элайджа, наконец-то! — его голос прозвучал неестественно громко. — Прощу, — он указал на свободное место. — Ты, наверное, голоден? Совсем вымотался со своими студентами. Постоянно пропадаешь в университете.

Хейз закатил глаза. Кроу был отвратным актером, особенно для тех, кто его хорошо знал. Двое мужчин напротив не встали.

Первый, постарше, с лицом, напоминающим высохший фрукт, медленно перебирал нефритовые четки. Его глаза скрывали темные очки, неуместные в полумраке зала. Он молчал.

Второй, моложе, с жестким подбородком и ранними залысинами, оценивал Элайджу, будто взвешивал на невидимых весах.

— Профессор, — произнес он. — Мы ждали вас раньше. Время, знаете ли, ресурс невозполнимый.

— Пробки на Сукхумвите... — попытался вмешаться Кроу, но сразу осекся под его взглядом.

Элайджа сел рядом с отцом. Хейз остался у входа, чуть отстранившись от охраны гостей — так, чтобы все видеть.

Распахнув сознание, как радар, он считывал каждого. Пара головорезов рядом — обычные неприятные люди, в то время как фигуры за столом куда интереснее и сложнее.

Хейз быстро понял: каждый здесь вел свою игру. Они гнули общую линию, но их истинные мотивы расходились в разные стороны. Гости не питали симпатии к Кроу, а скорее мирились с его выходками. У него был Элайджа — в глазах Совета это преимущество.

Один из гостей неожиданно обернулся, почуввав чужое вмешательство в свои мысли. Хейз уже не сомневался — это люди давние и опытные носители.

Кроу подал знак официанту, но мужчина в очках поднял руку.

— Позже, — отрезал он. — Сначала дела.

Элайджа переглянулся с Хейзом. Тот потер подбородок, пряча улыбку, но тут же вернул лицу серьезность: едва заметным кивком отослал растерянного официанта.

— Да, давайте к сути. — Мужчина с залысинами выдвинул папку на середину стола. — Эдриан, мы на финишной прямой и ждем твоей полной отдачи. Люди теряют веру быстрее, чем мы находим им замену. Им нужен пастырь, который скажет, что Бог уже здесь.

— Мы работаем над этим, — Кроу неестественно улыбнулся. — Элайджа готов.

— Готовность — понятие растяжимое. Мы слишком долго существовали в тени, — сказал он. — Твой сын — прекрасный кандидат. Его дар — большая редкость.

— Но есть переменная, — вмешался старик в очках.

От его голоса по спине Элайджи пробежал холод. Профессор наблюдал за отцом и понимал: тот не руководил — он отвоевывал себе место.

В зале повисла тишина, а Хейз смотрел на гостей. В их сознании гремел оркестр из паники и страха. Паразиты внутри сжимались, словно крысы, почуявшие кота.

Они боятся Лайта, — понял он.

— Это временная трудность. Элайджа справится, — Кроу стоял на своем.

— Природа Лайта нам непонятна. Если он решит вмешаться? — Старик в очках выдержал паузу. — Его нужно устранить. Конкуренция недопустима. Лидер должен быть неоспорим. Он говорил о нем как о бракованной детали.

Внутри профессора что-то щелкнуло, и он снова посмотрел на отца.

Кроу потел: крупные капли выступили у линии волос, хотя в зале было прохладно. Он боялся. Не за сына — за себя и свое место в иерархии.

Вся его конструкция власти: десятилетия экспериментов, пророчества и принуждения — держалась на Элайдже. Без него Кроу был просто менеджером среднего звена, который не выполнил план.

Они зависят от меня, — вертелось в голове профессора.

— Элайджа понимает свою роль, — уверял Кроу, но это прозвучало как мольба, адресованная сыну. — Скажи им.

Все взгляды обратились к профессору, а Хейз насторожился.

Вновь мелькнул официант. Он виновато раскланялся и поставил на стол блюдо с морепродуктами и бутылку вина. Никто не притронулся к еде.

Элайджа, напротив, неторопливо наполнил бокал и сделал долгий глоток.

— Лайт не станет марионеткой, — произнес он спокойно. — Его нельзя купить. Его нельзя запугать. И как только он поймет, кто вы...

Мужчина в очках бросил четки на стол:

— Если он доберется до Совета, то обнажит нас. Этот чертов экзорцист.

Профессор сидел неподвижно. Он знал: им нужен не святой, а лидер. Тот, кто правильно поведет толпу. Их цель — не вера, а тотальная власть.

Его считали лучшим кандидатом по одной причине: в отличие от Лайта, он не представлял для них угрозы.

— Тогда убей его, — отрезал мужчина с залысинами.

— Будь это просто, вы бы здесь не сидели, — профессор встретился взглядом со стариком в очках. — Его сила равна моей. Возможно, даже превосходит. Если я нападу открыто, он уничтожит всех нас. Включая вас.

В зале повисла тишина. Официант застыл у стены с подносом фруктов, боясь пошевелиться. Кроу побледнел.

— Что ты такое говоришь? — прошипел он.

— Я говорю о фактах, — Элайджа подозвал официанта, забрал у него тарелку и, отщипнув несколько виноградин, закинул их в рот.

— Вы хотите идеального лидера? Того, за кем пойдут? Тогда дайте мне время. Лайт отвергнет любую систему, которую вы постройте. Но если я смогу его сломать или сделать своим — никто не усомнится в моем превосходстве.

Он произнес это с едва уловимой угрозой, а старик в очках впервые улыбнулся.

— Интересный подход, — сказал он. — Ты предлагаешь нам рискнуть ради большей ставки.

— Я предлагаю вам не потерять все, — парировал Элайджа. — Вы говорите о тотальной власти, но власть — это не принуждение, а иллюзия выбора. Я создам эту иллюзия, но только своими методами.

Гости переглянулись.

— У тебя ровно две недели, — сказал мужчина с залысинами. — Если Лайт не будет устранен или обращен — мы пересмотрим ценность актива. И актива, и куратора.

Он наконец открыл папку, достал фотографии и положил их на стол лицом вниз.

— Это те, кто должен быть готов. Найди для них подходящие души.

Кроу протянул руку к снимкам, но мужчина ее отдернул.

— Не тебе. Ему, — он кивнул на Элайджу.

Тот замер с протянутой рукой. Унижение было осязаемым. Ярость кипела в нем, но он не мог выплеснуть ее открыто. Элайджа видел, как на скулах отца заиграли желваки.

Профессор взял фотографии. На них — политики, бизнесмены, религиозные лидеры.

— Не подведи нас.

Ужин был окончен, а еда так и осталась нетронутой. Гости удалились первыми, без лишних церемоний. Элайджа провожал их до машины, а Хейз намеренно остался с Кроу.

Тот был мрачнее тучи. Сначала он задумчиво сидел за столом, потом перебросился парой фраз со своими головорезами. Расплатился и направился к выходу через черный ход.

Привычная бравада сменилась сутулостью человека, который неожиданно постарел лет на десять.

Он мысленно проклинал весь мир, но не казался сломленным. Хейз поражался, как низко готов пасть Кроу ради желаемого. И как он раньше отпускал чужие грехи, когда сам погряз в них еще у порога церкви?

Его вера несла иные догматы: насилие, прикрытое благочестием, контроль, выдаваемый за заботу, молчание, принятое за смирение. Хейз смотрел ему в спину и гадал: была ли в нем искра человечности или он изначально был идеальным сосудом для паразита?

Элайджа подошел сзади, но не остался незамеченным.

— Ты играешь в опасную игру, — тихо произнес Хейз, не поворачивая головы.

— Я не играю, — ответил тот, шарясь в пиджаке друга. — Я меняю правила.

— Они убьют тебя, если не получится.

— Это не самый худший исход.

Хейз перехватил руку профессора и сам достал зажигалку из нагрудного кармана.

— Без комментариев. Я отвезу тебя домой, — отрезал он и направился к выходу.

Элайджа широко улыбнулся, поблагодарил косившегося на него официанта и поспешил вдогонку.

Как только машина свернула в лабиринт узких сои^[3], небоскребы уступили место кондо — бетонным коробкам в пятнадцать-двадцать этажей. Никаких охраняемых лобби с мраморными полами, никаких консьержей в ливреях. Обычный подъезд с турникетом и парковкой для мотоциклов.

— До сих пор не могу понять: почему здесь? — Хейз глядел на облупившуюся штукатурку здания. Он неохотно припарковался. — У твоей семьи есть пустующие апартаменты в Силоме. Или вила в Сатхорне.

— Мне здесь комфортно, — Элайджа вышел из машины и потянулся. — Пошли.

Подъем в лифте сопровождался дребезжанием троса, а на этаже пахло кошачьим кормом. Соседка напротив выглянула из двери, узнала Элайджу и улыбнулась:

— Кхун Профессор, поздно сегодня.

— Работа, кхун пхи^[4], — ответил он тем же тоном. — Спокойной ночи.

Когда она скрылась из виду, Хейз продолжил придирки:

— Зачем тебе это? Ты мог бы жить где угодно. Ближе к университету. Там тише и безопаснее.

Элайджа вошел первым. Квартира была маленькой, но чистой — никакой роскоши. Он бросил ключи на стол, снял пиджак и прошел в кухню за водой.

— Здесь люди ничего от меня не ждут, — сказал он, прислонив холодную бутылку ко лбу. — Меня знают как профессора и уважают за это. Они понимают: чтобы занять такую должность в моем возрасте, нужно пахать. Для них я просто сосед, который много работает.

Он зашел в спальню, скинул на пол рубашку и рухнул на кровать.

Хейз тут же поднял одежду и аккуратно повесил на стул.

— Не будь неряхой, — буркнул он и уселся на пол, прямо у руки Элайджи.

Какое-то время они молчали. Каждый думал о своем. Профессор первым нарушил тишину, не отрывая взгляда от потолка:

— Я завидую ему.

— Кому? Лайту?

— Угу.

— Почему?

— Его просто принимают, несмотря на особенность. И если подумать — меня это жутко раздражает...

Профессор заерзал на постели.

— Сколько ему было, лет пятнадцать, когда он попал в наши руки? Его ломали годами. Что может быть проще, чем извратить импульсивного подростка?

— Он обычный человек... — тихо отозвался Хейз.

— Вот именно! — Элайджа подпрыгнул на месте и потянулся к нему. — Он даже не дитя ритуала. И что в итоге? Он стал еще своевольнее.

— Больше похоже на то, что ты им восхищаешься.

Профессор уперся подбородком в плечо друга.

— Не говори ерунды, — произнес он тихо. — Я просто хочу понять, что будет дальше.

— Мы полукровки, Джа. Самая грандиозная трагедия библейского масштаба. Имеем свободу воли, но не имеем возможности сделать выбор. Всего лишь оружие для определенной цели. Ты хочешь знать, что случится, когда цель будет достигнута или потеряет смысл?

— Именно... Сможем ли мы жить обычной жизнью?

Хейз не ответил. Они обсуждали это тысячу раз, но никогда — так прямо.

— Почему ты не уходишь? — спросил Элайджа. Его голос прозвучал резко — он явно долго решался. — Твои ресурсы и навыки позволяют сделать это в любой момент. Но ты уже двадцать лет рядом. Почему?

Хейз почувствовал, как усилилось давление на его плечо. Профессор нервничал, и его телокричало об этом.

— А куда мне идти? — Хейз повернул голову. — Ты моя семья. Где еще я могу быть собой? Обычные люди нас не примут, и ты об этом знаешь. Всю жизнь притворяться? Ради чего?

Он сделал паузу.

— Полукровки не могут иметь детей. Какая нам разница, где умирать?

Элайджа закрыл глаза и выдохнул. Это казалось непостижимым: быть вершиной эволюции и тупиковой ветвью одновременно.

— Ты был бы хорошим отцом, — прошептал профессор.

Хейз добродушно потрепал его по волосам.

— Одного ребенка я все-таки воспитал, — сказал он мягко. — Ты помнишь, как мы познакомились?

— Я этого никогда не забуду. — Элайджа отстранился. Сел, скрестив ноги, и напряженно сморщил лоб.

— Мне было всего десять лет, — продолжил Хейз. — Твой отец привел меня в комнату. Ты сидел в углу в окровавленных бинтах. Все, что он мне сказал: «С этого дня ты за него отвечаешь».

Профессор сглотнул.

— Это был день смерти мамы. — Он заметно нервничал, перебирая пальцами.

— Ты не говорил ни слова, никого к себе не подпускал и практически не ел. Только когда засыпал, у меня получалось сменить тебе повязки и одежду.

Элайджа молчал. Его дыхание стало тяжелым.

— Я учил тебя читать, когда ты забывал буквы. Я ночами сидел у твоей постели, когда ты болел. Дрался с теми, кто пытался тебя обидеть.

Ты спрашиваешь, почему я не уйду? — Хейз повернул голову и перехватил его бегающий взгляд. — А почему я должен? Ты — мой.

Профессор споткнулся о собственные мысли. Он не отрываясь смотрел на Хейза: как тот встал, задернул шторы, проверил кондиционер, расставил книги на полке.

И только когда понял, что тот собрался к выходу, спохватился:

— Ты уходишь?

— Да, есть дела.

— Ты что, пойдешь к отцу? Он сейчас явно рвет и мечет.

Хейз обернулся в дверях и хихикнул, забавно сморщив нос.

— Ну и отлично. Подкину ему в голову парочку противоречивых мыслишек.

Элайджа только покачал головой:

— Ты потрясюще бесстрашный идиот.

— Приму за комплимент.

Дверь закрылась.

— Снотворное в прикроватной тумбе, если не сможешь уснуть... — донеслось уже из коридора.

Профессор выдвинул ящик и увидел флакон с таблетками. На нем от руки было написано: «Больше двух не пей!»

— Все-то ты знаешь...

^[1] традиционный тайский десерт из рисовой муки, кокосового молока и сахара, приготовленный слоями. Разноцветный, напоминающий желе. ^[2] крупные районы и деловые кварталы Бангкока. ^[3] небольшой переулок или боковая улица, отходящая от главной дороги. ^[4] вежливое обращение к человеку старше по возрасту или положению. Буквально — «уважаемый старший».

Глава 14

Экран ноутбука мерцал в полумраке, отбрасывая приглушенный ответ на усталое лицо отца Мартина.

За окном давно стемнело, и только свет фонаря пробивался сквозь листву, рисуя на стенах колышущиеся узоры. В динамиках раздавался ровный, негромкий голос с канадским акцентом.

— ...так что архивы по гностическим культам я проверил вдоль и поперек. Упоминания об «Узах» есть, но все туманно. Ритуалы зачатия «демиургов», детей-мостов... Больше похоже на аллегории, чем на инструкции. Ничего конкретного по самим кольцам.

Отец Мартин сидел, откинувшись в старом кресле, и тербил выщербленную кромку стола.

— Значит, пока тупик, — с горечью подытожил священник. — Он носит их, Мэтью. Не снимает. И в его привязанности к кольцам есть что-то большее, чем тоска по семье.

Человек на экране, мужчина лет шестидесяти с аккуратной седой бородой, задумчиво поправил очки.

— Здесь, после его отъезда, стало парадоксально тихо, — произнес Мэтью после паузы. — Будто шторм ушел в другую часть океана.

— Зато у нас он разгулялся по полной, — горько усмехнулся Мартин. Он потянулся к стоящей на столе фляге, но передумал и опустил руку. — И все крутится вокруг Лайта.

— Он сам это притягивает. — тихо сказал Мэтью. Его взгляд через тринадцать тысяч километров стал пристальным. — Держись, дружище. Будь начеку.

Немного помолчав, он добавил:

— Но скажу тебе честно, я бы опасался этого мальчишки. Не забывай: помимо долга перед ним, у тебя есть долг перед Богом. И перед теми, кто ненароком попадет под удар.

Слова повисли в эфире. Они были некомфортными и слишком прямолинейными. Отец Мартин заерзал и не стал сразу отвечать.

Его распирали противоречия. Опасения друга были понятны, но всплывающий образ Лайта выключал в нем холодного аналитика.

Он все еще видел в нем хрупкого, растерянного подростка, спящего на церковной скамье — словно хрустальная статуэтка, которая лопнет, надави на нее чуть сильнее.

— Мой долг перед Богом, — наконец произнес священник, — это и есть Лайт. Другого ответа у меня нет, Мэтью. И, кажется, уже не будет.

По ту сторону экрана послышался тяжелый вздох. Разговор иссяк, уперевшись в старую, как мир, дилемму между долгом сердца и долгом веры.

— Тогда... просто будь осторожен, — донеслось на прощание. — И звони, если что. В любое время.

Связь прервалась. Экран погас, отразив задумчивое лицо.

В кабинете повисла тишина, и только крик ночной птицы немного ее разбавлял. Слова друга о «долге перед Богом» застряли в голове.

Священник потянулся к фляге, твердо открутил крышку и сделал глоток. Виски обжег горло, но не смог прогнать мысли. Они крутились вокруг ребенка, которого он когда-то взял на руки, впустив в свой мир навсегда.

Разговор погрузил его в глубокие раздумья. Они, как качели, бросали то в одну, то в другую сторону.

Повинуясь давней привычке, он потянулся к нижнему ящику стола. Там, под стопкой бумаг, лежала потрепанная записная книжка, перетянутая резинкой.

Священник положил ее рядом и пробежался пальцами по шероховатой бумаге. Аккуратно снял резинку: она давно потеряла упругость и едва сдерживала разбухшие страницы.

Между ними торчала потускневшая пленочная фотография. Он бережно вытянул ее за уголок и горько улыбнулся.

На снимке был мужчина в сутане. Он стоял, заложив руки за спину, и смеялся — искренне и открыто. Солнце било ему в лицо, отчего неподатливые волосы сияли, будто ореол. Его кристально-синие глаза с озорством смотрели прямо в объектив, наполненные жизнью и верой в лучшее.

Священник долго смотрел на мужчину и водил большим пальцем по его лицу на фото. Замирал на замятой части снимка, пытаясь разглядить, но бумага навсегда запомнила форму сгиба.

Он нащупал флягу, поднес к губам и залпом осушил остатки.

— Брат... Что мне делать?

Милфорд, Англия. Двадцать два года назад.

Март в Милфорде оказался сырым и тяжелым. Темнело рано. Мелкий дождь моросил затяжно и противно. На голых ветвях пробивались первые крошечные почки, набухая вопреки ночным заморозкам.

Ветер все еще пробирал до костей, забираясь под пальто и завязанный на скорую руку платок.

Аврора стояла у тяжелой церковной двери и смотрела на свои дрожащие пальцы — озябшие и побелевшие. То ли от холода, то ли от страха, она уже не различала.

Длинные светлые волосы выбивались из-под платка, путались на ветру и лезли в глаза. Совсем юная, совершеннолетняя лишь формально, девушка заметно нервничала и постоянно оглядывалась. Необъяснимое чувство тревоги преследовало ее весь день.

Полгода назад она приехала из Дании изучать искусство, поглощенная мечтой стать художником. С твердой верой, что однажды создаст нечто такое, от чего у мира перехватит дыхание.

Особой привязанности к дому у нее не было: родители, всегда занятые собой, почти не обращали на нее внимания. Они не писали, не звонили и не спрашивали, как она устроилась и жива ли вообще. Их молчание было настолько привычным, что Аврора ничего не потеряла, покидая их — переезд дался ей легко.

Фонари выключали рано. Их мигающий свет сдавался ветру и бледнел в его резких порывах. Город в такую погоду всегда спал, а на окраине, казалось, и вовсе не просыпался.

Удар дверного молотка отозвался затяжной вибрацией и дребезжанием ржавых петель. Тишина.

Аврора схватилась за него обеими руками и с силой ударила еще несколько раз. Она знала, что Томас в церкви. Он всегда был там, только в последнее время вел себя странно: стал отстраненным, резким и непредсказуемым. Совершенно не таким, как в день, когда соседка по комнате тянула ее в церковь:

— Там молодой священник! Один взгляд — и ты больше никогда его не забудешь, — запыхавшись, повторяла та.

Но Аврора забыла. Пока они не столкнулись в университете, куда его пригласили для «духовной» поддержки студентов.

Хоть религия в ее семье и была чем-то абстрактным, она осталась безвозвратно очарована его природным обаянием, острым умом и глубокими синими глазами. С того дня, кого бы она ни рисовала — это всегда был Томас.

Стук в дверь прозвучал для него как гром среди ясного неба. Он рванул к входу, не чувствуя ног. Осторожно оттянул тяжелый засов, схватил девушку за руку и втянул внутрь — думая, что за ними следят.

В церкви было темно, только лампы теплились у алтаря, бросая дрожащие блики на лики святых. В их приглушенном свете Аврора смотрела на него и медленно каменела. Перед ней стоял изможденный незнакомец с диким безумием в глазах.

Томас молча вцепился в край купели. Он обливался святой водой, но она не приносила облегчения, ручьями стекая по лицу и промокшей насквозь одежде. Головная боль разрывала череп изнутри, отчего сводило челюсти.

Паразит внутри бушевал, проверяя на прочность границы священника. Тот держался несколько месяцев, не давая твари проникнуть в закоулки своей памяти, но с каждым днем контроль ослабевал.

Он научился не спать. Научился молиться с открытыми глазами, иначе он себе не принадлежал. Близилась важная дата — становилось хуже.

Томас проиграл по всем фронтам: продался за обещание найти брата, полюбил девушку для ритуала и вступил с ней в связь раньше, чем имел право. Он отрекся от Бога в угоду собственной жадности.

Аврора медленно подошла к священнику и осторожно коснулась его плеча. Тот отреагировал мгновенно — словно хищник, почуявший добычу.

— Уезжай, — прохрипел он, вцепившись в ее плечи. — Сейчас же. Ты должна...

— Томас, я беременна, — перебила она.

Его руки безвольно соскользнули с ее плеч и безжизненно повисли. В мутном взгляде смешалось все: неверие, надежда, ужас и благоговение.

Почувствовав очередной спазм, Томас схватился за голову и со стоном начал рвать на себе волосы. А в следующее мгновение он уже стоял на коленях, обнимал ноги Авроры и прижимался к ее животу.

Тело его сотрясали беззвучные рыдания, оставляя темные пятна на подоле. Он не мог остановиться. Его отчаянное счастье было запредельным, но под ним лежал такой же бездонный ужас.

Аврора не шевелилась и боялась дышать.

Томас поднял лицо — мокрое, опухшее, почти неузнаваемое. Он заговорил быстро и сбивчиво, путаясь и глотая слова. В его взгляде появилась собранность и ясность человека, которому есть что терять.

Он рассказал все: об одержимости, о ритуале, о том, что их встреча не случайна.

Пока он говорил, Аврора медленно сползла на холодный каменный пол прямо у алтаря. Села, склонила голову и мысленно почти умерла. Ее шаткий мир, державшийся на любви к этому человеку, рухнул в одно мгновение.

Томас не останавливался. Он метался по церкви, судорожно шаря по ящикам в скамьях. Потом вернулся к ней и опустился на корточки, сжимая в руках записную книжку.

— Все... Все, что я успел понять и записать... здесь, — прошептал он, разжимая ее пальцы. — Сохрани ее.

Затем он вытащил из кармана пачку денег и буквально втиснул их Авроре. На мгновение провалился в мысли, а придя в себя, снял с шеи цепочку. Два кольца тихо звякнули, ударившись друг о друга.

— Бери. Они важны. Не знаю почему, — выдохнул он. — И беги. Как можно дальше. Спрячься. Никому — слышишь? — никому не говори, кто ты и где. Обязательно... — он сглотнул, — найди моего брата Мартина.

Потом обнял — крепко вбирая в себя ее тепло и запах.

— Я вас очень люблю.

В его голосе была вся нежность, на которую он еще был способен, и невероятный страх, что паразит доберется до его мыслей и узнает о ребенке. Аврора давилась слезами, когда он открыл дверь и вытолкнул ее на улицу. Ветер снова ударил в лицо, а дождь хлестнул по щекам.

— Нет, Томас... А как же ты? — она цеплялась за косяк мертвой хваткой. — Как мы будем жить без тебя?

Он посмотрел на нее с такой болью, что она сама разжала пальцы. В нем больше не было надежды.

— Главное, что вы будете жить, — проговорил он и захлопнул дверь.

Утром все новостные ленты пестрели шокирующим сообщением: молодой священник найден повешенным в собственной церкви. Без объяснений и предсмертной записки.

Тха Чалом, Таиланд. Двадцать два года назад.

Декабрь в деревне выдался душным, но по ночам становилось легче. Отец Мартин, изможденный сутками работы, направился в церковь. Обустройство приюта шло полным ходом, и он четырнадцать часов собирал мебель и растаскивал ее по комнатам.

А впереди его ждали незаконченная стройка, стопка документов и молитва, на которую уже не осталось сил. Все приходилось решать разом, только глаза слипались, а спина ныла.

Сейчас он хотел одного — упасть на койку в камере за алтарем и не просыпаться до обеда.

Но что-то задержало его на пороге. Окинув уставшим взглядом двор, он зацепился за едва заметное движение у церковной ограды.

Сначала подумал — показалось. Но тень не исчезала: она стояла неподвижно, почти сливаясь с кустами. Местные мальчишки иногда шалили, но это не было похоже на игру.

В этот момент небо не выдержало, и на землю обрушился тропический ливень. Шум воды заглушил все вокруг, пытаясь скрыть или, наоборот, выдать чье-то присутствие. В считанные секунды священник промок до нитки, но не двинулся с места.

Сквозь водную пелену проступил силуэт девушки. Она дрожала и прижимала к груди небольшой сверток, пытаясь укрыть его собственным телом.

Пошатываясь, она смотрела на отца Мартина взглядом загнанного зверька. В ее глазах читалась такая бездонная тоска, что у священника сжалось сердце. Он, не раздумывая, бросился к ней.

Младенец, несмотря на потоки воды, был странно спокоен и смотрел вокруг большими синими глазами — не моргая и не плача. Дождь, темнота и люди вокруг были ему безразличны.

— Вы же... Мартин? — голос девушки дрожал от усталости. — Верно?

Он кивнул, глядя на нее с необъяснимым волнением. Предчувствие, что за этим последует нечто необратимое, сковало его.

— Да, это я.

Она судорожно выдохнула — с таким облегчением, что едва не упала в обморок.

— Слава Богу, — прошептала она. — Томас... Томас сказал, что вы поможете...

Имя брата ударило под дых. Священник перестал думать. Он подхватил ее под локоть и почти понес в церковь, подальше от дождя.

Усадив девушку на скамью, он закутал ее с ребенком в сухие одеяла и налил горячего чая, который Ба Яй всегда оставляла для него.

Она пила жадно, пытаясь говорить между глотками, постоянно путалась и перескакивала с одного на другое. Отец Мартин слушал терпеливо и сосредоточенно, ловя каждое слово, паузу и нервный всхлип.

Он узнал все, к чему не был готов: про Томаса и его одержимость, про несостоявшийся ритуал, беременность и вынужденный побег. Это казалось ему бредом, безумием, чьей-то злой шуткой, цепляющей за самое живое — память о брате.

Священник поглядывал на ребенка — тот вел себя странно. Младенец кусал свои маленькие ручки и прерывисто дышал, словно ему не хватало воздуха.

Аврора, перехватив его взгляд, второпях отставила чай и, подхватив сверток, снова прижала его к себе.

— Мы можем поговорить где-нибудь еще? — спросила она, оглядываясь.

— Почему не здесь?

Девушка бегло осмотрелась по сторонам и кивком указала на высокий крест за алтарем. Священник недоумевал, но в тот же момент она без объяснений впихнула ему ребенка:

— Он не переносит распятий.

Отца Мартина передернуло. «*Какой абсурд*», — промелькнуло в голове.

Но младенец не унимался и вовсю пытался выпрыгнуть из плотного пеленания. Ему ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Он провел их в каморку, заставленную мебелью. Свободной рукой расчистил кушетку от бумаг и коробок и аккуратно положил на нее младенца.

Тот успокаивался на глазах и уже спустя пару минут спокойно рассматривал священника, с аппетитом обсасывая палец.

Аврора молча протянула ему записную книжку, а вслед за ней — фотографию Томаса.

Хватило мимолетного взгляда, чтобы сердце священника навсегда упало в самую глубокую пропасть. Он закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями, но уже знал: все это правда.

Горькая, уродливая, невозможная — но правда.

— Где мой брат? — единственное, что он выдал из себя.

— Его больше нет.

Это стало финальным аккордом. Дальше — временное оцепенение и полная пустота в мыслях.

Позже они еще долго разговаривали. Аврора немного пришла в себя, но в ее словах сквозили опустошение и сломленность.

Отец Мартин видел лишь беспощадную иронию судьбы: оба брата выбрали церковь, даже не подозревая о решении друг друга. Слово души разделили на две части — одна из которых угасла навсегда.

На кушетке лежал крошечный, беззащитный племянник, который смотрел на него глазами брата. Священник больше не сомневался — пытался осмыслить.

Аврора умоляла забрать ребенка. У нее не было ни сил, ни понимания, что делать дальше. Она боялась. Лихорадочно. За сына. За себя.

Оставить мальчика в приюте казалось самым разумным решением, дети здесь не привлекали лишнего внимания. Прохожие могли ахать и охать, сетуя на их тяжелую судьбу, но никто по-настоящему не желал углубляться в их жизни.

Девушка, не раздумывая, отдала отцу Мартину все деньги и цепочку с кольцами.

— Я еще не дала ему имя, — виновато произнесла она. — И свидетельства о рождении у меня нет.

Аврора смотрела в пол, но мыслями была далеко.

— Могу я попросить вас позаботиться об этом?

Отец Мартин кивнул. Глядя на нее, совсем юную и измученную, он поражался такой выдержке и храбрости. Материнская любовь не признавала границ — будь они в голове или между континентами.

— Когда он родился? — уточнил священник.

— Двадцать пятого декабря.

— Всего ничего, — прошептал он, глядя на календарь, где под пластиковым указателем виднелась дата — 29 декабря.

Аврора вдруг рванула к двери.

— Я вернусь! — выкрикнула она, замедлив шаг уже на пороге. По ее напряженной спине было понятно — она колеблется. — Обязательно вернусь.

Обернулась у выхода, сверкнув мокрыми глазами, и исчезла в занавесе дождя.

Отец Мартин стоял с ребенком на руках и смотрел на закрывшуюся дверь. Долго. Пока она вновь не распахнулась и в проеме не появилась Ба Яй, ворча на погоду.

Она заскочила на минутку — сообщить, что дети уже спят. Втиснувшись в дверь с разложенным зонтом, старушка топталась у входа в шлепанцах и ночной рубашке.

— Мартин, я пойду отдыхать. Завтра с утра нужно сходить на рынок, — прокричала она, не сразу его заметив.

Растерла ногами лужицу и подняла взгляд. Увидела ребенка и замерла.

— Господи Иисусе, ты где его взял? Под дверь подкинули?

Подбежав ближе, она всмотрелась в маленькое личико.

— Кто это?

Отец Мартин не ответил.

— Садись, — скомандовала Ба Яй. — Давай его сюда и рассказывай.

Она ловко перехватила ребенка, будто всю жизнь только этим и занималась. Младенец не протестовал — устало похлопал ресницами и прикрыл глаза.

Ба Яй слушала и укачивала сверток. Лицо ее не менялось, только глаза тускнели с каждым словом. Когда священник закончил, она перевела на него взгляд — таким опарашенным она видела его впервые:

— Бедный ты мой... Сколько ж тебе еще нужно пережить. Что думаешь делать?

Тот пожал плечами. Он сидел неподвижно, в каком-то странном спокойствии. Как человек, оказавшийся в океане посреди бури: смертельно напуган и отчаянно уверен — если будет держать весла, то обязательно доберется до суши.

— Я покормлю его, — поднялась она со скамьи. — Найду во что запеленать. Завтра решим, что дальше.

Она развернулась, чтобы уйти, когда священник вырвался из своих мыслей:

— Его зовут Лайт.

Ба Яй обернулась, удивленно приподняв бровь.

— Лайт? — переспросила она. — Почему?

— Только в крошечной тьме может родиться свет, — сказал он. — Так и произошло.

Ребенок отреагировал на эти слова и открыл глаза. Пристально, не моргая, он смотрел на Ба Яй, отчего той стало не по себе. Она укутала его покрепче и унесла в дом.

Дождь за окном стих так же внезапно, как и начался.

На мгновение священнику показалось, что ему все привидилось, если бы не записная книжка и кольца, лежащие рядом.

Глава 15

Телефон разрывался с самого утра. Лайт сидел на крыльце, прижав его плечом к уху. Привалившись к деревянным перилам, он наблюдал, как тяжелая белесая дымка медленно растворялась в воздухе.

Небо стало пронзительно-синим, почти кобальтовым, и казалось невероятно высоким. Раннее утро встретило туманом: он висел плотной вуалью, пока первые лучи не превратили его в россыпь бриллиантов на пальмовых листьях.

— Нет, кхун Вичит, я все понимаю, — голос его был ровным и уставшим: битый час приходилось повторять одно и то же. — Мы договаривались о доставке на следующей неделе. И не нужно называть ошибку с вашей стороны издержками.

В трубке заверещало. Лайт отвел телефон от уха и поморщился. Дождался, пока словесный поток иссякнет, и снова поднес его к лицу.

— Да, я уже понял, что картины в порту, а склад арендован только со следующей недели. Но я сейчас за городом, и мне нужно время, чтобы с этим разобраться.

Снова верещание. Лайт закрыл глаза и потер переносицу.

Показался Ют с двумя кружками кофе. Он замер, вопросительно вскинув брови. Лайт приложил палец к губам, и тот кивнул.

— Да, кхун Вичит, я понимаю, но пока не могу сказать ничего конкретного...

Ют присел на край ступени, поставив кружки рядом, и наблюдал, как лицо Лайта медленно каменеет — верный признак того, что терпение на исходе.

— Хорошо, — прозвучало после очередной паузы. — Я буду сегодня.

Снова верещание.

— Да. До встречи.

Он сбросил вызов и уронил телефон на колени.

— Проблемы? — осторожно спросил Ют, пододвигая ему кружку.

— Мои картины, — Лайт сделал глоток и поморщился. — Уже в Таиланде. Их должны были доставить через неделю, но кто-то напутал с документами. Некий господин Вичит заявляет, что свободного склада нет, и если я не заберу их, то хранение обойдется в стоимость небольшого самолета.

— Самолета? — глаза Юта округлились.

— Условно, — Лайт отставил кружку. — Но неприятно.

— Не хочешь платить?

— Я не покрываю чужие косяки — это принципиально.

Ют состроил важную гримасу.

— А отправить их сюда нельзя?

— Куда? За алтарь? Или, может, в твою комнату?

Ют представил, как его кровать заваливают холстами в тяжелых рамах, и хихикнул.

— Не вариант. Значит, едешь в город?

— Придется. Нужно забрать и найти место для временного хранения, пока не решу, что дальше. К тому же этот Вичит настаивает на личной встрече. — Он замолчал, прикидывая что-то в уме. — Думаю, это займет пару дней.

— Я с тобой! — не раздумывая, выкрикнул Ют.

— Зачем?

— Мне нужно... — замялся тот. — Ты не единственный человек, у которого есть дела в Бангкоке.

— Да ну?

— И еще, — добавил он, пряча глаза, — отец Мартин с утра ходит с таким лицом, будто придумал для меня очередной геркулесов подвиг. Ну, знаешь... Покрасить забор, перестроить веранду, разобрать сарай. А я хочу отдохнуть, хоть пару дней.

Ют чувствовал, как горит лицо под пронзительным взглядом старшего, но упрямо выдерживал это сопротивление. Была не была.

— Собирайся, — в итоге согласился Лайт, поднимаясь. — Через полчаса выезжаем.

Тот резко вскочил, едва не опрокинув кружки.

— Я мигом! — выпалил он и на бегу обернулся: — А отцу Мартину скажешь?

— Скажу.

— Может, в кино сходим? — крикнул Ют уже из дома.

— Быстрее давай и ключи от машины возьми. В кино он собрался...

Господин Вичит оказался человеком суетливым, дотошным и, как выяснилось, не способным признавать собственные ошибки. Он метался по складу с папкой в руках: что-то вычитывал, перепроверял, тыкал пальцем в цифры, уверенный, что от этого что-то изменится.

Лайт сидел в пластиковом стуле у его стола, сохраняя выражение вежливого, но непреклонного спокойствия. Ют же выступал наблюдателем. Он старался не упустить ни одной детали и при этом не уснуть.

К моменту, когда последняя подпись была поставлена, солнце уже миновало зенит и начало клониться к западу.

— Помещение, — напомнил Лайт, собирая документы. — У вас есть что-то на примете? Господин Вичит замялся, затем выудил из стола визитку с выцветшим номером.

— Можете попробовать здесь, но без гарантий.

Лайт взял визитку, мельком глянул на нее и засунул в карман.

— Спасибо.

Они вышли на улицу, и Ют сразу расслабился.

— Я голоден, — объявил он, прижимая руки к животу. — Если сейчас не поем, то рухну прямо здесь, и пусть твой кхун Вичит оформляет мою доставку как негабаритный груз.

Лайт покосился на него и кивнул — он и сам был не прочь перекусить.

— Давай поедим, а потом решим с картинами.

Ют уже рылся в телефоне, выискивая что-нибудь поблизости.

— Здесь, через два квартала, есть одно отличное кафе. Я там пару раз был.

Они запрыгнули в машину и двинулись вниз по улице, оставив позади складские ворота и едкий запах древесной пыли. Добравшись до места, выбрали столик в углу, удачно скрывший их от основного зала и туристов с соседней Кхаосан-роуд^[1]. Плотно перекусили и еще долго сидели над подтаявшим фраппучино и сладкими роти^[2].

Ют медленно водил пальцем по стакану, оставляя дорожки в густом конденсате:

— Нужно заехать в квартиру и забрать ключи у жильцов, — сказал он между делом.

Лайт удивленно посмотрел на него:

— У тебя есть квартира?

— Есть. В районе Пратунам^[3]. Осталась после смерти мамы. Сдаю в аренду — заработок лишним не бывает. Ты мог бы оставить картины там. Места хватит, если достать их из ящиков.

— Угу, — одобрительно кивнул Лайт и сразу наткнулся на пристальный взгляд.

— Постой-ка. А откуда у тебя деньги? И не говори, что поднялся на живописи. Она, знаешь ли... — Ют сморщил нос. — Не то чтобы в цене. Если, конечно, ты не второй Бэнкси^[4].

Лайт выслушал его рассуждения, втянул кофе через трубочку и игриво стрельнул глазами:

— Я получал отличные надбавки за, скажем так, личное участие в сделках.

Ют замер с открытым ртом.

— Ясно, все падки на внешность. Старо как мир,— фыркнул он.

— Людям не нужны картины. Им нужна красивая мимолетная история. Особенно женщинам...

— Ой, кхун... Это как-то... — он искал слово, — безнравственно.

Лицо Лайта стало привычно непробиваемым.

— Почему? Мне никто не говорил, что так нельзя, — он отодвинул стакан, и его голос стал тверже. — Все было честно. Мне открывали дверь, я заходил. Всего лишь взаимовыгодная сделка.

Ют обреченно вздохнул и начал усиленно размешивать остатки напитка.

— К тебе, я смотрю, — произнес он с комическим отчаянием, — ни с какой стороны не подкопаться. Ты все мои неоспоримые доводы в печь отправишь.

Лайт рассмеялся:

— Нравственность — не моя сильная сторона. Как и у большинства людей, которых я встречал.

Это стало неожиданным откровением.

— Люди всегда выпячивают только то, что отчаянно пытаются скрыть, — продолжил Лайт после небольшой паузы. — Самый яростный проповедник семейных ценностей с большой вероятностью бил жену. Громче всех о честности кричит бывший вор. А тот, кто продавал себя... — он сделал едва заметную паузу, — ...будет осуждать других за это. Это не защита добродетели, а внутренний надзиратель собственной клетки. Его цель — посадить остальных за эту решетку, чтобы его заключение казалось нормой.

Ют подвис, а его палец замер на мокром стекле. Он пытался наложить эти слова на свою жизнь, в которой все сводилось к простому принципу: «как со мной — так и я». Человек напротив был старше на три года, но его взгляды превращали эту незначительную разницу во временную дыру.

— Слушай, кхун, тебе бы вместо отца Мартина проповеди читать. Ты бы в сутане смотрелся крутецки, — выпалил нонг и тут же осекся, вспомнив увиденное у купели. — Или тебе больно?

— Нет, не больно, скорее тяжело. Она для меня весит кило пятьдесят, не меньше. Я годами учился ее носить, даже спать так ложился.

Ют в предвкушении захватывающей истории сдвинул все на край стола и потянулся ближе — тут же отпрянул от шелбана Лайта.

— Ну вот, всегда ты так. На самом интересном, — потер он лоб и снова схватил стакан. — Можешь не рассказывать, но учти: на день рождения я тебе чековую книжку не подарю. И без того слишком богатый.

Стакан оказался пуст, и Ют, раздосадованный еще больше, отставил его в сторону.

— А она у тебя есть?

— Для тебя — нет.

Лайта позабавила его обиженная гримаса, какой бы притворной она ни была. Да и разговор выдался слишком уж серьезным.

— Ладно тебе, не дуйся, — смягчился он.

— О! А у этого камня все-таки есть чувства.

В ответ Лайт так взлохматил ему волосы, что по ним затрещали искры статического электричества. Ют наигранно зарычал и попытался заломать ему руки, за что получил еще пару шелбанов. Лихо извернувшись, он ущипнул «агрессора» и со смехом вылетел из кафе.

Лайт подоткнул несколько купюр под тарелку и рванул за ним.

Городская площадь, отполированная миллионами шагов, тянулась выверенными тро-
туарными линиями. Симфония мегаполиса гудела со стороны Раматхибоди^[5], сливаясь с шумом торгового центра — футуристической горы из стекла и стали. Его фасады ловили закат,

превращаясь в исполинские панели из расплавленного золота. Этот блеск плыл по граниту, создавая иллюзию второго, подземного здания.

Деловые люди спешили к метро, туристы замирали перед масштабом, а молодежь собиралась у фонтанов. Это огромное пространство, готовое к шумному Сонгкрану^[6], к вечеру затихало, превращаясь в шахматную доску с длинными тенями-фигурами.

Но по-настоящему площадь оживала после заката, когда огромные LED-панели вспыхивали, заливая все вокруг неоновым свечением. Словно живые гобелены, они играли красками и перетекали с одного фасада на другой, погружая город в цифровую нирвану.

Ют притормозил возле белых шатров фуд-маркетов, жадно втягивая запах жареных креветок и лемонграсса. Он так красноречиво описывал это место, что Лайту пришлось согласиться на этот крюк, иначе тот донимал бы его весь оставшийся день. К тому же сам Лайт никогда здесь раньше не был.

Пробежавшись по самым горячим и разрекламированным точкам, они напоследок прохаживались по площади. Лайт шел чуть впереди, небрежно закинув пакеты с покупками на плечо. Нетипичная внешность делала его живой достопримечательностью среди местных и туристов.

— Кхун, смотри! — Ют тыкал пальцем в сторону уличных музыкантов, игравших на традиционных инструментах. — А вот там продают манго в стаканчиках, нужно обязательно взять!

Лайт кивал, но внимание его было рассеянным. К нему то и дело подходили люди. Сначала — робкая группа студентов.

— Excuse me, can we take a photo^[7]? — запинаясь, спросила одна из них.

Лайт улыбнулся:

— Sure. Just one^[8].

Его голос звучал иначе. Приглушенный, низкий, с безупречным английским, отточенным годами учебы в Торонто. Каждая интонация была выверена, холодна и точна. Ют сразу заметил этот контраст: тайский язык делал Лайта своим, почти родным, а английский — недостижимым.

Следом подошли парни с камерами.

— Can I have your Line?^[9] — один из них протянул телефон с открытым приложением.

Лайт даже не остановился.

— I don't use Line. Sorry.^[10]

Он прошел мимо, не замедляя шага. Юту пришлось бежать вдогонку, чтобы не отстать.

— Ты мог бы быть повежливее, — буркнул он, перехватывая пакет, который норовил сползти с плеча. — Они же просто фанаты.

— Мне не нужны фанаты. Мне нужна тишина.

— С такой внешностью о тишине можно только мечтать, — хмыкнул Ют, но замолчал, заметив взгляд Лайта.

Они бродили еще с полчаса. Кормили голубей у фонтана, хотя местный охранник строго-настрого запретил это делать. Лайт просто оставил пару купюр на скамейке, и тот сразу забыл про запрет.

После они направились к машине в соседнем переулке. Ют болтал без умолку, пересказывая содержание какого-то видео:

— ...и там кот реально открыл дверь лапой, представляешь? Я думаю, нам тоже нужно завести кота или собаку. Отец Мартин не будет против, он любит животных.

Лайт перестал его слушать. Его шаг стал тяжелее. Он начал оборачиваться — сначала мельком, потом чаще.

— Кхун? — Ют заметил в нем напряжение. — Ты чего?

— Тише.

— Что тише? Я же ничего не...

— Замолчи.

Лайт остановился.

Ют увлеченно прошел еще пару метров, прежде чем осознал, что идет один. Он обернулся:

— Эй, догоняй...

И осекся.

Люди вокруг изменились — они замедлялись. Их движения стали плавными и неестественно тягучими. Шум площади, гудки машин, музыка — все пропало.

Десятки лиц одновременно повернулись к Юту. Туристы, местные жители, продавцы, охранники — их лица плыли, как тающие свечи, а пустые, стеклянные глаза смотрели на него без единой эмоции. Его передернуло. Пакеты выскользнули из пальцев и шлепнулись на асфальт.

— Опять, что ли?.. Кхун... — прошептал он дрожащим голосом.

Лайт бросился к нему, но тут же врезался в автомобиль, перегородивший дорогу. Машина вылетела из ниоткуда, встав поперек пути. Двери распахнулись, и двое крепких мужчин выпрыгнули на асфальт. Дергаными движениями они набросились на Лайта.

Тот среагировал молниеносно, ловко увернувшись от захвата. Оказавшись между ними, он схватил их за волосы — руки вспыхнули, охватив головы сияющим куполом. Те не успели даже вскрикнуть: тела выгнулись дугой, глаза закатились, а из ушей вырвались визжащие тени. Пламя жадно пожрало их, превратив в клубы пепла, которые тут же развеял ветер. Обмякшие тела рухнули на асфальт.

Одержимые продолжали наступать. Они вываливались из переулков и метро, словно муравьи, почуявшие кровь.

— Ют! — крикнул Лайт.

Но тот стоял у дороги как парализованный — до него дошел масштаб кошмара. Он рванул было назад, но тут же затормозил. Возле сувенирной лавки, прижавшись к стене, плакала маленькая девочка — лет пяти, не больше. Она захлебывалась слезами и звала маму, указывая на женщину в толпе одержимых.

Ют окончательно растерялся. Он оглянулся на Лайта, который указывал в сторону парковки:

— Беги к машине!

И в этот момент из-за угла вылетел грузовик. Он несся на полной скорости, сметая ограждения. За рулем сидел человек в форме. Его голова дергалась в неестественном ритме, а глаза были затянуты мутной пеленой.

— Мама! — взвизгнула девочка.

Она сорвалась с места и бросилась к матери, стоявшей прямо на пути несущейся машины. Любой взрослый понял бы: она не успеет и окажется под колесами. Все в голове Юта кричало, что нужно спастись, но ноги сами понесли его на дорогу.

Счет шел на секунды — трагедия была неизбежна.

— Нет! Уходи оттуда! — кричал Лайт.

Он рванул следом, но остановился.

Асфальт задрожал. Из-под земли вырвались столбы красного огня. Они поднялись непроницаемой стеной, покорно следуя за мужским силуэтом. Огонь окутывал его, как вторая кожа, создавая непреступный барьер.

Лайта повело. Он уже видел это в своих кошмарах. Иллюзия или реальность? Земля горела под ногами, сердце работало на пределе, а рассмотреть лицо не получалось.

Красное пламя ширилось. Одержимые отступали и вжимались друг в друга. Они падали, цепляясь за бордюры и брошенные пакеты.

Незнакомец остановился и резко выбросил ладонь: грузовик на полной скорости врезался в невидимую стену. Кабину смяло. Машину закрутило и откинуло назад. Проскользив по асфальту, она снесла витрину магазина.

Тишина. Только треск металла и вой сирен где-то вдалеке.

Лайт смотрел не отрываясь. Он начисто забыл обо всем, его внимание было сфокусировано на одном: кто это?

Огонь вокруг незнакомца медленно уходил в асфальт.

— Убирайтесь! — донеслось из-за пламенной завесы.

Одержимые рухнули на землю. Из них вытекли темные струйки и, скользя по асфальту, как змеи, растворились в тени зданий. Девочка стояла неподвижно среди десятков тел. Она дрожала, но была жива и тут же бросилась к матери, которая начинала приходить в себя.

У Юта отвисла челюсть — он не мог поверить своим глазам.

— Профессор? — вырвалось само собой.

Глядя то на Лайта, то на Элайджа, он медленно отступал с линии огня, боясь попасть под раздачу.

Пламя окончательно угасло. Профессор смотрел на Лайта, ожидая ответной реакции. А того душило колющее чувство предательства.

Паразиты не умерли, — пронзила его мысль. — Они отступили. Так отступают только перед хозяином.

Лайт вскипел за секунду, превратившись в горящий синий факел.

— Твою мать! Элайджа! — взревел он и направил в него свою ударную мощь.

— Мне жаль... — успел произнести профессор.

Пламя впечатало его в кирпичную стену. Он отлетел и прокатился по тротуару. Все поплыло. Боль захватила спину и спазмами отдавала в голову. В затухающем взгляде Элайджа видел, как Ют бежал к нему, а Лайт стоял как статуя.

Темнота накрыла с головой. Удар отбросил сознание в глухой угол, но не выключил звук. Крик маленькой девочки, оставшийся в ушах, искажился, стал тоньше, звонче. Он больше не был чужим.

— Мама... — прошептал кто-то его собственным, детским голосом.

Боль в спине сменилась жжением на запястьях. Асфальт стал липким и теплым. Запах уличной гари исчез, уступив место металлическому привкусу крови. Мозг отключил тело, но забыл отключить память — она снова сделала его немым и беспомощным свидетелем.

Слезы смешались с кровью и стекали грязными ручейками с распухшего личика. Маленькие, слабые ручки Элайджи отчаянно пытались удержать самую важную для него жизнь. В три года мир казался ему огромным и непонятным, но в этот момент он сжался до размеров лужи материнской крови, в которой он сидел.

Глаза, обычно полные любопытства, застыли в ужасе. Он не понимал, что такое смерть, почему мама не отвечает и смотрит в небо, а не на него. Ее защита, тепло и бесконечная любовь вытекали на серый, бездушный асфальт.

— Мама, мамочка! — кричал он, и звонкий голос дрожал, срываясь на истерический плач. — Я помогу, мамочка.

Он черпал кровь с асфальта и вливал ее обратно в смертельную рану матери. Отчаяние нарастало, поглощая неокрепший ум. В голове мелькнула безумная мысль, показавшаяся ему правильной.

Среди разбитого стекла Элайджа схватил самый большой и острый осколок. Мгновение — и тонкая кожа была рассечена. Кровь заструилась фонтаном, малыш закричал еще сильнее — не от боли, а от страха потерять самого дорогое.

Мать не могла ответить на его мольбы. Не могла остановить. Лишь слабый стон вырвался из ее груди, заглушаемый kloкочущей кровью. А маленький Элайджа продолжал резать руку и лить свою жизнь в ее рану, веря, что сможет все исправить. В три года он познал ужас, который не под силу вынести многим взрослым.

Он начал слабеть. Голова кружилась, нестерпимо клонило в сон. Когда мир окончательно поплыл перед глазами, он услышал твердые, знакомые шаги. Чьи-то сильные руки грубо подхватили его, не дав упасть в багровую лужу.

Прежде чем сознание угасло, он успел просипеть:

— Папа...

Тело включалось неохотно. Сначала вернулась боль — глухая и пульсирующая, у основания черепа. Элайджа попытался вдохнуть, но грудную клетку сдавило. Навязчиво пахло медикаментами. Значит, в больнице.

Он с трудом разлепил веки; белый потолок резанул по глазам, а пошевелить рукой мешал катетер. Преодолевая сопротивление, он повернул голову.

Палата была небольшой и чистой. Через щель в шторах пробивался дневной свет, вырезая в полумраке неподвижный силуэт Лайта. Он простоял так около часа, сверля взглядом больничную койку. Ни врачей. Ни Хейза.

Профессор сглотнул пересохшим горлом. Больно, но терпимо. Он понимал — разговор неизбежен, и лучше начать самому. Но не успел.

Лайт приблизился, держа руки в карманах.

— Ладно. Давай иначе, — Профессор раздраженно выдернул катетер из вены и зажал место прокола. — Не замечаешь сходства между нами? Мы — одинаковые.

Лайт подошел вплотную:

— Сходства? Ни малейшего.

— Брось ты уже свое благородство и прекрати возиться с этими людишками. Ты играешь не за ту команду.

Элайджа приподнялся на локте и его глаза вспыхнули янтарным переливом. Они буравили насквозь — манящие и отталкивающие одновременно.

— Скажи мне, Лайт, тяжело ли нести бремя чужой веры? Притворяться тем, кем ты не являешься?

— Я прекрасно знаю, кто я, — последовал хлесткий ответ, но голос все же дрогнул, несмотря на попытку сохранить лицо.

— Знаешь? Серьезно? — Элайджа подался вперед, и дружелюбие сменилось пренебрежением. — Сними свой сан, священник... — прошипел он. — Тебя ждет совсем другая жизнь, та, для которой ты был рожден. Твоя сила — не проклятие, а дар. Редкий и ценный.

— Заткнись! — выдавил Лайт, закипая от ярости. — Просто заткнись!

Его кулаки сжались с такой силой, что вены моментально набухли.

— Я знаю, кто я! Я прожил все варианты своей жизни! И ты понятия не имеешь, чего это стоит. Сколько всего я себе запрещаю, чтобы просто дышать. Каждый день я делаю выбор. Каждый гребаный день я снова и снова решаю, кем мне быть! А ты... — Лайт замахнулся, но в последний момент остановился. — Если тебе так нужно контролировать чью-то жизнь — контролируй мою, но не трогай других. Это низко даже для такого, как ты.

Такого, как ты, — прокатилось эхом в голове Элайджи. Самая ненавистная фраза, безотказный спусковой крючок. Как он посмел сказать именно это? От напряжения под глазом задергался нерв.

— И что же ты, по-твоему, делаешь? — из последних сил сдерживался Профессор.

— Защищаю...

— А-а, защитник! — перебил тот, предвидев такой ответ. — Какая важная роль. Очень удобно! Она все оправдывает. Убиваешь — чтобы защитить. Прячешься — чтобы защитить.

Философия, в которой ты всегда прав. И кого же ты защищаешь, их? — Он указал на окно, откуда доносились людские голоса. — Или себя от них?

Все впустую. Идеально выстроенная стратегия провалилась. Ничего не работало, а эмоции брали верх. Лайт направился к выходу, и Элайджа в отчаянии вскочил вслед за ним.

— Твой выбор... лишь вопрос времени! Не смей сбегать! Это все, что ты можешь сказать? — прокричал он в спину, пытаясь задеть самолюбие.

Лайт остановился. Повернул голову, окинул его взглядом и уже у выхода бросил через плечо:

— Трусы надень.

Элайджа словно пробудился от гипноза. Оглядел себя — он стоял обнаженным ниже пояса. Густой румянец залил его лицо. Он судорожно схватил первое, что попало под руку, и попытался прикрыться.

Лайт вылетел из палаты и чуть не сшиб с ног запыхавшуюся медсестру. Она увидела полуголого Элайджу и начала сбивчиво объяснять ему причину задержки с одеждой. В больнице был полнейший аврал из-за аварии на мосту, и медперсонала попросту не хватало.

Лайт не стал дожидаться лифта. Он импульсивно свернул на лестничный пролет, где всем телом врезался в Хейза. Извиняться никто не стал. На мгновение между ними повисло острое напряжение, насквозь пропитанное ненавистью.

Причина была общей — профессор. Один был готов защищать его любой ценой, а второй — убить всех, кто имел к нему отношение.

Они разошлись. Но Лайт еще долго чувствовал на затылке шлейф пристального, ледяного взгляда. Даже когда лестничная клетка скрыла их друг от друга.

^[1] Знаменитая туристическая улица в центре Бангкока ^[2] Тонкая лепешка, похожая на слоеное тесто. В Таиланде ее чаще всего едят как десерт: с бананом, сгущенкой, шоколадом или сыром ^[3] Один из самых известных и оживленных торговых районов в самом центре Бангкока ^[4] Псевдоним самого известного, дорогого и при этом анонимного художника стрит-арта из Великобритании ^[5] Крупный медицинский и университетский квартал в центре Бангкока, расположенный на пересечении оживленных городских магистралей ^[6] Тайский новый год, празднуется в апреле — массовая водная битва на улицах. Люди поливают друг друга из ведер, водяных пистолетов и шлангов, что символизирует очищение от грехов и неудач прошлого года ^[7] Извините, можно сделать с вами фото? ^[8] Конечно. Только одно. ^[9] Можно ваш Line (мессенджер) ^[10] Я не пользуюсь Line, извините.

Глава 16

Квартира Юта находилась на восьмом этаже бетонной коробки кондо. Стены здания давно выцвели от солнца и влажности и практически скрылись из-за обилия кондиционеров. На открытых балконах сушилось белье и стояли пластиковые ящики с рассадой.

Первый этаж пах жасмином: маленькая цветочная лавка у входа перебивала запахи прачечной и продуктовых рядов. Охранник в будке кивал каждому входящему — его стул стоял так, чтобы видеть и улицу, и лифт.

Внутри тянулись узкие коридоры со светлым кафелем, затертым добела под ровным, мягким освещением. В квартире было пусто — только самое необходимое.

Высокие окна пропускали много света с внутреннего двора, где пальмы и фикусы дотягивались ветвями до пятого этажа. В гостиной стоял диван, укрытый пледом, и небольшой журнальный столик. Под ногами поскрипывал слегка вздувшийся от времени ламинат.

Кухня годилась только для быстрых перекусов; единственное, чем здесь пользовались часто — микроволновка и кофеварка, подаренные отцом Мартином. Квартире не хватало уюта, но в ней было комфортно.

Вдоль стен стояли десятки холстов в деревянных рамах. Их доставили ближе к ночи, а утром Ют расставил полотна так, чтобы свет падал ровно, без бликов. Это вышло почти случайно — он двигал их, пока не перестало рябить в глазах.

Картины завораживали, но в каком-то неправильном смысле. Они не хотели нравиться — они хотели, чтобы их разгадывали.

Ют сидел на корточках, не в силах оторваться. Он медленно переводил взгляд с одного полотна на другое.

На ближнем холсте был изображен город, сросшийся с лесом. Стволы деревьев пробились асфальт и сплетались с проводами, а вместо листвы на ветвях дрожали осколки зеркал. В них отражалось что-то странное: неразборчивые, искаженные силуэты, вызывающие тревогу и любопытство одновременно.

На следующей картине женщина тонула в прозрачной воде. Ее лицо оставалось размытым, но руки были прорисованы пугающе четко: видна каждая линия ногтей и морщины на ладонях. Она тянулась к поверхности, но что-то удерживало ее на глубине.

Ют поежился. Он не мог сказать, что на картинах было что-то ужасное — ни крови, ни монстров. Только образы, которые застревали глубоко внутри: о них было невозможно не думать.

— Кхун, — позвал он тихо. — Это... ты это нарисовал?

Ответа не последовало.

Ют обернулся. Лайт сидел за журнальным столиком, придвинув его к дивану, и смотрел в ноутбук.

Он был крайне сосредоточен: быстро печатал, задерживался на строчках, перечитывал и хмурился. Потом открывал новое окно браузера, сверял данные, дописывал и снова закрывал. Пробежался глазами по экрану, добавил: «Картины доставлены, претензий не имею, спасибо за сотрудничество». Нажал «отправить» и захлопнул ноутбук со звуком взорвавшейся петарды.

Ют подскочил на месте, едва не опрокинув картину.

— Тихо ты! — выдохнул он, прижимая ладонь к груди. — Я думал, что-то взорвалось.

Лайт молчал со вчерашнего вечера, отделяясь лишь короткими фразами. Сейчас он сидел неподвижно, глядя на закрытую крышку, но исходившее от него напряжение чувствовалось, кажется, даже на улице. Юту тяжело давалась эта невысказанная драма, но он не знал, как подступиться. Тишина становилась пыткой, и Ют осторожно присел на край дивана.

— Кхун.

Лайт поднял взгляд — тяжелый и пустой.

— Что?

— Я спросить хотел. Профессор... кто он такой?

Пауза затянулась, и Ют пожалел о своем вопросе.

— Он такой же, как ты? — выпалил он, чтобы заполнить тишину. — Ну... одинаковые? Способности там, сила...

— Нет, — Лайт отвернулся к окну. — Не одинаковые.

— А какие?

— Я не знаю. Не нужно нас сравнивать.

Ют отчетливо видел тотальную растерянность Лайта. Он не мог понять, что творится у того в голове. Их сложности были из совершенно разных вселенных. Для одного проблема — когда в магазине не оказалось любимого молока. Для другого — ничего и никогда не решалось походом в магазин.

Эмоциональная пропасть ощущалась физически: как два параллельных мира. В одном знали, что такое молоко, а в другом никогда не слышали этого слова. Но они продолжали сидеть на одном диване, и никто не собирался уходить.

Лайт уставился в одну точку.

— Не бери в голову, — его голос был спокоен.

Это пугало сильнее, чем крик или открытая злость. Ют судорожно принялся разряжать обстановку.

— А может, он типа... ну, злой близнец? — предположил он. — Из другого измерения? Или клон? Или его вырастили в пробирке, чтобы он стал твоей темной половиной... А потом он сбежал и работает на ту самую организацию, которая...

— Ют.

— Что? Я просто варианты предлагаю! В фильмах такое сплошь и рядом. Или, может, вы оба — эксперимент? Как в «Мстителях», прикинь...

— Ют, — на лице Лайта мелькнула мимолетная улыбка. — Ты перечислишь всех злодеев из комиксов?

— А что? — тот тараторил без остановки. — Вдруг угадаю. Может, он твой брат? Потерянный? Или ты его? Или...

— Нонг.

Ют притих.

— Я не знаю, кто он. Я знаю только, что конфликт неизбежен.

— Ну, если так подумать, то вы как части чего-то целого. Ты видел, что он творит? — младший удивленно выпучил глаза. — Это огромное пламя! У тебя синее, у него красное.

Лайт долго смотрел на него. Потом задумчиво перевел взгляд на свои руки.

— У меня синее, — повторил он монотонно. — А у него красное.

Поскрипывание оконной рамы оповестило о приближении дождя. Ветер стал порывистым, заставляя старое дерево отбивать ритм о соседнюю створку. Ют поторопился прикрыть окна, пока первые капли не ударили в стекло.

— Я поеду к нему, — спокойно сказал Лайт. — Нет смысла тянуть. Проясню все окончательно.

По спине младшего пробежал холодок.

— Ты с ума сошел? — вырвалось у него раньше, чем он успел подумать.

Лайт взял телефон и набрал короткое сообщение: *«Нужно поговорить»*.

Отправил.

Ответ прилетел мгновенно: *«Сегодня в университете, в шесть»*.

Ют смотрел и не верил. Он подготовил сотню возражений, но все они рассыпались в прах перед ледяным спокойствием Лайта.

— А машину ты возьмешь? — это было единственное, что пришло в голову.

— Нет. Поеду на такси. А ты забереешь меня позже.

— Я? Заберу?

— Ют, — Лайт смотрел с пугающей уверенностью, — ты забереешь меня.

Твердить, что план идиотский, было бесполезно. Оставалось только гадать: не была ли вчерашняя встреча ловушкой, в которую Лайт так удачно угодил? Но даже если и так — он все равно поедет.

— Ладно, заберу, — Ют недовольно бурчал, эмоционально раздувая щеки. — Ты же был в больнице! Почему там все не прояснил?

— Вот именно — в больнице. Мы были не на равных.

— О! Это что? Скрытое благородство?

— Ни близко. Если нужно будет, я его снова туда отправлю. Я хочу поговорить, а не добить.

— Угу. Так, наверное, будет честно.

Старший цинично хмыкнул.

— Хочешь жить честно — будь готов к неприятностям.

— У тебя талант искажать чужие убеждения, — пробормотал Ют.

— Еще какой...

Порывы ветра усилились. Дождь барабанил с такой силой, что стекла едва выдерживали. Передвигаться на дальние расстояния было небезопасно, и они решили остаться в городе. Отец Мартин не расспрашивал о причинах. Он был занят своими делами и лишь попросил не натворить глупостей.

Ют снова вернулся к картинам. Он подходил очень близко, почти упираясь носом в холсты.

— Знаешь, — начал он вполголоса. — Я уже привык ко всему, что происходит с тех пор, как ты приехал. Но есть кое-что, к чему я привыкнуть не могу...

— К чему?

— К их лицам, — он вздрогнул, точно видел их прямо сейчас. — У одержимых.

Лайт задумался.

Ют резко развернулся к нему.

— Их пустые глаза без зрачков... И кожа, стекающая до кости. Я такое только в фильмах ужасов видел, а тут... — Ют передернул плечами. — Даже сейчас, когда вспоминаю, мурашки по коже.

Внутри у старшего все сжалось, но внешне он остался неподвижен. Прокрутил в памяти все свои стычки с одержимыми, но не смог вспомнить ничего подобного. Обычные лица. Испуганные, пустые, но человеческие. Никакой стекающей кожи. Никаких пустых глазниц.

— Ты видишь это? — не сдержал Лайт свою мысль.

— Ну да. А ты... ты что, не видишь?

— У меня немного иначе.

Ют только пожал плечами, не придав этому особого значения. Повернулся к картинам и продолжил их рассматривать. Иногда фотографировал отдельные фрагменты и собирал в коллажи в галерее телефона.

Лайт смотрел ему в спину, а его мозг активно пытался разгадать новую загадку, попавшую в копилку «Необъяснимое и невероятное». Он никогда еще так не выгорал, пытаясь все объяснить.

Такой же неожиданностью оказалась реакция охранника в университете, который долго и подозрительно вглядывался в его лицо. После изнурительной поездки по городу Лайт стоял

перед ним в сырой одежде и раздраженно ловил себя на ощущении, что они говорят на разных тайских.

— Вы к профессору Кроу?

— Да.

— Он вас ждет?

— Именно так.

— Вы уверены?

— Да, уверен.

— А я нет.

— Это ваши проблемы.

Лайт вздохнул. Набрал номер Элайджи и молча протянул телефон. Через минуту он уже поднимался по лестнице с каким-то неестественным для себя волнением. Оставив зонт перед дверью кабинета, вошел и плотно закрыл ее за собой.

Профессор сидел в кресле и даже не повернул головы к вошедшему гостю. Стол был завален студенческими работами — было заметно, что к ним не прикасались. Внешне он выглядел вполне обычно, но его неготовность к разговору бросалась в глаза. Он попросту его не хотел.

Лайт облокотился о подоконник, наблюдая, как тяжелые капли дождя заставляют фонарь за университетской оградой расплываться в светящемся ореоле.

Элайджа тоже вслушивался в ритмичный стук по стеклу, не осмеливаясь поднять взгляд, но все же заговорил:

— У каждой стороны свои интересы, — он тщательно подбирал слова. — В любом случае кто-то проиграет.

Лайт медленно повернулся. Его лицо было освещено отблеском лампы, отчего тени под скулами казались глубже, а взгляд — более пронзительным.

— И в этом весь азарт, — Лайт сделал паузу, сверля собеседника взглядом. — Можно ли манипулировать тем, кто послан манипулировать тобой?

Профессор подался вперед, не вставая с кресла:

— А ты уже пробовал? — ответил он на зрительный напор.

Лицо Лайта потеряло всякую мягкость природных черт:

— Каждую секунду. Ровно с того момента, как ты появился в моей жизни.

— Превосходно, — вырвалось у профессора. — Абсолютно превосходно.

Элайджа задумчиво коснулся губ, упираясь локтем в подлокотник кресла. Он продолжал пристально смотреть Лайту в глаза, и эта мысленная дуэль сжигала кислород в комнате. Напряжение нарастало с невероятной скоростью. Любой вошедший получил бы неслабый электрический разряд.

Лайт сорвался: — Слушай сюда, профессор. Мне плевать, что тебе от меня нужно. Ты все равно ничего не получишь.

Он навис над Элайджей, грубо схватив его за подбородок:

— Ты меня понял? Или повторить?

Тот затрясся от беззвучного смеха и резко поднял открытую ладонь.

Хлопок по столу.

Воздух взорвался. Энергетическая волна снесла все вокруг. Книги вылетели со стеллажей. Папки с документами взмыли вверх и осыпались по кабинету как снег. А драгоценные стеклянные витрины превратились в пыль.

Лайт взбесился. Схватил профессора за грудки и вышвырнул из кресла в стену. Предплечьем жестко надавил на горло, контролируя каждое его движение — буквально загнал в угол.

— Хватит игр! Как ты это делаешь?

Тот пытался вдохнуть, но давление только усилилось.

— Ты не понимаешь...

Хлесткий удар кулаком пришелся в стену рядом с головой Элайджи.

— Тогда объясни. Или я заставляю!

Профессор не сопротивлялся, а внимательно разглядывал его. Слишком близко, слишком агрессивно, но страха не возникало. Только энергия: плотная, накатывающая волнами, чужая и в то же время странно знакомая. Она отзывалась жаром где-то глубоко внутри — все равно что пить кипяток через соломинку.

Элайджа рванул вперед, почти столкнувшись с ним лбом.

— Я не всемогущ...

Он перехватил руку Лайта, но не убрал — сжал мертвой хваткой.

— Не примет Небо того, кто отвергнут Землей, и не удержит Ад того, кого не призвала Тьма. Таковые остаются между. Имя им — блуждающие, — голос профессора сорвался на сип, цитируя строки древнего писания.

Лайт ослабил нажим, но не отступил:

— Балдею от стихов. А теперь нормальными словами.

Элайджа выпрямился и резко откинул его руку.

— Это непринятые души. Ни туда, ни сюда, — он указал пальцем вверх, затем вниз. — Они застряли среди живых. Что ты и так знаешь.

— Очевидно. Они ищут носителя.

— Не все так однозначно. Есть нюансы.

— Какова твоя роль в этом?

Элайджа отряхнул рубашку и, оттолкнув Лайта плечом, схватил со стола сигареты. Поспешно закурил.

— Я всего лишь проводник.

— Не скромничайте, профессор.

Лайт смотрел, как тот выпускает кольца дыма, жадно делая затяжку за затяжкой.

— Те, кто давно блуждает, могут сами вселяться в людей в моменты их отчаяния или сильных эмоций. Либо я им помогаю.

Элайджа окинул взглядом погром и не увидел пепельницы — затушил окурок прямо о стол.

— Блуждающие не есть зло, но, лишенные места, они ищут сосуд. И найдя сломленную волю — овладевают человеком. Они лишь усиливают то, что было изначально, обнажая людскую суть.

Профессор не выдержал молчания в ответ. Вытянул из пачки следующую сигарету и заклацал зажигалкой. Потряс. Она была пуста.

Щелчок пальцев. Перед глазами Элайджи возникла рука Лайта с играющим синим пламенем.

Тот вскинул бровь. Потянулся. Закурил.

— Они проходят некий адаптивный период, — Элайджа потер свободным пальцем нос. — В первые три дня они самые управляемые. Я могу подсеять, изгонять, заставлять... Называй как хочешь, — он глубоко сглотнул дым. — Дальше сложнее... Наступает вторая стадия — начало симбиоза. Это может занять месяцы. Все зависит от воли человека, как быстро он даст доступ к своему разуму. А он даст. Либо добровольно уйдет из жизни, либо сойдет с ума.

Профессор сделал паузу, стряхивая пепел на пол.

— Если все проходит удачно, то наступает третья стадия — полный симбиоз. Я ее не контролирую. Не могу управлять тем, что стало частью человека. Такими, как мой отец. Он для меня неприкасаем.

— Бессилен, значит?

— Я — да, — Элайджа выпрямился, поправляя воротник. — А ты — нет. Для тебя, похоже, вообще нет закрытых дверей.

Лайт улыбнулся. Цинично и раздраженно:

— Но главный дирижер все-таки ты?

— Они не создают зло. Они его усиливают, — чуть закашлялся профессор. Почувствовал перебор с табаком, он швырнул сигарету в открытое окно.

— Отличная отговорка.

— Это не отговорка, — спокойно поправил Элайджа. — Это приговор.

К этому времени вечернее солнце уже коснулось горизонта. Дождь почти утих. Сумерки ложились неровно между опустевшими корпусами, цеплялись за углы зданий, проваливались в проходы, застревали в окнах. Во дворе было пусто и тихо, будто студенческую жизнь аккуратно свернули и убрали до утра.

Ют оставил машину недалеко от входа и зашел внутрь. Придирчивый охранник без особого интереса осмотрел посетителя. В этот раз мужчина не стал вдаваться в расспросы и деловито уткнулся в журнал.

— Кого ищем? — спросил он лениво.

— Профессора Кроу. Он должен быть еще здесь.

Охранник кивнул в сторону фойе:

— Подожди тут. Я уточню.

Он неспешно выкатился из-за своей стойки и скрылся за ближайшей дверью.

— Ага, — буркнул Ют, но оставаться на месте не собирался. Ждать он не умел.

Сначала прошелся вдоль стен, разглядывая стенды. Сплошные университетские кружки и секции с кричащими лозунгами: «Найди себя», «Раскрой свой потенциал», «Стань частью общества». Дальше — огромная доска почета, на которой лица успешных студентов натянуто улыбались с ламинированных фотографий.

Ют зевнул, глядя на часы. Минутная стрелка ползла с невыносимой медлительностью.

— «Найди себя». Да-да! Обязательно.

Охранника все не было. Терпение подходило к концу.

— Да какого я должен ждать...

Ют скользнул за стойку регистрации, в глубь коридора.

Снаружи заглушил мотор темный седан. Хейз вышел из машины и сразу зацепился взглядом за мелькнувший силуэт.

«Тот самый парень из деревни», — понял он. Ему не нужно было видеть лицо Юта — он чувствовал иное присутствие. Хейз закрыл машину и последовал за ним.

Найти нужный кабинет, казалось, несложно. С улицы свет горел только в одном блоке, но внутри университет оказался лабиринтом. Ют путался в переходах и лестницах, то и дело натываясь на закрытые двери или тупики. Мысль учиться в универе, чтобы знать это место, неожиданно показалась реальным плюсом высшего образования.

Третий этаж встретил темнотой и гулом вентиляции. Увидев в конце коридора желтый прямоугольник света на полу, Ют выдохнул с облегчением.

Выждал для приличия какое-то время и подошел к двери. Сначала занес руку, чтобы постучать, но передумал — приклеился ухом к замочной скважине.

Позади, в десяти метрах, наблюдал Хейз. Его чутье подсказывало: это не визит вежливости. Все выглядело подозрительно, особенно после сообщения профессора, что Лайт сам настоял на встрече. Хейз не верил в случайности и ухватился за возможность выяснить правду, не прибегая к насилию. Прямо перед ним была самая легкая цель — одержимый парнишка, которого можно прочесть как книгу.

Хейз закрыл глаза и потянулся к чужому сознанию. Обычно это походило на мягкое погружение в воду, но не в этот раз. Сильный физический удар в грудь заставил отшатнуться, словно невидимые руки грубо выталкивали его обратно.

В голове — полнейший хаос. Замыленные, искаженные образы понеслись перед внутренним взором. Они не имели смысла: обрывки цветов, звуков, чужих эмоций. Скорость нарастала. Вспышки сменяли друг друга все быстрее, сливаясь в сплошную белую полосу. Разорвать связь не удавалось — ее удерживали насильно.

И вдруг — стоп.

Последнее видение застыло в сознании, четкое и леденящее: Ют — неподвижный, глаза черные, без белков. Доля секунды, и он с ревом, искажившим лицо, впился Хейзу в горло.

Шок. И откат в реальность — резкий и болезненный.

Хейз захлебнулся воздухом, словно водолаз, слишком быстро всплывший с глубины. Колени подкосились, руки вынужденно оперлись о стену. Пот холодными каплями стекал по лицу, а сердце бешено колотилось. Он с усилием сфокусировал зрение. Коридор был пуст, а дверь в кабинет Элайджи — распахнута настежь. Попытался сделать шаг, но темнота накрыла его раньше, чем он успел осознать, что теряет сознание.

В это время Ют стоял посреди кабинета профессора, скрюченный, будто его сломали пополам и залили воском. Дыхание было резким, со свистом на вдохе, а тени под глазами казались синяками.

Лайт застыл рядом — в его груди бушевала гражданская война. Гнев и непонимание заставляли пальцы дрожать от одного взгляда на Элайджу.

— Что ты с ним сделал?

— Ничего, — профессор сделал шаг назад, словно учуял приближающуюся опасность.

Лайт проигнорировал ответ. Он смотрел, как закатившиеся глаза Юта вдруг задвигались. Зрачки расширились, став бездонными, и в них не было ни тени того наглого, взъерошенного нонга.

Рука Лайта метнулась вперед сама собой. Пальцы впились в грудь Юта, нащупав знакомую вибрацию. Нашел. В этот раз он четко ощутил чужое присутствие и без раздумий выпустил пламя. Синее свечение вспыхнуло под ладонью, озарив лицо ярким, слепящим светом. Но что-то было не так!

Ни яростного сопротивления, ни визга паразита. Ничего. Вместо этого тело заломилось с хрустом, в чудовищном спазме.

Ют застонал. Глубоко, гортанно, глядя Лайту в глаза. Кровь стыла в жилах от этого зрелища. Еще мгновение, и он заорал в лихорадочных конвульсиях, словно его кремируют заживо.

Лайт растерялся. Его трясло и сводило мышцы. Он начинал паниковать, чувствуя, как под пальцами трещат ребра Юта. Как бешено колотится его сердце и бьется о грудную клетку, которая вот-вот не выдержит. Еще секунда — и он собственными руками переломит его кости.

— Стой! — Элайджа шагнул к ним.

Лайт не услышал. Он видел только глаза Юта, в которых мелькнула беззвучная мольба, но тут же смешалась с агонией. Синее пламя вспыхнуло еще ярче.

— Лучше остановись! — громче выкрикнул профессор. — Ты не сможешь изгнать его, не убив пацана. Они одно целое.

Слова прозвучали как приговор. Рука Лайта дернулась и разомкнулась. Пламя погасло, оставив на груди Юта красный, пульсирующий ожог в форме ладони.

Тот беззвучно сполз на пол. Голова безвольно склонилась набок, а изо рта потекла алая нить крови. Он не дышал.

Лайт застыл, глядя на свои воспаленные пальцы. Его штормило. Он резко развернулся и в пару движений оказался около Элайджи. Тот не успел ничего понять: глухой, сочный удар прилетел в лицо. Профессор потерял равновесие и осел на пол, прижимая ладонь к окровавленному носу.

Лайт сразу рванулся обратно к Юту. Рухнул на колени и начал трясти его за плечи:

— Дыши... Ну же...

Обычно он бежал к отцу Мартину. Но сегодня ноги повели его не в спальню священника, а к окну у лестницы. Сквозь мутное стекло маячил тусклый свет, пляшущий в церковных витражах.

Каждый ребенок в приюте знал строгий запрет: ночью в церковь нельзя. И как только садилось солнце, все послушно разбредались по постелям.

Время было далеко за полночь. Дети мирно спали. Сквозь тонкие перегородки доносилось чье-то тяжелое сопение от заложенного носа. С другой стороны коридора слышался тихий скрип пружин и едва уловимое бормотание. За каждой дверью существовал свой маленький, безопасный мир с простыми безмятежными снами: о новых игрушках, сладостях, завтрашних играх.

Только сны Лайта были иными. И он застрял с ними снаружи, в темном коридоре. Ему казалось, что если он зайдет в любую из этих комнат, кошмар последует за ним и заразит чужой покой своим ядом.

Тук-тук-тук...

На этот раз кровь пульсировала в висках.

Тихо, как мышь, он прошмыгнул мимо комнат и направился к церкви.

Босые ноги не ощущали ни травы, ни земли. Только холод каменного пола вернул в чувство и обдал ледяным жаром. Дверь не была плотно закрыта, и Лайт прильнул ухом к щели.

Сначала он уловил глухой, сдавленный шепот, словно кто-то пытался говорить сквозь тряпку. А дальше — шарканье, тихий стон, металлический лязг.

Он проскользнул внутрь. Всем телом вжался в шершавую колонну у входа и затаился. Удалось различить несколько голосов. Отца Мартина мальчик узнал сразу, а другие разобрать не смог. Отступать было некуда. Лайт осторожно выглянул.

Увиденное обухом ударила по голове. Двое крупных мужчин, знакомых по деревне, из последних сил держали под руки женщину. Она стояла на коленях, выгибалась дугой и бесконечно что-то повторяла. Ее волосы были взъерошены, а в глазах плескалось чистое безумие.

Отец Мартин стоял перед ней в простой, помятой рубашке. Он явно не был готов к этому визиту. Священник что-то шептал, быстро проводя рукой перед ее лицом. Его голос звучал уверенно и назидательно, а моментами — холодно и безжалостно.

Внезапно женщина затихла. Ее голова дернулась, а нос задрожал, втягивая воздух. Зверь в ней учуял другого зверя.

Ее мутный взгляд с нечеловеческой точностью пополз через полумрак и остановился на Лайте. Тот онемел — ужас сковал его. Мальчик не мог пошевелиться, выглядывая из-за укрытия. В темноте его синие глаза светились, как у совенка.

Резким, угловатым движением женщина склонила голову — безумие смешалось с благоговением. Не сводя взгляда с ребенка, она попятилась к дверям. Ее губы зашевелились.

— Простите... простите... простите меня... — донеслось до него уже шепотом, отчего пробрало до самого затылка.

Двое мужчин бросились за ней и скрылись в полной темноте.

В церкви воцарилась тишина. Отец Мартин стоял белый как бумага. Он переводил растерянный взгляд с пустого дверного проема на восьмилетнего Лайта, который дрожал в тонкой пижаме. Всего лишь ребенок, чей разум кричал об опасности, только страх был поверхностным. Его трясло не от холода. Когда Лайт встретился взглядом со священником, детская растерянность сменилась инстинктивным торжеством, еще не имевшим названия. Что-то в нем ликовало.

Лайт дернулся от прикосновения. Его голова лежала на скрещенных руках на краю больничной кровати. Шея чудовищно затекла и не сразу согласилась выпрямиться. Холодный палец касался его ладони, и он медленно, будто боясь спугнуть хрупкую галлюцинацию, поднял глаза.

На кровати лежал Ют — бледный и лишенный привычной едкой искры. Но в нем уже не было той пустоты, с которой он смотрел несколько часов назад. Это был взгляд обычного человека.

— Как... — Лайт накрыл ладонью его пальцы. — Как ты себя чувствуешь?

Вопрос прозвучал неуклюже, по-больничному формально, и он тут же упрекнул себя за эту фальшь. На самом деле Лайт хотел спросить: *«Это все еще ты?», «Ты винишь меня?»*

— Как сахарная вата, — Ют попытался разрядить обстановку, но, увидев, что это не сработало, только повел бровями. — Все болит. Грудь... особенно.

Он потянулся к бинтам, скрывающим выжженный отпечаток ладони, но напряженно сжал кулак.

— Помнишь что-нибудь? — Лайт затаился в ожидании ответа.

— Помню твои руки на моей груди. И невыносимый жар... А еще... голос профессора.

Ют говорил сбивчиво, жадно глотая воздух. Дышать полной грудью было сложно, требовалось время, чтобы привыкнуть. Он пробежался глазами по комнате и ободренно заерзал на кровати.

— Ого! Это что, VIP? Серьезно? — неожиданное удивление отвлекло его от разговора. — Цветы свежие... Апельсины... И это... мангустины? Кто в больнице вообще про мангустины знает?

Ют попытался приподняться на локте, но почувствовал резкую боль и рухнул обратно. Взгляд продолжал изучать обстановку.

— Даже холодильник есть? Плоский телевизор на всю стену... Кхун, ты что, клинику купил, пока я был без сознания?

Лайт наконец разжал пальцы. Отвел руку в сторону, потирая ладонь:

— Не преувеличивай. Всего лишь отдельная палата. Чтобы тебя не тревожили.

— Всего лишь палата, — Ют привычно сощурился, слегка передразнивая. — В деревне дома меньше, чем эта «всего лишь палата».

Он перевел дыхание, и его взгляд стал серьезнее:

— Зачем все это? Чтобы я почувствовал себя важной шишкой?

Лайт с холодной ясностью следил за его реакцией, но она была ярче любой эмоции.

— Ют, — произнес он. — Ты должен раз и навсегда понять одну вещь. Я при деньгах. Очень при деньгах. И если мои деньги могут купить тишину, безопасность и самые свежие мангустины для человека, которого я чуть... — Лайт сделал едва заметную паузу, — для тебя... Я это куплю. Без раздумий.

Все сказанное прозвучало как напоминание об очевидном: вода мокрая, небо голубое. Простая, почти циничная правда, которая разоружила Юта больше, чем любые оправдания или сантименты.

Переважив услышанное, он лишь слабо фыркнул:

— Ладно. Я буду просто спать и есть мангустины. Но только давай без икры. Я ее терпеть не могу.

Пребывание в VIP-палате казалось ему сценой из вычурного артхаусного фильма, где режиссер явно переборщил с декорациями. Но нужно было отдать должное — вид на Бангкок был потрясающим.

— А что помнишь ты? — вдруг спросил Ют с прежней настырностью.

— Я помню, что чуть не потерял тебя, — без раздумий выпалил Лайт, снова погрузившись в чувство вины. Его скулы свело от резкого покалывания. — И это больше не повторится. Никогда.

Только Лайт мог с такой холодностью говорить о трогательных вещах. Чувствовал ли он это — осталось загадкой. Но то, что он делал, было дороже хвalebных речей и слащавых

словечек. Обвинить Лайта в бесчувственности мог любой, кто его знал. Но никто не посмел бы заподозрить его в неискренности.

— А где наш всезнающий профессор? — Ют попытался сменить тему, чтобы скрыть неловкость.

— Я ограничил ему посещение.

— А вот это уже интереснее, — любопытство мгновенно взяло верх. Он порывался сесть, но Лайт уложил его обратно на подушку.

— Я поговорю с твоим врачом. Поспи пока.

Ют недовольно поджал губы, провожая его взглядом до двери. А когда тот взялся за ручку, бросил ему вслед:

— Я все помню.

Лайт дернулся. Тяжело выдохнул и мысленно выругался. Он до последнего надеялся, что не услышит этих слов, но память Юта была поразительно цепкой в экстремальных условиях. Рука продолжала висеть в воздухе, и Лайт не мог определиться — проигнорировать или обернуться. И только когда Ют продолжил, он все-таки обернулся.

— Помнишь, когда мы были в галерее? Я смотрел на тебя как на одну из тех картин: красив, талантлив, богат и бог знает что еще... — Он сделал паузу — боль в груди вторила каждому его слову. — Я хочу сказать, что ты выглядел как картина в позолоченной раме. А я чувствовал себя сторожем, которого приставили следить, чтобы на эту картину не осела пыль.

Лайт стоял неподвижно, но его бил озноб:

— Ты все еще так думаешь?

— Да нет, конечно... — Ют покачал головой и уставился в люстру. — Слушай, ты почти убил меня, а я... вроде как родился заново. И все, что было до этого, теперь кажется таким неважным.

Он с усилием повернулся к Лайту:

— И судя по твоему взгляду, теперь я — главный экспонат. Так?

Вопрос обескураживал, на него не было легкого ответа. Лайт не стал опровергать и лишь коротко кивнул. Потом открыл дверь и вышел, оставив Юта наедине с его новым статусом.

Грань между силой, которая очищает, и силой, которая калечит, оказалась тоньше паутины. Никто не был готов к тому, что пропасть под ногами окажется глубже, чем можно было представить.

Глава 17

Лайт вернулся в квартиру. Он не включал свет, а просто рухнул на диван. Телефон выпал из пальцев на журнальный столик, и экран засветился: пять пропущенных от отца Мартина. Перезванивать он не стал, сначала нужно было успокоиться.

Руки начали дрожать, сигнализируя об истощении. Он был дезориентирован во времени — не мог понять, сколько прошло и с какой точки нужно отсчитывать. В соседних домах гас свет, потом зажигался снова — кто-то не спал. А на лестничной площадке то и дело проскакивали голоса и хлопки дверей.

Ют остался в больнице. Без него квартира казалась пустой — нежилой. Картины вдоль стен теперь заигрывали с Лайтом, навязывая и путая мысли.

Он снова и снова прокручивал в голове сегодняшний вечер: университет, его рука на шее Элайджи, черные глаза Юта и отчаянные попытки нащупать у того пульс. Он смотрел на полотна и чувствовал себя их заложником, а они кричали ему: «Еще! Ты недостаточно погрузился в это». Но погружаться было нельзя — ни в коем случае.

Телефон снова засветился. Не глядя на экран, Лайт поднес его к уху.

— Да.

— Наконец-то. — Отец Мартин тяжело выдохнул. — Я уже собирался...

— Не надо. Все в порядке.

— Хватит! — в голосе проскочила хрипотца. Священник не намерен был шутить. — Мне звонили из больницы по поводу Юта. Я его экстренный контакт.

От досады перехватило дыхание. Лайт ударил кулаком по дивану, вдавливая пальцы в мягкую обивку. Облажался, но оправдываться не стал.

— Рассказывай.

Лайт заговорил. Сначала нехотя и отрывисто. Но вскоре слова потекли сами собой, будто прорвало плотину. Он только сейчас понял, как давно хотел высказаться, выплеснуть накопившееся. С каждым словом внутренний архиватор расставлял события по местам — это возвращало контроль.

Священник слушал не перебивая. Иногда казалось, что звонок оборвался: тишина была такой плотной, что Лайт пару раз проверял экран. Он редко позволял себе быть услышанным, считая слабостью то, что таковым никогда не являлось. А когда закончил, в телефоне послышалось шуршание бумаг.

— Знаешь, после ночи, когда Элайджа остался у нас... — заговорил отец Мартин, — я почувствовал неладное. Не сразу, конечно... И начал наводить справки. Особо ни на что не рассчитывал, честно говоря. Но...

— Что нашел? — оживился Лайт.

— Фамилия Кроу в католическом сообществе звучит чуть ли не в каждом приходе. — Священник шумно вздохнул. — Сейчас ее используют как страшилку для детей. Я думал, просто болтают.

— А оказалось?

— Оказалось, что ничего не бывает на пустом месте. Я потратил немало времени, чтобы добраться до досье на Эдриана Кроу. И там много интересного.

Лайт воодушевился:

— Пришли мне все, что нашел.

В трубке повисла короткая пауза.

— Хорошо.

Лайт завершил звонок, придвинул ноутбук и открыл почту. Ждал. Секунды тянулись медленно, пальцы барабанили по столу. Экран моргнул новым уведомлением, и он сразу развернул вложение.

Файл был большим: сканы документов, фотографии, выписки из церковных архивов, короткие видео.

Лайт жадно забегал глазами по экрану. Спустя несколько страниц стало ясно: Эдриан Кроу — личность весьма незаурядная. Начинал как молодой священник в одном из римских приходов. Быстро обрел известность, особенно среди тех, кто занимался «особыми делами» церкви, — стал единственным преемником экзорциста. Методы Кроу вызывали споры, а результаты выходили за рамки дозволенного.

Вскоре он снял сан и резко покинул Рим, но на этом ничего не закончилось. Его имя начало всплывать по всей Европе, а потом — в Азии. Кроу собирал вокруг себя людей и создавал структуры. Выстроил целую империю, которая не подчинялась ни церкви, ни закону. Все крутилось вокруг власти, денег и некоего Совета.

Многие считали его сектантом, рассказывая об идее «Новой церкви» и создании мессии, но это оставалось спорным. Поговаривали, что Кроу не останавливался ни перед чем, чтобы добиться своей цели. Слишком мало фактов. Но слишком много совпадений.

Лайт пролистнул дальше. На экране появилась фотография: мужчина средних лет, прямой взгляд, будто смотрящий сквозь объектив, с мягкими, но уверенными чертами. И что-то было в этом взгляде.

Он не знал Эдриана Кроу, но ощущение было, будто знал. Точно! Взгляд такой же, как у Элайджи. Это раздражало.

А что же профессор? Не похоже, что он сильно жалуется семейственности.

— Неужели Элайджа — актив для собственного отца? — рассуждал Лайт вслух. — Тогда поздравляю, мистер Кроу, вы пробили дно. Духовно пасть ниже просто невозможно — особенно для священнослужителя.

Дальше шли вырезки из газет. Много вырезок. Объем впечатлял.

— Кто-то давненько присматривался к этой семейке и кропотливо собирал информацию.

Лайт читал до тех пор, пока глаза не начали жечь. Потом закрыл ноутбук, прошелся по комнате, снова открыл.

Ночь пролетела незаметно. Над Бангкоком встало солнце, залив квартиру золотистым светом. Лайт схватил ноутбук и направился перекусить, а после — забрать Юта и вернуться в деревню. Тем более отец Мартин уже прислал сообщение: *«Комната пацана готова»*.

Священник тоже не смог сомкнуть глаз. Годы молчания выедали его изнутри, и бессонница давно стала нормой. Он предавал не только свои принципы, но и Лайта — единственную семью. Каждый раз, глядя на племянника, священник пытался представить, каким был Томас.

Он постоянно проводил параллели: наверное, у него был такой же голос, похожая манера говорить, двигаться, смотреть. Можно было воображать сколько угодно. Лайт перенял почти все черты матери — светлые волосы, линию бровей, высокие скулы. Но глаза и улыбка... они были такими же, как у Томаса на старой фотографии. Иногда отцу Мартину казалось, что он смотрит на призрака.

Он дорожил записной книжкой брата больше, чем готов был признать. Каждый раз прятал ее как можно дальше, закрывал ящик стола на замок. Ют частенько поддевал его, выдвигая теории, что тот хранит там что-то непристойное. Священник обычно поддакивал, отмахивался и говорил, что тот его раскусил — так было проще, чем сказать правду.

Он перечитывал ее бессонными ночами. Ему все время казалось, что он упускает что-то важное, и если посмотрит еще раз, то обязательно это уловит. Некоторые страницы окончательно потеряли свою гладкость. Это было немым доказательством, что Томас останавливался

на них чаще всего. Эти места отец Мартин всегда открывал с особой осторожностью, будто боялся потревожить что-то хрупкое, оставшееся между строк.

Он так и не нашел на затертых страницах всего, что хотел, — но то, что там было, уже разрывало сердце.

Помимо контактов, адресов и случайных пометок, книжка была исписана обрывистыми фразами. Не нужно было всматриваться, чтобы понять: записи делались в разное время — от совсем неуклюжих, детских букв до уверенного, сформировавшегося почерка. Иногда они шли подряд, одна за другой, а иногда вклинивались между списком книг или адресом почтового отделения. Это походило на эмоциональные всплески, которые невозможно было держать внутри. Они остались на бумаге, чтобы облегчить боль писавшего и навсегда лишить надежды читающего.

Священник открывал слипшиеся страницы и пробегал по ним глазами на одном нервном импульсе:

«Мне снова приснился тот мальчик. Он зовет меня Томасом. Я не знаю, кто он. Мама говорит, что это просто сон».

«Мама накричала на меня. С папой тоже ругалась целый вечер. Он снова набрал долгов и все проиграл».

«...Не хочу идти домой после школы. Мне там все время страшно».

«Сегодня папу нашли в машине. Говорят, он себя поджег. Мама не плакала. Она собирала вещи».

«К нам приходят какие-то люди и требуют вернуть долг. Мама сказала мне ложиться спать. Утром ее не было. Я ждал три дня. Потом меня забрали».

«Воспитатель сказал, что в моем деле стоит пометка о смене имени. До двух лет оно было другим... Я совершенно ничего не помню. Кто я?»

(Почерк стал тверже)

«Мне снова приснился этот мальчик. Он сказал, что его зовут Мартин, и позвал играть. Он очень похож на меня».

«Я спросил, можно ли узнать, как меня звали раньше. Но они не могут найти документы. Обещали сообщить, когда восстановят архивы. Мне тревожно...»

«Сны повторяются. Мальчик продолжает звать меня Томасом. Я просыпаюсь и думаю, что это может быть моим настоящим именем. Но пока никто не может этого подтвердить».

«Я поступил в семинарию. Может, Бог знает, кто я. Он укажет мне верный путь...»

«Сегодня самый счастливый день. Архивы восстановлены. Сны не вали. Меня действительно зовут Томас, и у меня есть брат. Я обязательно его найду».

«Я пытался искать. Но я не знаю где. Мама лишила меня прошлого. Не хочу ничего знать о ней...»

«...К. сказал, что может найти моего брата. Я поверил. Я хочу верить».

(Буквы стали неровными, строки скачут)

«Со мной что-то происходит. Я больше не чувствую себя живым».

«К. не помогает. Он намеренно путает...»

«Я держусь благодаря Авроре. Во мне слишком много греха...»

«Меня готовят к какому-то ритуалу. Если это вернет мне семью, пусть делают что хотят. Я так устал...»

«Я уничтожил свою жизнь, а они уничтожили меня. Простите...»

HELA HELA

Насыщенная неделя сменилась спокойными деревенскими буднями. Все двигалось в своем привычном темпе. Разве что занятия для детей были отменены, пока Ют полностью не

поправится. Но это не мешало им прибегать к нему каждый день. Они гордо вручали самодельные открытки с трогательными надписями: *«Кхун, поправляйтесь скорее»*, *«Мы скучаем»*, *«Вы самый лучший учитель»*. Одна из девочек даже притащила рисунок, на котором он был изображен как супергерой в плаще в цветах тайского флага. Рисунок занял почетное место на стене учебного класса, вызывая умиление у всех, кому попадался на глаза.

Ба Яй тоже не осталась в стороне. Заходила по вечерам и приносила домашнюю еду. Могла подолгу сидеть рядом, пока Ют все не съедал. А за любую его попытку отказаться неизменно прилетало отцу Мартину.

Ют быстро приходил в себя. Настолько быстро, что это вызывало вопросы. Шрамы исчезали на глазах, а тело становилось более рельефным и подтянутым. Когда Лайт увидел его без футболки, то впал в оцепенение — отпечаток от ладони на груди бесследно исчез. Это трудно было назвать нормальным выздоровлением. Ют не просто быстро вошел в форму, он впрыгнул в нее.

Поначалу ему запрещали напрягаться, но запреты с ним никогда не работали. Он все равно возился в саду, таскал лейки и спорил о том, сколько времени нужно отдыхать после больницы.

Никто не обсуждал случившееся: священник наложил табу одной фразой: «Давайте для начала все придем в себя». Это дало возможность все хорошенько осмыслить, а чтобы занять мысли и руки, отец Мартин объявил о необходимости разбить пару клумб в саду.

Это сразу попало под критику Юта, поэтому ему пришлось сослаться на проседание земли. Теперь все сводилось к выбору цветов, пересаживанию их с места на место и расспросам Лайта о правилах композиции, которая никому не была интересна.

Они возились в земле до самого заката, пока последние лучи солнца не начали цепляться за верхушки кипарисов, укрывая тенью клумбы и статую Девы Марии. Та мирно покоилась среди кустарников, раскинув руки в жесте благословения.

Отец Мартин присел отдохнуть. Он наблюдал, как Лайт с Ютом докрашивают бордюрные камни, а между делом кидаются землей и засыпают ее друг другу за шиворот.

Священник вздыхал и охал, глядя на их дурачества, пока они его не заметили.

— О, мы не одни, — толкнул Ют Лайта под локоть.

Тот обернулся к священнику:

— На сегодня все?

— Угу.

— Хочешь побыть один?

— Да нет. — Отец Мартин махнул рукой. — Наоборот. Я сегодня разговаривал с Пхумом. Он сказал, что вы недавно виделись. Мы договорились, что они с ребятами приедут в гости.

Ют перестал красить:

— Серьезно? Было бы здорово!

— Серьезно, — священник улыбнулся. — Не верится, что вы давно выросли. Больше не будете путаться под ногами, гонять во дворе мяч и топтать все без разбору.

Лайт фыркнул:

— Почему же не будем.

— Потому что убью... — шутливо пригрозил отец Мартин. — Да простит меня Господь...

— Не согрешишь — не покаешься, — скривился Ют.

— Аминь, — иронично добавил Лайт.

Отец Мартин осадил их сухим «Кхм» и после продолжил:

— У всех свои дела, поэтому приедут не раньше Рождества. Как раз к твоему дню рождения. Отметим два праздника вместе. Как в старые добрые времена.

Ют, гонявший кистью муравьев, вскочил как ужаленный.

— Погодите-ка! — воскликнул он. — Лайт родился двадцать пятого декабря? В самый день Рождества? Как и... — он замер, а его глаза, казалось, лопнут от напряжения. — ...Как и... — Он указывал в небо, тряся пальцем.

В порыве Ют вскочил на постамент и зажал уши статуе.

— Не слушай их, Пречистая Дева! — прошептал он, таращась на безмятежное лицо скульптуры. — Это какая-то дьявольская шутка! Эти люди не ведают, что говорят.

Лайт перестал смешивать краску — закатил глаза, словно смотрел надоевший спектакль:

— Ты слишком драматизируешь. Это всего лишь совпадение, не более.

— Совпадение?! — завопил Ют. — Ага. Небесный юморок. Прямо вижу, как они там смехом заходятся: «Ой, смотри-ка, еще один родился в один день с Сыном Божиим!» Только этот, — Ют смерил Лайта критическим взглядом, — больше на падшего похож, со своими жуткими фокусами!

Отец Мартин покачал головой — подошел к статуе и настойчиво оттянул Юта от поста-мента.

— Успокойся, пацан, — произнес он с отеческим упреком. — Не стоит так богохульство-вать, даже в шутку. У Господа есть чувство юмора, но знай меру.

— Ладно, ладно, — пробурчал Ют, отряхивая потертые штаны. — Пусть будет по-вашему. Простое совпадение. Но! — он уперся руками в бока. — Я лично прослежу, чтобы день рождения не превратился в языческий шабаш. Никаких черных свечей, никаких пента-грамм на торте и жертвоприношений белок. Только скромность, молитва и, возможно, немного вина. Естественно, под моим чутким контролем.

Лайт терпеливо слушал, переглядываясь со священником. Ют все еще казался нерацио-нальным и слегка сумасшедшим, но своей честностью и открытостью он по-хакерски обходил его внутреннюю защиту. Лайт поймал себя на мысли: возможно, Ют начал его принимать.

Неожиданный ливень загнал всех в дом. Резко стемнело. Тяжелые капли размером с монету глухо упали на пальмы. А через мгновение небо разорвалось и кожу обдало парниковой прохладой. Воздух стал настолько густым и плотным, что, казалось, его можно резать ножом.

По заливу прокатился гром. Он отражался от водной глади, а после встречался с дале-кими всполохами молний, выхватывая из темноты свинцовую гладь воды. Миллионы капель вонзились в зеркальную поверхность и залив «закипел». Дождь мог идти сутками, а когда он брал передышку, на сцену выходил оглушительный хор лягушек, праздная приход большой воды в тропические ночи. Сезон дождей набирал силу. Без зонта лучше было не выходить, хоть он и не спасал.

Глава 18

Хейз решительно доехал до деревни по размытой дороге, но задержался в машине. Двигатель уже заглох, а он все еще держал руки на руле, глядя на узкую дорогу между домами.

Непривычно тихо и спокойно. Он колебался.

Несколько раз брал в руку телефон, снимал блокировку и смотрел на экран. Не позвонил. Выключил звук и закинул в бардачок. У него было ровно три часа, чтобы без подозрений вернуться в университет к Элайдже.

Он поднял взгляд на дом. Деревянный. Старый. Почти утонувший в высоких деревьях.

Хейз не любил незапланированных визитов, но сегодня стал тем, кто нарушает свои же правила. Да и с тех пор, как он приехал в Таиланд, ничего не шло по плану. Пришлось учиться спонтанности, иначе под существующие реалии было просто не подстроиться.

Он вышел, глухо хлопнув дверью, и огляделся по сторонам. Рядом — ни души. Только где-то вдалеке монотонно рычала бензопила.

Прошел вглубь двора, поднялся на крыльцо и постучал. Дверь открыл священник. Он выглядел уставшим.

— Добрый день. Отец Мартин, я полагаю?

— Да, а вы...

— Меня зовут Хейз.

— Ах, да. Это вы приезжали забирать профессора.

Лайт сидел на полу у подоконника. Рядом стояла чашка с пережаренным кофе — он любил именно так, чрезмерную горечь. Задумчиво крутил на пальцах кольца, наблюдая, как металл жадно втягивает в себя преломленный солнечный свет.

Услышав имя за дверью, он резко поднял голову. Вскочил и в несколько быстрых шагов оказался у входа, зажав кольца в кулак. Практически оттолкнул священника в сторону и загордил проход.

— Что тебе здесь нужно?

Хейз даже не попытался сделать шаг вперед.

— Не горячись... — спокойно ответил он. — Я пришел поговорить. Это же допустимо?

Отец Мартин осторожно взял Лайта за запястье, пытаясь оттянуть от двери. Тело под пальцами оказалось каменным и неподвижным. Лайт продолжал смотреть на Хейза так, будто тот стоял не на пороге дома, а на поле боя.

— Давай его послушаем, — мягко произнес священник и сильнее сжал руку Лайта.

Тот отступил. Сделал шаг в сторону, пропуская Хейза в дом — не ради беседы, а скорее перед авторитетом отца Мартина. Он с детства помнил его главное правило: «Здесь не место для ненависти. Если человек приехал поговорить, то мы обязаны его выслушать».

Дверь осталась приоткрытой — как напоминание, что гостю не стоит задерживаться. Никто не предлагал чай и не делал вид, что это обычный визит, все держали жесткую дистанцию.

— Говори и уходи. Я не собираюсь участвовать в этом цирке, — отрезал Лайт.

— Ты уже участвуешь, — спокойно возразил Хейз. — За тобой давно следят.

Отец Мартин нахмурился и пододвинул ему стул. Хейз огляделся, поблагодарил и присел.

— Где твой нонг?

Лайт напрягся.

— Он спит. И это не твое дело.

— Теперь мое, — Хейз стоял на своем. — Очнись уже, он опасен.

— Для кого?

— Для всех.

Атмосфера накалялась. Еще секунда — и они сцепились бы как дворовые псы. Отец Мартин подтянул стул и сел рядом.

— Нам нужно его послушать... — тихо обронил он, нервно вытирая пот со лба.

Лайт шагнул вплотную, грубо схватился за спинку стула и рывком развернул Хейза к себе:

— Тебе бы лучше притормозить в суждениях, или...

Священник снова перехватил его руку и предостерегающе качнул головой.

Что-то едва скрипнуло, но никто не заметил, кроме Хейза — тот сразу почувствовал иное присутствие и покосился на лестницу. За высокими перилами притаился Ют — сидел на ступеньках, уткнувшись лбом в переплетенные пальцы. Он отчаянно пытался затаиться, но спрятать тело было мало.

Хейз невозмутимо повернулся к Лайту:

— Как давно он подцепил чужую душу? Что произошло потом? Почему не изгнали сразу?

Он продолжал сыпать вопросами, а Лайт был сбит с толку. Он знал только то, что ему рассказал отец Мартин, и большую часть этого по-прежнему ставил под сомнение. Только сейчас до него начинало доходить: «Я игнорирую что-то важное?»

Он раздражался и чувствовал себя изолированным. Перевел взгляд на священника — тот молча кивал на каждое слово Хейза.

Но вдруг его осенило.

— Ты и профессор? — спросил он. — Вы одинаковые?

Хейз внимательно посмотрел на него и слегка кивнул:

— Технически — да. Но есть...

— Нюансы, — перебил Лайт. — Как же меня это достало. — Он набрал полную грудь воздуха. — Получается, и я такой же?

— Нет, — отрезал тот. — Ты самый обычный человек. Насколько слово «обычный» вообще применимо в твоём случае.

Кривая улыбка проскользнула на губах Лайта.

— Ммм, воодушевляет.

— Я бы знал, будь иначе, — продолжил Хейз. — Назовем это моей особенностью. Я считываю любую аномалию внутри человека. Ты чист. Просто... другой.

Его взгляд упал на сжатый кулак Лайта:

— Кольца не были использованы.

Лайт спохватился. Он забыл, что держит их, и быстро повесил цепочку на шею.

— Их нужно будет вернуть, — добавил Хейз. — Они принадлежат Совету.

— Ну тогда пусть придут и заберут.

Хейз кивнул, приняв ответ. Еще какое-то время он изучал Лайта, пытаясь понять, почему Элайджа так колеблется рядом с ним. Резкий, острый, бескомпромиссный — не самый располагающий набор качеств. Но сила духа и готовность защищать свое были Хейзу знакомы. И, как ни странно, импонировали.

Тишину нарушил отец Мартин:

— Почему мы должны бояться Юта?

— И почему ты назвал его химерой? — добавил Лайт, сверля взглядом.

Хейз на мгновение закрыл глаза. Этого хватило, чтобы убедиться, что Ют все еще здесь: замер в тени перил и слушает. После продолжил:

— Химеры крайне редки. Я раньше не встречал ни одной. До этого момента...

Лайт нервно пригладил волосы:

— Давай к сути.

— Это не одержимость, а кое-что похуже, — спокойно продолжил Хейз. — То, что вы привыкли считать паразитом, на самом деле — неушедшая душа. По какой-то причине она оказалась в нем и, что еще важнее, была заблокирована. Это я потревожил ее, когда попытался влезть парню в голову. И теперь обязан вас предупредить.

Священник не выдержал — несколько раз размахисто перекрестился.

— О Господи! Это моя вина... Я не хотел этого. Видит Бог, не хотел. — Он начал неосознанно покачиваться на стуле.

— Со временем две души слились в одну, — продолжал Хейз. — Так появилась химера.

— И в чем опасность? — мрачно спросил Лайт.

— В том, что этот процесс невозможно контролировать. Полукровки бессильны. Да и ты, как выяснилось, тоже, — Хейз иронично выделил последнее слово интонацией. — В Юте больше нет паразита как отдельной сущности. Изгонять просто нечего. Зато химера способна эволюционировать. А вот во что — чистая лотерея. Существует легенда, что основатель Совета тоже был химерой. Но я в теории не силен.

После всего сказанного в комнате заметно похолодало. Лайт стоял, скрестив руки, и переглядывался с отцом Мартином.

Хейз быстро это уловил и перехватил внимание священника на себя:

— Как давно это началось?

— Около восьми лет назад. Все это время он был под моим присмотром, и ничего необычного я не замечал.

— Вы знали о его одержимости?

— Знал. С самого начала.

Ют на лестнице сжал перила.

— Что именно случилось? — Хейз подался вперед. — Должно было произойти что-то серьезное, чтобы душа самостоятельно проникла в человеческое тело.

— Так и было. Мать Юта пришла ко мне с мольбой провести службу. Она была яркой атеисткой, но страх за сына оказался сильнее принципов. — Отец Мартин склонил голову. — Когда она рассказала о странностях в его поведении, я сразу все понял. И сейчас, кажется, я догадываюсь, почему это случилось именно с ним.

Хейз подался чуть ближе:

— Поясните.

— У нее был рак желудка, который диагностировали слишком поздно. — Священник тяжело вздохнул. — Ют был полностью разбит. Винил во всем себя, потом остальных. Замкнулся, а после — изменился.

— И что вы сделали?

— Я пообещал помочь и присмотреть за ним. Тогда я и представить не мог, что все обернется подобным кошмаром.

— Обещали? Но вы ведь не экзорцист.

— О, молодой человек, нет ничего трагичнее, чем видеть отчаяние в глазах умирающей матери.

Отец Мартин говорил о предсмертной просьбе матери Юта, но мыслями возвращался к Авроре с новорожденным Лайтом на руках. Его память давно сплавила два этих воспоминания в один невыносимый долг. И сейчас он уже сам не различал, кому именно в тот момент поклялся позаботиться о ребенке.

Собравшись с силами, он продолжил:

— Я почему-то решил, что смогу удержать ситуацию один, без Лайта. Но все пошло наперекосяк. Только пару месяцев спустя Ют начал возвращаться к нормальной жизни. Он совершенно ничего не помнил. Я убедил его остаться и все эти годы не сводил с него глаз, но до последнего не был уверен, что паразит действительно ушел...

Лайт не сдержался, сорвался на крик:

— Почему ты не связался со мной? Зачем все это?

Священник ответил повышенным тоном:

— Как я мог? Ты был напуганным, запутавшимся ребенком... Это не твоя ответственность.

— Но ведь теперь моя... — Лайт ходил по комнате, ускоряя шаг. — Какой бред! Меня не было восемь лет. Что угодно могло произойти за это время. С ним, с тобой...

Хейз следил за ним взглядом. Он еще раз попытался считать его природу. И снова ничего необычного. Всего лишь человеческая душа — не существует более сложного механизма.

Посмотрев на часы, он снова заговорил:

— Сейчас это уже не имеет значения. Но учтите, его не оставят в живых.

Лайт замер и медленно повернулся:

— Что ты несешь? Ют не опасен.

— Пока нет. Но это может измениться в любой момент. — Хейз встал. — Я вас предупредил. Решайте сами, что с этим делать.

Отец Мартин мрачнел на глазах и растерянно оглядывал комнату.

— Мне пора. Спасибо, что выслушали.

Гость направился к выходу.

— Что ты хочешь взамен? — окликнул его Лайт.

Хейз притормозил у порога.

— Не навреди ему, — ответил он, не оборачиваясь, и вышел за дверь.

Речь уже шла не о Юте. Лайт сразу понял, сколько личного скрывалось в этой короткой фразе. В визите Хейза не было ни сострадания, ни заботы, ни даже профессионального интереса. Зато отчетливо пахло знакомым парфюмом.

Хейз хотел лишь одного — чтобы угроза не коснулась Элайджи.

Лайт его не осуждал. Он не был склонен к оценочным суждениям и в этом хитрил — иначе пришлось бы начать с себя. Сейчас его волновал только Ют и отчаянная попытка разобраться, где заканчивалась правда, начиналась ложь и кому все это выгодно.

Он бросился вдогонку и выскочил на улицу. Хейз услышал шаги и остановился.

— Ты же приехал, чтобы защитить его? — Лайт подошел практически вплотную. — Что у вас за отношения такие?

Но не успел получить ответ, отвлекся на задористый велосипедный звонок. По дороге проезжала соседская пара, громко обсуждавшая что-то на ходу.

— Лайт! Как ваши дела? — окликнул его мужчина.

— Заглядывайте к нам завтра, мы как раз будем коптить рыбу! — добавила женщина.

Лайт развернулся к ним:

— Все хорошо, дядя. Мы обязательно заглянем, тетушка.

Он помахал рукой и непринужденно улыбнулся.

Пара скрылась за поворотом. Хейз не отрывал взгляд от Лайта, пытаясь понять, как человек способен в секунду сменить выражение лица, голос и даже походку. Тот, кто махал соседям, и тот, кто бесцеремонно его допрашивал, — два разных человека.

Он снова глянул на часы и двинулся к машине.

— Ют не опасен, — повторил Лайт уже жестче.

Плечи Хейза заметно напряглись, но он не обернулся. И только садясь за руль, он повернулся к Лайту:

— Хищник всегда маскируется под жертву. Ты знаешь это лучше меня. И когда химера проснется, тебе придется его убить.

Непонятное свербящее чувство осело в груди Лайта. Он не был фаталистом, но, глядя вслед машине, чувствовал безысходность.

Ют все еще сидел на лестнице и смотрел на него через окно — Лайт стоял посреди двора, до предела взвинченный.

А Ют думал только об одном — как его жизнь так резко изменилась за две недели. Преведняя рутина теперь казалась самым счастливым временем: просыпаться по-раньше, суетиться по мелочам, забывать выключить свет, слушать, как отец Мартин ворчит за невытую кружку...

Это все так просто и понятно. А что теперь? Что ему делать? К кому идти?

Священник растерян. Лайт — в отрицании. Они оба понятия не имеют, что происходит и что будет дальше. К Хейзу, который приговорил его к смерти?

Мысли метались, сталкивались и перекрывали друг друга, пока в голове не осталось ни одной — только звенящая пустота и нервное истощение. Но почему-то именно Лайт казался единственным, кто способен помочь. Либо Ют цеплялся за эту мысль, чтобы окончательно не сойти с ума.

Тело затекло от статичной позы. Он поднялся в комнату, запер дверь и подошел к зеркалу. Долго всматривался в свое отражение — до абсурда обычное, ничем не примечательное, разве что слишком загоревшее. Что в нем настолько неправильного, чтобы кто-то всерьез хотел его убить?

Но чем дольше он смотрел, тем меньше узнавал себя.

Отражение дрогнуло. Совсем чуть-чуть. Ют моргнул и шагнул ближе. Лицо оставалось его, но контуры поплыли, будто кто-то водил по стеклу влажной кистью. Сначала изменился цвет глаз, а зрачки расфокусировались. Потом сдвинулись тени под скулами, а уголки губ поползли в обратную сторону.

Он резко вскинул руку, затем вторую, опустил обе. Отражение послушно повторило жесты. Лицо снова выглядело как прежде.

— Что я вообще делаю? — пробормотал он под нос.

Развернулся к кровати и рухнул лицом в подушку. Навалившаяся усталость мгновенно утянула его в сон.

В это время Хейз уже мчал по трассе в сторону Бангкока. Дорога тянулась однообразной лентой, и он почти не замечал, как меняются пейзажи за окном. В голове все еще крутился разговор с Лайтом, а фраза «Ют не опасен» — откровенно раздражала.

Хейз думал, что, возможно, сболтнул лишнего. Это столкновение изначально не предполагало третьего игрока. Ют оказался втянут в него против воли, но внезапно стал критически важной переменной, которую нельзя сбрасывать со счетов.

На въезде в город телефон коротко завибрировал. Пришло сообщение от Кроу: *«Заезжай немедленно. Тут опять куча писем для Элайджи. Все на мое имя пришло. Забери, пока я их не сжег к чертям собачьим»*.

Хейз устало выдохнул. Только Кроу умел так формулировать просьбы.

Он свернул на нужную развязку и вскоре доехал до пентхауса. Раскланявшись с персоналом в холле, поднялся на нужный этаж. Уже выходя из лифта, заметил, что дверь в квартиру приоткрыта, а на пороге стоит новый охранник.

Хейз вразвалочку подошел ближе. Он деловито засунул руки в карманы, нагло разглядывая новичка. Затем достал леденец, опустил его в нагрудный карман парня и прихлопнул сверху, будто вручал медаль. Охранник стоял неподвижно, заложив руки за спину, и только бегающие глаза выдавали его растерянность.

— Удачи, — бросил Хейз, потряс его за плечо и занырнул в приоткрытую дверь.

Яркий свет сразу ударил по глазам — все лампы в квартире были включены. Кроу копотился у стола, раскладывая бумаги в аккуратные, как под линейку, стопки. Хейз мгновенно приметил собранный чемодан у окна и теплое пальто на диване, которое в Бангкоке явно не пригодится.

— Я ненадолго уеду, — заговорил Кроу, не поднимая головы. — Забирай письма и объясни этим идиотам, что людей с одинаковой фамилией можно различить по инициалам.

Хейз подошел к столу. Взял стопку писем и начал перебирать: парочка приглашений, куча счетов, университетская подписка... И самый неприметный конверт с пометкой «Служба по вопросам захоронений».

Он сглотнул и отделил его от остальных в пачке. Кроу сразу обратил на это внимание и вырвал конверт.

— Оу... Моя дорогая Мэри, — драматично вскинул он бровь. — Столько лет прошло, а ты не перестаешь напоминать о себе.

Хейз выхватил конверт обратно. Положил к остальным и спрятал во внутренний карман пиджака.

— Вас самого от себя не тошнит? Никогда?

Кроу только хмыкнул в ответ. Взял со стола толстую папку и всучил ее Хейзу.

— Просмотри и отбери только выгодные предложения. Нет желания копаться в этом бюрократическом мусоре. Ты же у нас элитный юрист, в конце концов.

— Можете не отвечать, я и так все знаю...

Кроу оставался непробиваем.

— Нужно отдать тебе должное, Хейз. Твоя проницательность превосходит все ожидания. И если уж ты такой осведомленный, почему не расскажешь Элайдже, что случилось на самом деле?

— Зачем давить на чужие раны, если не собираешься их лечить? — спокойно отозвался Хейз. — Я не в силах ничего исправить. Не могу вернуть ему мать. Но своей правдой наверняка лишу его отца.

— Ты становишься слюнтяем рядом с ним.

— А я думал, это называется верностью.

— Верностью? Твои родители бросили тебя... А я подобрал и вырастил. Так кого из нас ты должен отблагодарить верностью?

— Вы забываетесь — я полукровка. Или, как вы выражаетесь, «очередной неудачный эксперимент». Я без труда влезу в вашу голову и узнаю все, что мне нужно. И кстати, о родителях — меня не бросали... Ведь так, мистер Кроу?

Тот слушал, сдвинув брови. Вместо гнева или тяжелой руки, чтобы осадить дерзкого воспитанника, он расплылся довольной улыбкой.

— Какая восхитительная наглость, — Кроу смаковал момент, подходя ближе.

Его не заботила ментальная уязвимость, он видел лишь забавную демонстрацию зубов.

— Я бы многое отдал, чтобы Элайджа хотя бы наполовину был похож на тебя. Смотрел на меня с таким же холодом и расчетливым бесстрашием, — он похлопал Хейза по плечу, игнорируя дистанцию. — Но не обольщайся своей осведомленностью. Знать правду и иметь возможность ее использовать — это разные вещи. И пока ты так печешься о покое моего сына, ты у меня на крючке.

Хейз не ответил. Он попрощался и размеренно зашагал по коридору к лифту.

Покрутил в руках жевательную резинку, закинул в рот и, прикрывшись кулаком, зашелся сдавленным смехом. Кроу переиграл сам себя.

Пока он думал, что контролирует Хейза, тот выстраивал стену вокруг друга и умело жонглировал навязанными ролями: будь то слюнтяй, верный пес или неудачный эксперимент. Главное — Кроу продолжал смотреть на него, а не на Элайджу.

Будучи мишенью, Хейз стал настолько интересным и «правильно испорченным» объектом, что Кроу невольно ослаблял хватку на горле сына.

Нажав на панели кнопку, Хейз вытянул телефон. Двери лифта сомкнулись.

Пара гудков.

— Джа, давай перекусим!